

№ 93
II 489508

П. КУРАКИН

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

П. КУРАКИН

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

ПОВЕСТЬ

Издательство „Детская литература“
Ленинград 1964

Рисунки Ю. Лаврухина

Это повесть о первых шагах молодого чекиста. На долю Артемки выпало трудное и тяжелое детство. Мать умерла, отец — большевик, подпольщик — в ссылке. Но мальчик помнит отца, старается походить на него, и в этом ему помогают товарищи отца, питерские рабочие.

Мальчик на побегушках в монастыре, в мастерской у гробовщика, в ресторане, в казарме, он, наконец, в 1917 году попадает в Питер. Здесь, постигая великую школу жизни, Артем идет по стопам отца и становится чекистом.

Автор повести — Петр Григорьевич Куракин — прошел путь боевой рабочей юности. Комсомольский вожак, потом партийный работник, директор предприятия. В годы Великой Отечественной войны — боец, комиссар полка.

Тяжелое ранение на Ленинградском фронте, ампутация ноги, а позднее — паралич приковали Куракина к постели. Но сила воли, желание быть полезным Родине помогли найти новое призвание: он стал писателем. Первая книга Петра Григорьевича «Жизнь побеждает» вышла в 1957 году. Вслед за ней появились книги «Далекая юность», «Кипучие годы».

Повесть «По зову сердца» — вторая книга Петра Григорьевича для школьников. В настоящее время он работает над новой книгой, продолжающей повествование о жизни и революционной деятельности чекистов в годы первых пятилеток.

ЧАСТЬ I

АРТЕМКА

1. В МОНАСТЫРСКОМ САДУ

Н

еподалеку от губернского города Вологда, около села Широково, стоит старинный монастырь. За высокой, окрашенной в голубой цвет монастырской стеной, среди буйной листвы кленов, далеко видны две большие, о пяти луковках-маковках, церкви. Здесь же высится каменный дом с узкими оконцами и различные постройки — службы, а за ними огромный яблоневый сад — весьма доходная статья для обитающей в монастыре братии.

На рассвете сад пахнет особенно свежо. Порывистый ветер трясет верхушки деревьев, и с них тяжело падают яблоки. Спелые плоды ударяются о черные бугры корневищ, и под их нежной кожицей расплываются большие круглые синяки. Тронешь зубами ушибленный бочок, а из него белыми молочными каплями брызжет сладкий, пахнувший первым снегом сок.

Под солнцем сад курится теплым туманным маревом, и кажется, что яблони запутались своими верхушками в зыбкой воздушной паутине.

Садовником в монастыре был монах Ферапонт. Во

хмелю он любил петь, становился многоречивым и жалостливым, часто выкрикивал: «Эх, где ж ты, молодость моя!»

Единственным слушателем монаха был взятый из сиротского приюта парнишка, по имени Артемка, долговязый, с большой головой на тонкой шее, с не по-детски печальными, внимательными глазами. Всегда настороже, как слабый, но готовый к драке зверек, Артемка нравился Ферапонту своей понятливостью и молчаливым послушанием.

Вот и сегодня монах тихо бредет по саду, издали наблюдая, как Артемка, придерживая одной рукой подол рубахи, собирает упавшие за ночь яблоки, выпутывая их из цепкой травы. Подойдя ближе к мальчику, Ферапонт вдруг громко запел, разминая в руках крепкий паданец:

На том ли острове высоком
Стоит богатый монастырь.
Спасался юноша прекрасный,
Угрюмый молодой монах ..

Артемка, вздрогнув от неожиданности, разогнулся и выронил яблоки. Ферапонт, довольный тем, что ему удалось напугать мальчика, глядя куда-то в сторону, сказал: — Корзину с яблоками к Мелитине отнесешь. Да чтоб в сумерки Мелитина через лаз в гости пришла. Понял?

Артемка радостно кивнул:

— А если игумен дознается?..

Ферапонт, не ожидавший такого вопроса, сначала удивленно поглядел на Артемку, потом расхохотался, доставая огромный красный платок.

— Игумен? Да он у меня вот где, — он сжал и протянул Артемке тяжелый, грязный кулак. — Весь здесь... Он, ракалия, в тышу раз хуже меня. Понял? Да только умеет концы в воду прятать. И меня, брат, не объедешь. Я много знаю про все его грехи; игумен меня пуще черта боится.

За долгие годы, проведенные в монастыре, Ферапонт вдосталь насмотрелся на жизнь монашеской братии, игумена и его приближенных. Сам он уже давно не верил в бога, хотя и притворялся, как и многие другие. Ферапонт не верил и людям, не любил их.

— Правильно в Библии написано, — говорил он Артемке, — что господь создал людей из грязи. Грязь они и сейчас. Понял?

— Зря вы это... Не все люди грязь... — тихо шмыгнув носом, ответил Артемка, вспомнив при этом своего отца и дядьку Ерофея из Широково. — Есть такие, что и вправду грязь, а есть и другие...

Монах рассердился.

— Ты брось возражать! Кому возражаешь?! Какое у тебя может быть понятие о людях? Что ты видел, что знаешь?.. Одним словом — приютский!.. Ну, чего на меня уставился?..

— Смотрю, — не без ехидства заметил Артемка, —

красивый вы, отец Ферапонт, а сами про себя бог весте чего говорите, будто вы грязь...

— Когда же я такое про себя говорил?

— А вот, раз все люди грязь, а вы тоже ведь человек, то и вы...

— Ишь ты, щенок, как вывел-то... Нет, Артемка, я не грязь, я есть человек страждущий и униженный. А мог бы быть! Да не судьба. А потому я три вещи только и признаю: сад этот, водку, да... — Он не договорил и громко засмеялся, оскалив свои крепкие, на редкость белые и ровные зубы.

— Ничего-то ты не понимаешь, — оборвал смех Ферапонт. — Тебе еще без порток бегать положено. Ну, чего глазищи-то уставил?

— Зубы у вас хорошие...

— Зубы, говоришь? Зубы у того плохие бывают, кто сладко ест и пьет. А я, брат, в деревне жил... — он уселся поудобней на охапку сена и, щуря маленькие бегающие глазки, начал рассказывать о деревенской жизни, не интересуясь, слушает ли его Артемка.

— Батя у меня был, царство ему небесное. Он-то меня в монастырь и упрятал, чтоб, значит, я его грехи отмаливал. Силы он был непомерной, и вся сила у него в брюхе была. Перепояшет, бывало, вожжами живот, натужится — и лопнут вожжи, ровно нитки. За это самое и водили его купцы по трактирам, поили водкой, а он им на потеху животом вожжи рвал. Однажды ему так стиснули живот вожжами, что из горла юшка пошла: от натуги, значит, жила лопнула. Всего пять ден после этого протянул и успел только меня в монахи определить. Жениться я тогда собрался, а он, не спросясь, на боге меня и оженил.

Ферапонт достал большой красный платок и громко, с придыханием, высморкался. Он внимательно посмотрел на мальчика и продолжал:

— Я вот и про твоего родителя все вызнал. Против царя он пошел, нехорошо это. Считаю, погиб человек и сиротину оставил. Кому хуже? Себе самому, да еще тебе вот. Игумен-то наш, слуга божий, все норovit на даровщинку, вот тебя к работе и приставил за квас да за хлеб. Только повезло тебе, что ко мне в сад попал. Вокруг у нас благорастворение воздухов и пользительно очень. Ты держись за меня, Артюша, — уже грустно за-

кончил он. — А сейчас иди, скажи Мелитине: ждет, мол, и очень страдает...

Когда Артемка кончил укладывать в корзину яблоки, монах уже шумно храпел.

Спал Ферапонт так, что, хоть из пушки стреляй, не добудишься. Храпел громко, заливисто, то посвистывая носом, то всхрапывая.

Артемка отошел к высокой стене, вложил два пальца в рот и свистнул. Сразу же послышался ответный свист, и вскоре на гребне стены показались его приятели — приютские ребята. Сам он тоже совсем еще недавно был таким же приютским, но сейчас он мог считать себя «хозяином» этого огромного монастырского сада, в который, как горох из стручка, посыпались ребята.

— Залег надолго, боров, — сказал Артемка, не испытывавший никакого почтения к монаху, — но все же надо поостеречься. Яблоки снимайте, но веток не ломать, а то от меня достанется, не погляжу, что приятели. Ну, валяйте, а я его постерегу.

Приютские рассыпались по саду, стараясь все же не очень-то удаляться от стены, чтобы в случае тревоги сразу же спастись бегством. Для них, всегда голодных, забитых, возможность полакомиться яблоками, да еще монастырскими, да еще под страхом попасться, была особенно заманчива. Они верили Артемке — уж он не прозевает, вовремя подаст сигнал, успеют скрыться.

Артемка, по мнению ребят, был удачливый. Уже одно то, что он из самого Питера, много значило. И отец его — особенный человек, против самого царя пошел; должно быть, отчаянный. И сам Артемка не остался в приюте, а устроился хорошо, находится при деле, сыт всегда. Но в самом деле не так уж сладко было Артему под началом монастырского садовода. Нередко награждал его Ферапонт зуботычиной, а кулак у монаха был увесистый, что гиря. Зуботычин немало доставалось и ребятам в приюте, да только яблок там не давали и рвать их было негде. А кормили так, что всегда ребята были голодные. Нет, Артемке лучше.

Разве могли догадаться ребята, что отпустили Артемку из приюта в монастырь только потому, что хотели от него избавиться, надеялись, что в монастыре мальчишку крепче скрутят и сделают более покорным.

Дружно трудились в саду приютские ребята. Одной

рукой придерживая ветку, они рвали яблоки, выбирая, какое получше, покрасивее. Ели, совали в карманы, за пазуху, не чурались и паданцев — паданцы даже послаще.

Уже ушли приютские — кто перебрался через стену, кого Артемка выпустил через лаз, — а монах все еще спал...

Выполняя приказание Ферапонта, Артемка поднял корзину и, недалеко от лаза в стене, поставил на землю. Затем подошел к небольшой, еще не плодоносящей яблоньке, любовно осмотрел ее и снял со ствола и листьев всех жучков и гусениц. Острым концом подобранной в саду палки разрыхлил вокруг ствола землю. Он с нетерпением ожидал, когда его яблонька даст первые плоды.

— Рости, милая... — сказал он яблоньке. — Рости...

Полный самых радужных мыслей, Артемка снова поднял тяжелую корзину, через лаз в стене выбрался в поле и быстро пошел к селу.

* * *

Дом Мелитины стоял на косогоре. Строил дом ее покойный муж — владелец шорной мастерской, лавки на два раствора и кузницы. Скупой и прижимистый старик, здесь он расщедрился и выстроил дом всем на удивление. Особенно изумляла всех витая резьба на наличниках и колонны, поддерживающие крыльцо.

Старик был крепкий, никогда не болел и вдруг в день именин Мелитины неожиданно умер.

Следователь и врач, приехавшие из губернии, проводили дознание. Они прожили в новом доме неделю и уехали. Мелитина после рассказывала бабам, что доктор установил смерть от винного удушья. Однако людская молва утверждала другое, и все дивились тому, как быстро брат Мелитины открыл в Вологде магазин — торговлю гробами.

Артемка всегда уходил от богатой вдовы сытый. Она угощала его остатками мясных щей, а иногда давала жареную картошку, что уже и совсем было вкусно. Бывая в Широково, прислушиваясь к разговорам широковских баб, Артемка искренне удивлялся: почему никто не любит Мелитину? Ферапонт, которому он высказал

свое недоумение, задумчиво почесал большой нос, украшенный огромной бородавкой, и неуверенно ответил:

— Так ведь завистлив народ. Богатству ее завидует. А что она крутенька, — так это из рода в род. У них вся семья такая. От бога характер человеку дан. Понял?

Ничего не понял тогда Артемка, но думать об этом перестал: от бога так от бога.

Он шел в село через монастырское поле по давно знакомой тропке, проложенной среди ржи. У самого села он неожиданно наскочил на Мелитину. Она шептала сдавленным голосом: «Тише!» — и Артемка замер, вытягивая шею...

Впереди в овине о чем-то спорили мужики. Он не сразу разобрал слова.

— Это еще поглядим... Отродясь она наша. До того игумен разъялся, что в ворота не пролазит, а все мало ему...

— О чем это они? — шепнул Артемка.

— Молчи, не твое дело. О Приречье спорят. — Так в Широково называли заливной луг, дававший богатые укосы. — Ладно. Яблоки принес? Идем...

Они обошли овинны стороной, поднялись на косогор, и Мелитина, облегченно вздохнув, открыла тяжелые двери в дом.

— Заходи, что ли. Чего тебе обратно-то бежать. Праздник завтра — погуляешь...

Открыв вторые двери, Мелитина тихонько ойкнула, из комнаты донесся короткий, дребезжащий смешок.

— Что, не ждала? Так-так-с...

Артемка несмело подошел к дверям и заглянул в комнату. За столом сидел похожий на Мелитину мужчина лет пятидесяти пяти. В отличие от хозяйки, он был невысокого роста, тощ и желт лицом, на щеках висела дряблая кожа, и когда он смеялся, повторяя свое «так-так-с», кожа судорожно дрожала.

— Или, часом, не рада братцу? — допытывался гость. — Я уж тут, не взыщи, все твое хозяйство осмотрел. Справная ты, Мелита, баба. Тебе только бы еще мужика хорошего найти. Кого там за спиной-то хоронишь?

Мелитина позвала Артемку, и он робко вошел в комнату. Гость дробно рассмеялся, кожа на щеках задрожала еще сильнее.

— Вот так мужик! Ну, что поцелуемся, может, сестра?

— Поцелуемся, — нехотя согласилась Мелитина. Она трижды поцеловалась с гостем, хмуро взглянула на стоящую возле двери батрачку Дашку, и та пулей вылетела из комнаты.

— Сейчас на стол соберет.

— Что ж, это хорошо, — довольно кивнул гость. — Брата уважать надо, почитать.

— Ты за почетом и приехал?

— Не дерзи, Мелитина!

— Или, может, соскучился, — не унималась Мелитина.

на. — Считаю, аккурат с прошлого спасова дня не поделись.

Она стояла перед братом, подперев руками жирные бока, чувствуя власть над ним, — власть, которая позволяла ей так разговаривать.

— С тобой говорить, что против ветра плевать, — проворчал гость. — Все равно обратно в морду попадет. Эх!..

Мелитина, усмехнувшись, села за стол, словно забыв, что в комнате находится посторонний. Артемка мялся на пороге, не зная, уйти ему или остаться, чтобы, не приведи, господи, не обидеть хозяйку: тогда влетит от Ферапонта по первое число. Он стоял, робко переминаясь с ноги на ногу.

— Или, может, должок привез? — издевалась Мелитина. — Неужто разбогател, Модест Донатович?

Гость, хмурясь, смотрел в сторону и молчал. Потом он махнул рукой и, по-прежнему уставившись в угол, глухо ответил:

— Какое там! Ты уж потерпи еще с годик, Мелита, — вот те крест, отдам. А я сюда в приют за мальчишкой приехал, мальчонка в мастерской нужен. Городские-то,

они не шибко идут, сама знаешь. А здесь... — Он быстро взглянул на Артемку. — Ну, а ты чего уши развесил? — грубо выкрикнул он, обращаясь к мальчику. — Подь отсюда! — но, спохватившись, спросил: — Да постой. Ты чей будешь-то?

— Оставь, — лениво остановила его Мелитина. — Ничей он, приютский. В монастыре прислуживает.

Артемка уже было переступил через порог, когда сзади снова прокрипел Модест Донатович:

— Пстой, я тебе говорю! Тебе сколько платят?

— Да ничего ему не платят, — все так же лениво объяснила Мелитина. — Я же тебе сказала — приютский. За харчи взят.

— Так-так-с, — оживился Багров. — А три рубля в месяц получать хочешь? Харч мой, да не какой-нибудь там монастырский, а с наваром. А? И работа нетрудная. И к делу пристанешь, а?

Мелитина быстро подняла руку, но тут же опустила ее. Артемка не понял, что она хотела сказать этим движением, но почувствовал, что у него перехватывает дыхание. Три рубля! Он никогда не имел столько денег. А что, если? И мысли словно обожгли его: он накопит денег побольше, узнает, где отец, и поедет к нему или пошлет эти деньги по почте.

Когда Модест Донатович — братец Мелитины — нетерпеливо спросил: «Ну, как?» — Артемка ответил, смотря в сторону:

— Так я что. Ферапонт отпустит ли...
— Это уж моя хвороба — отпустит или нет. В город зато поедешь. Ты в городе-то бывал?
— Я питерский, — тихо сказал Артемка.
— Скажи на милость! В общем, ка-ати отсюда, а завтра приходи, — строго приказал гость.
Артемка взглянул на Мелитину. Та сидела не шевельнувшись, и он, пожалев, что щей ему сегодня, по всей видимости, не дадут, вышел.

* * *

Поначалу Ферапонт не хотел отпускать Артемку. Но о чем-то поговорили с ним Мелитина с вологодским братцем, крепко угостили, и Ферапонт сказал Артемке:

— С богом! Считаю, что я тебя пропил, — мне все одно. Мне с ними спорить не к чему. Возьми яблоч на дорогу и иди! Зима придет, что тебе зимой в саду делать? А люди помирают и зимой, даже поболее! Вот и будешь для них гробы делать, а что?

Покидая монастырский сад, Артемке не жалко было ни Ферапонта, ни Мелитины. Ему было жаль свою тоненькую яблоньку. Жаль, что он не дождался ее первых плодов. И только тут затосковало его сердечко, когда он пришел к яблоньке попрощаться.

Вспомнив, что его ждут, Артемка рукавом смахнул нечаянные слезы, поцеловал ствол яблоньки и, сверкая босыми пятками, быстро побежал обратно, где ждал его ловый хозяин и Ферапонт. И почему-то в эту минуту ему стало жаль оставлять Ферапонта, к которому он все же успел привыкнуть.

Мог ли думать Артемка, что через несколько лет он снова увидит свою яблоньку и попробует ее кислотоватосладкие плоды, покрытые первым румянцем...

2. ШИРОКОВО

В Широково крестьяне справляли престольный праздник — спасов день. Модест Донатович отпустил Артемку только на околице села.

— Пойди погуляй, погляди на праздник, но к вечеру дома будь, — приказал он,

Артемка кивнул. Модест Донатович снова схватил его за руку:

— Ты как отвечаешь? Я тебе кто? Я тебе хозяин теперь. Стало быть, отвечать должен уважительно: «Слушаюсь, хозяин». Ну?

— Слушаюсь, хозяин, — пробормотал Артемка.

Самолюбие хозяина было удовлетворено. Он повернулся и пошел к дому Мелитины. Артемка побежал в село проститься с дядькой Ерофеем.

В Широково уже шумел народ...

Из распахнутых настежь окон неслись визгливые женские голоса. По улице села, пошатываясь, ходили ошалевшие от водки мужики. Нестройно, пьяными головами орали песни парни и девки. Артемка, пробегая мимо них, остановился.

— Ты чего, приютский? — крикнул какой-то парень. — Пошел, пока штаны не задрали тебе да стрекавой не нахлестали!

— Скажи своим долгогривым, чтоб сегодня на улицу не показывались, — поддержали его другие.

Артемка не понял, почему его гонят, почему сегодня нельзя появляться здесь монахам. И решил спросить у дядьки Ерофея.

Ерофей жил на самой окраине села в старой избе, позеленевшей от времени. Солома на крыше была старая, малейший ветерок выдергивал из нее длинные, грязные пряди и гнал по улице. «Из Ерофеевой бороды клочья летят, — Авдоха сердится», — смеялись на селе.

Ерофей был самый последний бедняк; единственным его богатством была коза — тощая скотина с мутными голубоватыми бельмами на глазах, но он радовался, что хоть ее не отобрали за недоимки. Кормился он тем, что делал рожки и свистульки из крашеной глины, затейливых петухов и потешных матрешек. Широковские кружева, костяные и гончарные изделия, а также игрушки каждый месяц отправляли в Питер и в Москву Гуляев и Мелитина, кулаки-скупщики.

Пожалуй, только одного Ерофея и любил Артемка — любил той непонятной любовью, которая появляется у одиноких и забитых жизнью детей к таким же одиноким и горемычным людям.

Ерофея он застал сидящим на кровати под полатями, был он в одном исподнем из домашнего холста и держался за живот. Повернув голову и увидев гостя, Ерофей задыхаясь проговорил:

— А, Ероха-Воха, пришел.

Артемка остановился возле кровати и увидел, что по лбу Ерофея скатываются крупные капли пота, а сам он дышит тяжело, с каким-то присвистом.

— Что с вами, дядя Ерофей?

— Охти мне, помираю. Помираю, Артюша. Брюхом псхожу.

— А почему?

— Это-то? Ой, смертынька моя, — застонал Ерофей. — Точно кишки рвет. Все мое нутро изныло...

— Постойте, дядя Ерофей, я вам самовар поставлю, вы крепкого чаю выпейте, легче будет; дядя Ферапонт так делает.

— Чай-то мой — лист смородиновый... А выпью, может, полегчает.

Самовар вскипел. Артемка напоил Ерофея чаем. И тот, поглаживая ввалившийся живот, глубоко вздохнул, сел на кровати, свесив тонкие ноги с желтыми пятками.

— Ты что, за рожком пришел? Не сделал я еще тебе рожка-то. Вишь ты — захворал и не сделал. Ослаб весь. Думал уже, Ероха-Воха, смертынька приходит. Ладно, ты пришел, а то мне чаю самому и не сготовить было. Чего ты смурной такой?

— Да так, — пожал плечами Артемка. — Проститься пришел.

— Как так проститься? — не сразу понял Ерофей. — Я еще погожу помираться-то.

— Да нет! — рассмеялся мальчик. — Это я уезжаю. В город еду. Меня тетки Мелитины брат к себе берет.

— Это Модест-то? Э, брат, — Ерофей даже привстал на своих тонких, трясущихся от слабости, ногах. — Зря ты это. Сам надумал или как?

Артем рассказал ему все, и Ерофей, крутя сивой бороденкой, восклицал: «Ах ты, Ероха-Воха!» А потом, кряхтя и постанывая, полез под кровать, выдвинул оттуда корзинку и, порывшись, достал затейливо выделанную и раскрашенную свистульку.

— Вот, гляди-ко, петух-то какой. Подуй в хвост, да не бойся, чай не клюнет.

Он сам подул в дырочку, проделанную в хвосте петуха, и рассмеялся, как ребенок, звонкому звуку. Придерживая одной рукой сползающие исподники, другой он неловко притянул к себе Артемку, ткнулся бороденкой ему в щеку, сунул в руку петуха и, подтолкнув к дверям, сердито сказал:

— Иди, иди, много вас таких по белу свету-то ходит.

* * *

...А гульбище в Широково было в разгаре...

В конце дня Модест Донатович и Артемка налегке вышли из дома Мелитины. Идти пешком предстояло верст двадцать пять, и хозяин решил, что лучше идти ночью: дни стояли жаркие и душные.

Едва они вышли за околицу и поднялись на пригорок, через который переваливала дорога, как хозяин остановился и, подслеповато щуря глаза, спросил:

— Чего это там, не видишь?

— Где? — стал всматриваться Артемка.

— Да вон, у реки. Ой, никак мужики драться собрались? Пойдем поглядим! Страсть люблю смотреть, как мужики шумят. — И он первым сбежал с пригорка.

За ним побежал и Артемка.

Внизу, на заливных лугах, стояли друг против друга

монахи и мужики. Монахи, воспользовавшись тем, что село гуляет на престольном празднике, начали косить спорный участок заливных лугов.

Монастырь считал этот участок своим, а мужики — своим. Монахи уже уснули немало накосить, когда сюда прибежали мужики. Пошли шум, крики, ругань. У монахов в руках были косы, у мужиков — дреколье. Вот-вот схватятся в смертельной драке. Для крестьян здесь был кровный интерес: не накосишь травы, нечем будет кормить в зимнее время скотину. Они не могли уступить. Но и монахи не хотели уступить.

Модест Донатович так и подался вперед, не спуская

глаз с толпы. Он жаждал полюбоваться дракой. Что ему до того, что прольется кровь, что кое-кто ляжет и уже не встанет с земли, унесут его с поля, семья останется без кормильца. Артемка же смотрел с ужасом на озверевшие в пьяной злобе лица. Что делать? Может ли он, Артемка, разогнать толпу, остановить людей?

А монахи и мужики подступали все ближе и ближе друг к другу, размахивая одни — косами, другие — дрекольем. Вот-вот начнется. И вдруг над лугами понесся крик:

— Бей длинногривых! Дави божьих угодников!

— Э-э-э! О-о-о!..

Увидев несколько своих приютских приятелей, шнырявших поблизости, Артемка кинулся к ним. Он уже принял решение, он уже знал, как остановить, не дать начаться дикому побоищу.

И вот в паузе между криками мужиков и монахов звонкий голос, подхваченный другими голосами, такими же звонкими и громкими, закричал:

— Пожар! Горит! Широково горит!..

Нет страшнее этого крика для деревенских мужиков. Все постройки на селе деревянные, и пожар, начавшись в одном месте, буйно будет катиться от избы к избе, от амбара к амбару, оставляя людей без крова, без имущества, разоряя их до последней нитки. Крики о пожаре будто железным прутом хлестнули по толпе. Она застыла. Еще ничего не соображая, оглушенные криком о пожаре, люди метнулись к селу.

— Ты это чего? — свирепо спросил Модест Донатович у Артемки. — Зачем кричал?..

— Так это ж они кричали, — ответил взбудораженный Артемка, — они...

Он показал на своих приятелей, отплясывавших буйный танец.

— Тьфу! — сплюнул Модест Донатович. — Подраться людям не дали. Уж тут бы кровушки пролили, — продолжал он с каким-то сожалением в голосе. — Уж тут бы голову на одну проломили бы!

С отвращением смотрел на своего хозяина Артемка. А тот не замечал этого, хлопая себя руками по бокам, сожалел о том, что не пролилась кровь.

— Ну ладно, пошли! — сказал он Артемке. — Теперь уж ничего не будет, не возвратятся.

— Прощай, ребята!— крикнул Артемка своим приютским приятелям.

— Прощай! — ответили ему они.

Еще некоторое время ребята шли за Артемкой и Модестом Донатовичем. А затем отстали. И вот уже только Артемка и его хозяин шагают по дороге.

Хозяин шел впереди, задирает голову к небу и все приговаривал:

— Вот дурачье-то, вот серость!..

А Артемка все думал о том, почему так яростно кинулись друг на друга монахи и мужики, думал о Ерофее, о всей той жизни, что оставил в Широково, в приюте, в монастыре.

На своего хозяина он посматривал с отвращением. Ему был противен этот плюгавенький человечек, похотывающий, потирающий ручки, хищно и злобно дождавшийся кровавой драки.

А ведь вот он, Артемка, не захотел, чтобы была драка, и драки не было..

Но ведь на лугу остались монахи. Артемке эта мысль не сразу пришла в голову. Но когда она пришла, радость его потускнела. Он понял, что сделал что-то не так. А как надо было? Этого он не знал..

Все же в Артемке росло ощущение собственной силы. И чувство было такое, что вот он хотел уйти из Широково и ушел. Главное, — что сам захотел. А Модест Донатович, хозяин, — просто так, пригодился для такого случая.

Пусть этот гробовых дел мастер думает, что ведет за собой Артемку. В самом деле Артемка идет сам — искать отца, его товарищей. Это Артемка начинает обратный путь в город своего отца — в Питер.

3. У ГРОБОВЩИКА

В Вологде Артемка был проездом из Питера, когда его везли в ширококовский приют. Запомнил он лишь деревянные домики, грязные улочки, по которым шел вместе с приютскими ребятами, да церкви, да стаи галок, кружившие возле колоколен.

Город был невелик, только несколько каменных зда-

ний стояли на центральной улице. Двухэтажный дом с мастерской, магазином и каретником во дворе принадлежал Модесту Донатовичу. На дверях была надпись:

ПОХОРОННОЕ ДѢЛО М. Д. БАГРОВЪ

Под надписью была изображена могила с крестом, над ней склонившийся ангел.

— Ну, вот мы и дома, — сказал Модест Донатович, открывая дверь в магазин и с явным удовольствием прислушиваясь к звону подвешенного к двери колокольчика. С порога он пробежал взглядом по стоявшим тесными рядами гробам и, сразу как-то перекосившись, заорал на бросившегося к нему навстречу приказчика:

— Скотина! Так несколько и не продали!

— Что вы, Модест Донатович, — забормотал тот, — три гроба продали да столько же наборов к ним. Лето еще сейчас, не сезон. С осени пошибче помирать начнут...

— С осени! — зло крикнул хозяин. — С осени... Старания нет, вот что!

Смутно было на душе у Артемки и от этого дикого разговора хозяина с приказчиком, и от выставленных в магазине гробов. Если бы Артемка знал, кто такой его хозяин, не пошел бы он к нему работать, а умолял бы монаха Ферапонта, чтобы тот оставил его в монастырском саду.

Модест Донатович был не просто прижимистый и расчетливый хозяин, а настоящий хищник, безжалостный к людям, жадный до денег. До Артемки у него работал такой же паренек. Как-то мальчик варил столярный

клей и нечаянно пролил немного на раскаленную плиту. Модест Донатович избил его до полусмерти и выгнал из мастерской, не уплатив ни гроша за проработанное время.

Только одного человека боялся хозяин — жену Аксинью. Она была у него третья по счету. Двух он забил до смерти, а вот Аксинья взяла над ним власть. Вдвое моложе его, красивая, статная, крепкая, она не кричала на мужа. Бывало, только взглянет своими зелеными, чуть прищуренными глазами, и Модест Донатович сразу сникнет. Властная, она сумела прибрать хозяйство к рукам, и Багров при ней пикнуть не смел.

Для Багрова не было тайной, что Аксинья давно предпочитает ему столяра Тихона, статного красавца, но он смотрел на это сквозь пальцы, памятуя о той непонятной смерти, которая пришла к мужу Мелитины. Уволить же Тихона он не мог, — столяр был отличным работником, а когда однажды зашла об этом речь, Аксинья, прищурив по обыкновению глаза, со злобой сказала: «Что, старенький тараканище? Без меня остаться захотел?».

Багров смирился. И вот с тех пор работники мастерской стали звать Багрова Таракан. Его люто ненавидели, и только страх оказаться за воротами сдерживал всех, а то неизвестно, чем бы кончилась эта ненависть. Только двое относились к Таракану равнодушно: столяр Алексей — тихий и безответный деревенский парень — да Софрон — тоже столяр, алкоголик с восковым лицом и красными веками. Софрон был тихий, неразговорчивый даже во время запоя. Пил он часто и помногу, пропивая все, что было за душой, и потому был у Багрова в неплатном долгу. Пил он как-то особенно: сороковку выливал в миску, крошил туда хлеб и, черпая ложкой огненную жидкость, закусывал непомерно мятым соленым огурцом.

Артемка в мастерской держался настороженно. Багров уловил это состояние, и уже на следующее утро мальчик проснулся от резкого удара по плечу.

— Вставай, живо! — скрипел голос хозяина.

Артемка лихорадочно натянул штаны, рубаху.

— Значит, так, сопляк, — сказал ему Таракан, — чтобы до шести утра был заварен клей и все прибрано. Разбудишь Тихона, он тебе все покажет. Клейнки на-

льешь и разнесешь по верстакам. Куда пошлют, бежишь, но за водкой для мастеров не бегай, смотри у меня! Уши оторву, ежели узнаю, что за водкой бегаешь. Материал, доски поднеси, как только скажут. Беспрекословно. В мастерской приборка — тоже твое дело. И в лавке, когда надо будет, посидишь. И чтоб слушаться. Самовольства — ни-ни-ни, не потерплю! А то...

Хозяин потянулся к Артемкиным волосам, но тот ловко увернулся.

— Ишь ты, — сказал хозяин, — верткий какой! Ты от хозяина не бегай! Хозяин побьет, ты ему руку целуй за науку! Ты у меня смотри...

Произнеся эту неопределенную угрозу, хозяин счел разговор законченным, все выясненным и, кряхтя и позевывая, ушел за перегородку. А Артемка пошел будить Тихона.

Тихон долго не просыпался, наконец, открыв осоловевшие глаза, пробурчал:

— А, вставать, значит. Ну, ладно! Тараканище, значит, уже на месте.

Обучая Артемку заваривать клей, Тихон расспрашивал его, откуда он, как попался на глаза Таракану.

— Ты его не очень-то бойся, Таракана, — поучал Тихон Артемку. — Он, ежели ты его забоишься, с тебя три шкуры спустит и до четвертой добираться будет. Он на смирных воду возит.

— А я не смирный, — сказал Артемка.

— Не смирный? — как-то даже весело переспросил Тихон и, совершенно неожиданно для Артемки, сказал: — Ничего, если много бить будут и часто, будешь смирным.

— А вы как, дядя Тихон? — спросил Артемка.

Тихон усмехнулся.

— А вот так — я с теми, кто бьет, а не с теми, кого бьют. Наука нехитрая. Одних бьют, а другие сами бьют. Вот я и не хочу быть битым. Сам бить буду. Понял?

— Понял, — грустно сказал Артемка. — Уж это-то понять можно.

Артемка рассказал Тихону о том, как он попал к Багрову. Тихон ему нравился. В Тихоне одновременно было и что-то душевное, ласковое и вместе с тем злобное, грубое, пожалуй, даже отталкивающее. И мальчику

не хотелось рассказывать о себе больше того, что могли узнать от хозяина. Поэтому он ничего не рассказал о своем отце.

— А ты вот что... Ежели тебя хозяин забижать будет, так мне скажи.

— А что вы ему сделать-то можете, дядя?..

Тихон хмурил густые черные брови и хмыкал.

— Это уже мое дело. Только по пустяку не бегай, не жалобись, не люблю я, когда по пустяку.

В первый день Артемка сбился с ног. Присесть было некогда. Словно угорелый, он носился из мастерской в конюшню, оттуда в магазин, где на высоком стуле восседал сам гробовщик, потом опять в мастерскую, в сарай за досками.

Перед обедом в мастерской снова появился Таракан. Тихон успел шепнуть Артемке: «Представление начинается. Смотри. Каждый день так».

Гробовщик вошел, заранее предвкушая удовольствие от предстоящего разговора. Уткнув сухонькие кулачки в бока, он подошел к Софрону и проскрипел:

— Так-так-с... А когда ж это ты, почтеннейший, должок мне отдашь? После дождичка в четверг или на турецкую пашу?

Софрон, оторвавшись от работы, растерянно глядел на хозяина и, топыря пальцы, словно считая дни, отвечал невнятно:

— Так я, хозяин... От зари до зари... За что только...

— А ты что, и память пропил? Жрешь каждый день? А спишь? Хочешь, чтоб задарма все было? А еще матерьялу сколько портишь. Вчера две дубовых доски загубил. Забываешь, золотая рота.

— Так неужто так много. Сколько ты на меня пишешь, — путался в словах неграмотный Софрон.

— А доски-то, олух, дубовые! Опять же купить и привезти их надо — обратно расход. Ты вот работай лучше, старайся и не пей. Бог, он трудолюбие любит.

— Так я ж стараюсь.

— Вот-вот я и говорю. Трудись — и воздаст господь за труды.

Поговорив с Софроном, Таракан подошел к Алексею, и тот заранее съежился, словно стараясь провалиться куда-нибудь на то время, пока хозяин в мастерской. Не

подошел он только к Тихону, наученный им на всю жизнь.

Однажды Таракан, настроенный особенно люто, задел Тихона.

— Работаешь, каторжник?

— Работаю, хозяин, — бойко ответил тот.

— Разор мне один от твоей работы. Поворачиваешься, ровно сам покойник.

Тихон усмехнулся.

— А ты, хозяин, не откусывай больше того, что можешь проглотить.

— Ты как это... ты... — взвизгнул Таракан.

— Да так вот. — Тихон говорил спокойно, продолжая строгать доску. — Скряге все, что собаке сено. Да не визжи ты, как поросенок недорезанный.

В мастерской все замерли, а оторопевший Таракан поднял кулаки и завизжал пуще прежнего:

— Ты... мне? Хозяину? Да я...

Отложив рубанок в сторону, Тихон медленно взял топор и, подкидывая его на руке, сказал зло и тихо:

— Ушел бы ты отсюда, хозяин. Неровен час — и топор с топорница слететь может.

Таракан, настороженно глядя на Тихона, попятился к двери и выбежал. Ему даже в голову не пришло, что его испуг может обернуться против него самого в глазах того же Софрона, — так напугал его Тихон.

Теперь Таракан получил еще одну возможность всласть поиздеваться — на этот раз над Артемкой. Если у рабочих были нары и получка, то Артемка был всего этого лишен, — обещанные три рубля шли в счет харчей. Спал он тут же, в мастерской, на куче стружек, покрытых куском мешковины.

Поначалу ему было страшно ложиться в мастерской. Таракан пуще всего на свете боялся воров. Он оставлял на ночь открытыми двери в магазин, и Артемке были видны стоявшие в нем гробы.

Особенно пугал мальчика один гроб — массивный, дубовый, на ножках, похожих на лапы какого-то непонятного зверя. Гроб был украшен крестами и херувимами из накладного серебра; при свете луны он казался Артемке невиданным живым существом, которое вот-вот приподнимется и поползет на своих кривых лапах по магазину. Но через несколько дней Артемка освоился,

и магазин ночью уже не пугал его, как прежде, а покойники казались менее страшными, чем злой Таракан.

В конце лета Софрон снова запил. Он не работал уже неделю, напивался с утра и замертво валился на нары. Во сне он бредил, вскакивал и, дико озираясь, пытался куда-то бежать. Тихон легко, как ребенка, укладывал его снова на нары.

В один из вечеров, когда Софрон уже спал, а рабочие и хозяева ужинали, Таракан, подняв на Тихона хитрые, заблестевшие глаза, проговорил:

— Вот ведь до всего паука додумалась. А вот отучить пить человека не научились. А?

— Так ведь кто захочет, — хмыкнул Тихон.

— Я вот и захочу, к примеру, — насупился Таракан. — Ты думаешь, мне от Софронова питья радость? Горе одно. Вон который день только водку хлебает, а дело стоит. Я вот, когда в Широково у сестры Мелитины был, к тетке Авдохе зашел посоветоваться. Знаете, что она мне сказала: «Ты, говорит, пьяного напугай как-нибудь пострашнее, он с перепугу-то и бросит пить». Испугать надо Софрона, вот что.

Все замолчали, словно обдумывая совет тетки Авдохи; и вдруг Таракан, ни на кого не глядя, захихикал, и Артемке стало жутко.

— А вот мы его в гроб положим да вроде похорон сотворим. То-то перепугается, каналья!

Ночью Артемка долго не мог уснуть. Ему представлялся весь ужас, который должен испытать Софрон, оказавшись в гробу. Предупредить его было невозможно: спал он вместе с другими рабочими. Спал крепко — не добудиться. Так ничего и не придумав, Артемка уснул, а наутро Таракан отослал его в магазин:

— Посиди, подежурь. Если покупатель придет, кликнешь.

Артемка понял, чем будет занят хозяин. Из магазина он мог наблюдать, как в мастерской освободили два верстака и на них поставили некрашенный сосновый гроб. Еле сдерживавшие смех Тихон и Таракан, которым помогали еще двое рабочих, приволокли пьяного Софрона, закутанного в саван. Уложить его в гроб оказалось делом минутным, и Софрон, желтолицый, действительно похожий на покойника, лежал чин по чину, скрестив на груди руки, в которые была всунута свечка.

В мастерской душно и печально запахло ладаном. Таракан, раскрыв псалтырь, начал читать заунывным голосом. Акси́нья, стонавшая от хохота, примостилась в ногах «покойника», чтобы лучше видеть его испуг, когда он очнется.

И вот Софрон заворочался, зашевелил губами. Таракан начал читать громче. Софрон открыл глаза, мутным и долгим взглядом посмотрел на потолок и стал испуганно озираться по сторонам.

Акси́нья, изобразив страх от пробуждения «покойника», взвизгнула и выбежала. Таракан уронил псалтырь и бросился за ней. Тихон и Алексей попятились к двери, сшибая специально поставленные на полу жестянки и ящики с инструментами.

Наконец до сознания Софрона дошло, что он «умер» и что сейчас его отпевали. Сидя в гробу, плохо соображая с похмелья, он оглядывал иконы, лампы, горящие возле них, и вдруг вскочил. Путаясь в саване, он грохнулся на пол, тяжело поднялся и, истошно крича, бросился к дверям. Когда в мастерской показался хихикающий Таракан, гроб валялся на полу, а Софрона не было.

Артемка словно окаменел. Перекошенное от страха лицо Софрона потрясло его и, когда хозяин, довольный удавшейся «шуткой», крикнул Артемке: «Где покойник-то?» — Артемка не мог вымолвить ни слова и пальцем показал на дверь. В мастерскую ввалился громко смеющийся Тихон.

— Ой, тошнехонько! — стонал он. — Ой, не могу! Вот напугали-то! Пробежал мимо — да прямо в отхожее место. Не иначе как медвежья болезнь схватила со страху-то. Ой, не могу!

Пришла Акси́нья, которую тоже душил смех. Алексей стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и улыбался как-то неуверенно, не зная, можно ли ему смеяться в присутствии хозяина. Наконец Таракан, вытирая слезы клетчатым платком, приказал:

— Сходи-ка, Алексей, посмотри, чего там наш «покойник» делает.

Тот вернулся сразу же и снова встал у дверей.

— Ну что?

— Да он запертый. Крючок набросил.

Время шло, а Софрон не возвращался. Таракан, хихикая, отправился сам поглядеть. Ухмыляющийся

Тихон лениво побрел за гробовщиком. И вдруг Артемка услышал треск ломаемых дверей. Предчувствие чего-то нехорошего сорвало его с места, он бросился в узенький коридорчик и увидел, как Тихон плечом выламывал дверь. Но дверь не поддавалась. Яростно прохрипев: «Топор!» — Тихон бросился в мастерскую сам, а Таракан, сразу как-то весь слинявший, дрожа, повторял сдавленным голосом:

— Ой, мамоньки! Ой, дура!

Наконец Тихон топором оторвал две доски, просунул руку и распахнул дверь. Там, на лентах, оторванных от савана, висел Софрон.

Снасти Софрона не удалось. Пока Аксинья бегала за доктором, пока испуганные Тихон и Таракан бестолково растирали тело, Софрон умер.

Посиневший, он лежал на верстаке, откуда какие-нибудь пятнадцать минут назад соскочил, потеряв рассудок.

Таракан ходил, хлопая себя по сухим бокам, что-то бормоча под нос. «Полиция, десять целковых, — разобрал Артемка. — Врачу пятерка, ах ты...»

Подойдя к конторке, Таракан выдвинул ящик, поскреб там рукой и вдруг остервенело посмотрел на Артемку.

— С вечера... руп здесь лежал. Где он? Куда делся?

— Я не брал, — прошептал Артемка.

Таракан взвизгнул, схватил лежавший на конторке металлический аршин, которым отмеривали полотно, и, размахнувшись, ударил мальчика по голове. Артемка повалился на пол, закрыв лицо руками. Из мастерской выскочил Тихон, схватил Таракана и швырнул его в угол.

— Вор! — кричал Таракан. — Все едино убью! Убью, гадину!

— Хватит тебе, — крикнул Тихон. — Убил одного.

Подняв Артемку, он отнес его и положил на нары. Куском тряпки Тихон вытер Артемке лицо, плеснул на него из кружки водой, и Артемка, застонав, забился в его крепких руках.

После того как повесился Софрон, а хозяин избил Артемку, Тихон как-то переменялся. Угрюмый, неразговорчивый, он куда-то исчезал по вечерам и возвращался далеко за полночь под хмельком, не замечая никого.

В мастерской его отлучки переживали по-разному. Аксиные казалось, что Тихон бросил ее. Таракан думал, что Тихон связался с пьяницами, быть может даже с ворами. Он боялся потерять Тихона и однажды, когда тот особенно долго не возвращался, Багров побежал в полицию. Каково же было его удивление, когда полицейский шпик Мишка Косой, встретивший его там, успокоительно сказал:

— Да ты не бойся, Тишка наш человек.

Пожалуй, только один Артемка почувствовал от этой перемены шемящее чувство одиночества. Озлобленный побоями хозяина, он тянулся к Тихону; хотя тот и был человеком равнодушным, но всегда защищал мальчика от побоев.

Долгими вечерами, лежа на нарах (теперь он занимал место Софрона), Артемка вспоминал Питер, отца — огромного, сильного, всегда немного грустного человека. Артемка видел отца редко, и в памяти сохранились только его огромный рост, добрые с грустинкой глаза да жесткая рука. Запомнилось, как однажды отец, скупой на ласку, поставил Артемку между колен и молча погладил ладонью по лицу. Мальчик вскрикнул: металлическая пыль, ввевшаяся в грубую отцовскую ладонь, больно оцарапала кожу.

Что он запомнил еще? Мрачную ночь, когда в их комнату вошли жандармы и штатские. Отца не было дома. Обыск прошел быстро: в комнате почти не было вещей. Откуда-то из печки штатский вытащил сверток, перемазанный сажей, и торжествующе сказал: «Ага, все-таки есть». Сверток развернули, и на столе, при тусклом свете керосиновой лампы, блеснули стволы маленьких браунингов.

А затем пришел отец. Еще в дверях он увидел незваных гостей и сверток с оружием на столе. Отец прошел спокойно к столу и сказал:

— Ну, что же, нашли?

— Ты Клевцов и есть? — спросил один из жандармов.

— Клевцов и есть, — ответил отец. — И есть, и буду!

— Ну, будешь ли — неизвестно, — сказал жандарм.

— Буду! — сурово ответил отец. — Я-то буду!

Артемка навсегда запомнил этот ночной разговор отца с жандармами. И еще он запомнил, как отец попросился с ним, потрепал его по голове, сказал:

— Ничего, не пропадешь!

Артемка бросился за отцом, когда того уводили, но жандарм его перехватил и держал до тех пор, пока все не вышли. Тогда вышел и этот жандарм, прикрыв за собой дверь.

Пожалуй, на этом и заканчивались воспоминания.

Артемка с горечью и обидой думал и о том, как его обманул Таракан, пообещав платить три рубля в месяц, что до отца ему не добраться, да он и не знает, где сейчас его отец. Потом он засыпал. Засыпал спокойно, без сновидений, так спят очень уставшие, чистые сердцем люди.

Утром все его мысли сводились к тому, а будет ли на обед мясное и не стукнет ли его сегодня по голове Таракан за какую-нибудь надуманную провинность.

* * *

И вот неожиданно случилось то, что имело для Артема особые последствия, стало как бы весточкой из того мира, в котором он жил когда-то...

После обеда, когда Тихон, по обыкновению, ложился спать, Артемку отсылали в магазин. Он садился на скамеечку с наружной стороны у двери и смотрел на проходящих мимо людей, угадывая, зайдут они в магазин или нет. Чаще всего они проходили мимо.

Этот день был серый, пасмурный; только недавно прошел сильный дождь, и чуть поодаль от магазина стояла огромная, на всю ширину улицы, лужа. Было безлюдно, словно никому не хотелось выходить в такую погоду на улицу. Артемка, сидя у дверей, зябко кутался в куртку. Он был уверен, что сегодня наверняка покупателей не будет.

Топот ног по деревянным мосткам он услышал сразу. Человек бежал и вдруг исчез, топот неожиданно затих, и раздался выстрел. Вскоре человек снова появился из-за поворота и побежал прямо к магазину, Артемка

вскочил. Незнакомец на бегу бросал быстрые взгляды на дома, забор, деревья, очевидно, искал место, где бы он мог спрятаться. Вот он увидел мальчика и, подбежав, коротко бросил: «Можно?»

Сам не понимая, что делает, Артемка распахнул перед беглецом дверь и следом за ним вбежал в магазин. Незнакомец, оглядевшись, кивнул на гроб и снова бросил: «Можно?» Не дождавшись ответа, он ловко приподнял крышку, легко наклонился, влез в гроб и так же ловко закрыл крышку.

Артемка, совершенно оторопевший, не заметил, как к магазину подбежали еще двое. Один из них тронул дверь, и она открылась без звона: оставаясь в магазине, Артемка всегда подвязывал колокольчик.

— Сюда никто не заходил?

— М-м-м...

— Чего мычишь?

Артемка, чувствуя, как сердце у него куда-то проваливается, неопределенно махнул рукой.

— Туда, что ли, побежал? Да ты немой, что ли?

— М-м-м...

Грубо выругавшись, человек выскочил на улицу. Через окно витрины было видно, как эти двое перебираются через лужу, смешно оступаясь в грязь и по-журавлиному передвигая ноги.

Только сейчас Артемка сообразил, что, может быть, он совершил дурной поступок. Неизвестно, что за человек лежит сейчас в гробу. Ему казалось, что всё кругом шепчет: «Это разбойник. Да, разбойник. Ты спрятал разбойника».

Нет, это мелкий дождик шуршал и ручейками стекал по стеклу. Накинув крючок на дверь, Артемка подошел к гробу и приподнял крышку.

— Вылезайте, что ли.

Человек вскинул и, мельком взглянув в окно, спросил:

— Куда эти ушли?

— Туда, — махнул рукой Артемка, внимательно рассматривая этого человека. Незнакомец был совсем не похож на разбойника, у него усталое лицо, он улыбается, и улыбка у него приятная. Незнакомец потрепал Артемку по голове и, подойдя к двери, обернулся:

— Как зовут-то тебя, паренек?

— Артемка.

— Артемка? А фамилия как?

— Клевцов.

Человек вздрогнул. Держась за ручку двери, он пылливо посмотрел на Артемку, стараясь что-то вспомнить, но, видимо так ничего и не припомнив, вздохнул:

— Ну, спасибо тебе, Артем Клевцов! — Осторожно открыв дверь, он вышел на улицу и не оглядываясь пошел в ту же сторону, откуда прибежал.

4. РЕСТОРАН „САВОЙ“

Однажды вернувшись из города, Таракан, никого не замечая, долго ходил по магазину из угла в угол, тербил жиденькую козлиную бороденку и бормотал:

— Ах проныра, ах бестия! Это ж только подумать. Только подумать, а?

Снедаемая любопытством, за ним ходила Аксинья, допытываясь, что же случилось.

— Мелитина, Мелитина-то! Только подумать, откуда у бабы такая голова взялась! А-ах! — выдохнул он. — И как все тихонько, ладненько. Даже мне не сказала.

— Да говори ты, черт лысый, что случилось? — крикнула, не вытерпев, Аксинья.

— Ресторан открыла, вот что, — выдавил Таракан. — Иду по Желвунцовской, смотрю, что за черт? Никогда здесь ресторана не было. А сейчас, гляжу, в доме Крупенникова занавесочки, и стекла вымыты, и вывеска над дверями. И как назвала, как назвала-то. «Савой»! Никому не понятно, а всякому интересно, что за «Савой» такой.

Багрову было чему удивляться. В новый ресторан он попал вечером, в тот самый час, когда хлынули посетители. В нижнем этаже за столиками сидели офицеры пехотного полка, квартировавшего в Вологде. Официанты с подносами летали между столиками, махая белоснежными салфетками.

Из первого этажа во второй вела лестница. Внизу, на первой ступеньке, стояла Мелитина в зеленом декольтированном платье. Багров не сразу узнал ее. «Батюшки светы! Это Мелитка-то!» А она стояла и, улыбаясь, встречала богатых гостей, которым на втором этаже были

приготовлены отдельные кабинеты. Увидев брата, она сдвинула на секунду черные брови, а потом кивнула на маленькую дверь, — мол, зайди, поговорим.

В крохотной комнатке, заставленной полками с посудой, сидел Тихон и, блаженно вытянув ноги, наливал из графинчика. Казалось, он не удивился, увидев хозяина здесь, а тот так опешил, что слова не мог выговорить.

— Ты? — оправившись, спросил он. — Ты как сюда попал?

— Да так вот, — невозмутимо ответил Тихон. — Шел мимо, дай, думаю, зайду к сестренке хозяина. Ну, и зашел. Садись, хозяин, чокнемся.

У Таракана потемнело в глазах. Мало того, что Мелитина тайком, никому ни слова не сказав, открыла в городе свое дело, так она еще и Тихона переманивает.

— Вот что, — просипел Багров, — ты сюда дорогу забудь. Не то враз выгоно. Понял?

Тихон, ухмыльнувшись, прищурил глаз и, подняв рюмку, посмотрел содержимое на свет.

— Гони, гони, — весело ответил он. — Я здесь вдвое, а то, может, и больше получу. И работка полегче — знай господ выводы, когда напьются. Так что не испугал, хозяин. А хочешь, и у тебя подработать могу...

Таракан сел; он понимал, что Мелитина и Тихон сейчас сильнее его. Приходилось идти на мировую.

— Ладно, пес с тобой.

— И мальчишку у тебя возьмем. Для дела здесь мальчонка нужен.

— Ну, это еще как сказать, — разозлился Таракан. — Не пушу. В гроб вгоню, а не пушу.

— О чем спорите, чего не поделили? — спросила вошедшая в комнату Мелитина.

Таракан встал и, протянув сестре руку, сказал с укоризной:

— Нехорошо, Мелеша. Брат я тебе все-таки. Одна кровь.

— Да в тебе уж и крови-то нет, — расхохоталась Мелитина. — Кожа да кости. Верно, Тихон? Вот что, братец, мне мальчишка нужен, Артемка. Пришли-ка его ко мне.

Она смотрела на брата, чуть склонив голову, а он робел перед этой красивой, богато одетой женщиной. Ему

было не по себе: на глазах у работника баба распоряжается им как хочет!

Багров дернул головой:

— Не выйдет. Мне он самому нужен.

— А ты другого поищи, — ласково, нараспев, посоветовала Мелитина.

— Чего ж ты поискать не хочешь?

— Недосуг, братец, — опять засмеялась она. — Да и кого найдешь-то, может, вороватого какого. А этого я знаю. Так что пришли. А нет, так я к мировому твои расписочки снесу. У меня ведь много твоих расписочек хранится. Так как же, братец?

Нет, он не хотел сразу платить по расписочкам, бог с ним, с Артемкой. И впрямь, он другого найдет. Не ссориться же из-за парнишки с богатой сестрицей.

На следующий день Таракан, не таясь от Артемки, обо всем рассказал Аксинье. Та разозлилась и стала ругать мужа. Была тут и зависть к Мелитине, и ненависть к собственному плохонькому мужу, и досада, обида, что Тихон ее оставляет так легко. Ох, как бы она была рада избить мужа, — он был ей сейчас больше чем ненавистен, он был ей противен. Впрочем, он всегда был ей противен. Круто повернувшись, она пошла к дверям, рывком их открыла и, не оборачиваясь, крикнула:

— Проклятый Таракан, жизнь ты мою съел! Болван, чтоб тебе пусто было!

Модест Донатович оторопело поглядел вслед жене, так и не поняв, с чего это вдруг так облаяла его бесценная супружница. Могла бы, казалось, посочувствовать.

...Сборы были недолгими — вещей у Артемки не было. И вот он в ресторане. На многое за свою короткую жизнь посмотрелся Артемка, а сейчас совсем новой стороной повернулась к нему жизнь. Страшную бедность наблюдал он в селе Широково, — там дрожали над каждой коркой хлеба. Здесь, в ресторане, за один вечер господа пропивали столько, что в деревне целая семья могла бы на эти деньги жить месяцами. Если днем сюда заходили только для того чтобы пообедать, то с вечера начинался разгул. Особенно отличались офицеры расквартированного в Вологде полка.

Но вот что произошло однажды.

За столик сел скромно одетый человек лет тридцати. Артемка до этого его ни разу не видел. Человек этот

с видимым интересом осмотрел ресторан, пустой в этот дневной час, и, щелкнув пальцами, подозвал официанта — тонкого, как хлыст, пьяницу Грошика. Грошик заскользил по паркету, будто под ногами у него были тарелочки.

— Чего изволите-с?

Посетитель заказал пиво и кулебяку, а затем спросил:

— Мальчика здесь никакого нет? Мне надо письмо на почту отнести.

— Как же-с, как же-с, всенепременно есть мальчик.

Просунув голову в дверь каморки, где Артемка вытирал посуду, Грошик произнес свистящим шепотом:

— Одна нога здесь, другая там. Подойди к господину, письмо снести надо. Жжи-во!

Посетитель сначала внимательно поглядел на Артемку, потом посмотрел, одни ли они, и только тогда вынул из кармана конверт.

— Ты Клевцов Артем?

— Да...

— Читать умеешь?

— Умею.

— Снесешь на почту, — громко сказал незнакомец и совсем тихо добавил: — Письмо тебе. На почте прочтешь, но так, чтобы никто не видел. Понял?

Это слово он снова сказал громко и опять тихо прошептал:

— Ну, беги, малыш...

Артемка не утерпел и на ходу взглянул на конверт, а там крупными буквами было написано:

Артему Клевцову

«Артему Клевцову, — с замиранием сердца подумал Артемка. — Артему». Нет, его еще никто и никогда так не звал. Но от кого же это письмо? Волнение душило его. Он не пошел на почту, а забежал в городской сад, сел на скамейку и, осторожно разорвав конверт, вынул письмо.

Догадка не обманула его. Сперва он посмотрел на подпись — размашистая, крупная, она прежде всего бросилась Артемке в глаза. «Это от отца», — и у него замерло сердце. Боясь, чтобы кто-нибудь не увидел его,

Артемка осмотрелся, но все было в порядке, на него никто не обращал внимания. И он начал читать.

«Дорогой мой Артемка, сынок. Мои товарищи случайно обнаружили тебя и сообщили мне, что ты жив-здоров и большой молодец. Я сейчас нахожусь далеко от тебя, и писать ко мне нельзя — письма не передают. Но ничего, скоро мы будем вместе. Когда ты подрастешь, то поймешь, за что посадили в тюрьму твоего отца и гноят по тюрьмам тысячи людей. Я не знаю,

смогу ли скоро написать тебе еще, но хочу, чтобы ты помнил мои слова: будь всегда смел и честен и никогда не забывай, что ты сын большевика! Скоро свидимся, сынок!

Твой отец».

Артемка бережно спрятал письмо за подкладку кепки. Возвратившись, он уже не нашел незнакомца в ресторане. Остаток дня Артемка провел как во сне. Часто он делал не то, что нужно, и получил за это не один подзатыльник. Вечером, оставшись один в посудной, он снова вынул письмо отца и, бережно расправив его на столе, стал читать. Слезы душили его. Услышав шаги, Артемка проворно спрятал письмо отца за пазуху. В посудную вошел пьяный Тихон.

— Что опять нюни распустил? Или обидел кто?

— Нет, я так.

— Так, да дурак. Сбегай к хозяйке, скажи — Тихон ее просит. Чего уставился-то? Думаешь, не придет? Прибежит сразу. Ясно?

От Тихона несло горьким перегаром. Артемка подумал, не сошел ли тот с ума, как Софрон, и не двинулся с места.

5. ДИКИЕ ПРАВЫ

Артемка вместе с Тихоном возвращались из Широково, куда они ездили закупать для ресторана продукты. Тихон был мрачен и молчалив. Артемка все старался поудобнее устроиться на телеге среди корзин и мешков. Всю дорогу он думал. Значит, этот человек, которого он тогда спрятал в мастерской, связан с незнакомцем, приходившим в ресторан. И оба они знают отца. Значит, Артемка не один в этом городе, — есть люди, которые хотят ему помочь. Но он не знает, где живут эти люди. Их преследуют. Они сами в опасности. Как же они смогут помочь ему, Артемке?

Смутно вспоминал он Питер, знакомые улицы, игры со своими сверстниками во дворе большого, мрачного дома. Мать — она умерла, когда он был еще совсем маленьким. А отец? Отец — большой, сильный, но какой-то замкнутый — оживлялся только вечерами, когда приходили его товарищи. Они долго и тихо о чем-то беседовали. Он не спал, слушал, до него долетали непонятные слова, он силился их сейчас вспомнить и не мог.

Потом начальная школа, где он научился читать, писать, немного считать. Как он завидует тем ребятам, которые по утрам пробегают мимо ресторана, торопятся в школу. Но немало ребят, как и он, не учатся, а работают «мальчишками» — кто в лавке торговца, кто в мастерской. Нет, их жизнь тоже несладкая, им-то завидовать не приходится. В ресторане Артемка сыт, а они? Наверно, живут еще хуже его. Вспомнил Артемка, как ездил с отцом на рыбалку, но и там отец больше разговаривал со своими товарищами.

И вдруг все оборвалось. Отца арестовали, его, Артемку, на следующий же день забрали в приют, увезли в Широково. В приюте было голодно, холодно, часто били линейкой по рукам. Уж как он обрадовался, когда перешел работать в сад, к монаху Ферапону...

— Все люди грязь, — передразнил Артемка Ферапонта, и Тихон, услышавший бормотанье, спросил:

— Чего?

— Ничего, — ответил Артемка. — Ничего я не говорил...

Тихон непонятен Артему. Что он за человек? А вот

уж дружок Тихона, полицейский сыщик Мишка Косой, тот определенно грязь. От того надо держаться по-дальше. Тот и пьяный ко всему прислушивается, ко всему присматривается, за всеми шпионит.

Вот к каким людям угодил ты, Артемка. Держаться надо! Теперь уже недолго. Вот бы только еще раз встретиться с товарищами отца, он им сразу же скажет: «Забирайте меня, не хочу здесь жить, хочу в Питер». А может, их уже нет в Вологде, уехали. Давно уж глаз не кажут. А может, они приходили в то время, когда он вместе с Тихоном был в Широково? Эх, скорее бы вернуться. Он их и сам поищет. Нет, нельзя их искать. Он вдруг вспомнил, как шпик, обыскивавший комнату перед арестом отца, спросил:

— Ты кто — большевик?

А отец ответил:

— Не тыкай! Не твоего ума дело!

Да, так и было! Вот кто его отец: большевик. И товарищи его тоже большевики. И он, Артемка, вырастет — тоже станет большевиком. И ничего ему не страшно! А товарищи отца обязательно явятся за ним. Не такие они люди, чтобы забыть Артемку. Как хорошо, что он тогда помог одному из них бежать от шпикиков.

Думы Артема были прерваны тоскливым возгласом Тихона:

— А и напьюсь же я сегодня, как бог свят, напьюсь!

«Ну и напейся, бес с тобой», — подумал Артемка с чувством неприязни.

Ленивый белогубый мерин медленно тянул телегу по булыжной мостовой, и у Артемки то и дело больно и звонко лязгали зубы. Он не выдержал:

— Дядя Тихон, лучше я пеший пойду. Быстрей дойду, право слово.

— Катись, — лениво разрешил Тихон.

Артемка прыгнул с телеги и побежал, чувствуя, как по ногам разливается приятное тепло.

Задворками он выбрался на Духовскую, с нее на Екатерининскую, промчался мимо мастерской Таракана и удивился, почему она закрыта в этот дневной час.

С мальчишкой-газетчиком Артемка столкнулся лицом к лицу, едва не сбив его с ног. Газетчик бежал, размахивая тощей пачкой «Вологодских ведомостей», и во все горло кричал:

— Чрезвычайное событие!.. Ревность и серная кислота!.. Пострадавшая осталась без глаз!.. — Наткнувшись на Артемку, оборвал крик и выругался: — Ослеп, что ли?

Артемка упал, сбитый сильным ударом в грудь. От неожиданности у него перехватило дыхание. А мальчишка, как ни в чем не бывало, побежал дальше, размахивая оставшимися газетами. Вскочив, Артемка бросился вдогонку. Газетчик обернулся. Он, казалось, был удивлен, что тот долговязый и нескладный сверстник, сбитый им минуту назад, собирается драться. Мальчишка остановился и, аккуратно положив газеты на деревянную тумбу, спокойно сказал:

— Ты что? — Его глаза смотрели на Артемку миролюбиво и с любопытством.

— Ты... Я тебя...

— Да ну? — удивился газетчик. — Смотри, какой смелый. Ты чей?

Артемка растерялся от таких слов; он ожидал драки, а вместо нее намечался мирный разговор.

— Как это чей? Я тебе... — И, подняв кулаки, прижал их к груди.

— Брось, — спокойно посоветовал мальчишка. — Я же из тебя всю юшку выпущу, честное благородное. Ты что — ресторанный? В ресторане служишь, что ли? Я там тебя вроде бы видел?

— Ну и видел...

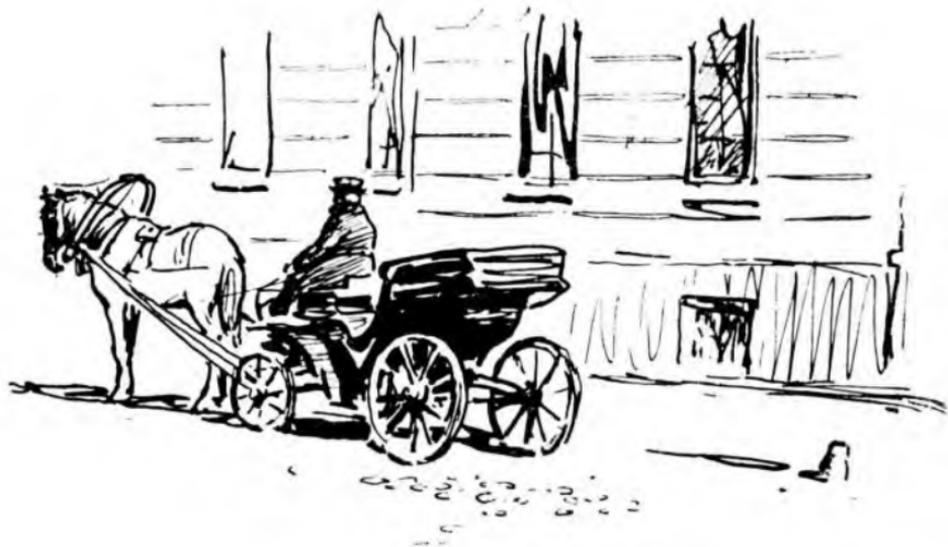
— Как же это у вас там приключилось? — обрадовался мальчишка. — Ты видел, да? Вот страсть-то наверно, да?

Артемка не понимал, о чем говорит газетчик. Но его новый знакомый схватил газету и протянул Артемке:

— На, смотри.

В глаза Артемке бросился жирный заголовок: «Дикие нравы». Мальчишка, не дав прочитать Артемке, залпом выпалил:

— «Вчера вечером жена мещанина Багрова, держащего на Екатерининской улице гробовую мастерскую, плеснула в лицо владелице ресторана «Савой» серной кислоты, ввиду чего последняя ослепла. Следственные власти предполагают, что действие было совершено с заранее обдуманном намерением, из-за ревности». Так ты не слыхал о таком происшествии?

— Меня в городе не было, — торопливо ответил Артемка и побежал к ресторану.

Двери были закрыты. Он стал стучать, но никто ему не ответил, и он помчался навстречу Тихону.

Артемку Тихон заметил не сразу, а когда увидел, догадался: произошло что-то нехорошее.

— Что? — выдохнул он, медленно вытаскивая из телеги короткий плетеный кнут, словно собираясь бить кого-то за плохую вест.

Артемка, запыхавшись, не мог выговорить ни слова. Тихон схватил его одной рукой и, оторвав от земли, снова выдохнул:

— Что?..

— Тараканиха... Мелитине... серной кислотой...

Тихон отпустил Артемку, облегченно перевел дыхание.

— Ну и напугал, дурак. А я уж думал. Ай, дурак!

Артемка не понял равнодушия Тихона. То, что произошло, казалось ему страшным, хотелось кричать, а тут такое равнодушие, облегченный вздох и улыбка. Тихон догнал телегу и теперь шел сзади, постукивая по сапогу хлыстом; на пыльном сапоге оставались темные полосы.

— Она ж это из-за вас, дядя Тихон! — надрывно крикнул ему вслед мальчик.

Тихон медленно обернулся. На какую-то секунду в пустых глазах его мелькнул злой огонек и погас. Артемка испуганно остановился, когда Тихон поднял кнут.

— Ты! — еле слышно сказал он. — Молчи ты!

Он снова пошел за телегой, громко стуча по мостовой запыленными подкованными сапогами, а Артемка побрел за ним, потому что ему больше некуда было идти.

Вернувшись в ресторан.

Артемка не увидел Мелитину.

В посудной сидел полицей-

ский сыщик — Мишка Косой.

Увидев Тихона, он осклабился и подмигнул:

— Везет тебе, Тишка! — Может, был бы в городе, и в тебя бы плеснула баба-дура.

— Где она?

— Кто, Мелитка или Акси-
нья? — спросил Мишка.

— Аксинья...

— Ага, боишься. Посадили
ее, не бойся!

— Не боюсь я, дурак! А с
Мелиткой что?

— Один глаз выжгла. Ле-
жит в больнице.

— Значит, другим видит?

— Должно, видит.

— Значит, вернется хо-
зяйка?

— Должно, вернется.

— А та сядет?

— Посадят!
— Ну, и то ладно.
— Только в Мелитке-то прежней красы уже не будет, — усмехнулся Косой.
— А на что мне ее красота? — сказал Тихон.
— Может, она теперь за тебя замуж пойдет. А то ты у нее вроде дворника. Прав у тебя никаких! — дружески и понимающе сказал Косой.

Тихону такой разговор был неприятен. Все, что он хотел узнать, он узнал. Притворившись уставшим, он грубовато сказал Мишке Косому:

— Ну ладно! С дороги и поспать можно. А тебе могу еще сороковочку выставить, — пей, гуляй.

Тяжело встав, Тихон шагнул за дверь.

Артемка слышал весь этот разговор. Ночью, лежа на жестком топчане, он долго не мог заснуть, с ненавистью вспоминая зверское выражение на лице Тихона и его холодное равнодушие к ослепшей хозяйке.

Одинок было Артемке сейчас, ведь он был один в целом мире. Не у кого искать защиты, не к кому прилажаться. Отец далеко. И неизвестно, когда он увидится с ним. Человека, который передал письмо, он найти нигде не смог.

Вспомнил Артемка и мальчишку-газетчика. Когда он полез с ним в драку, Сенька спокойно сказал: «Брось». «А ведь с Сенькой можно будет дружить», — радостно подумал Артемка. И от одной этой мысли ему стало легче.

Утром Артемка первым делом вспомнил о мальчишке-газетчике, об огненно-рыжем Сеньке.

«У меня будет друг, — решил Артемка и счастливо улыбнулся. — Обязательно сегодня же надо найти Сеньку и подружиться с ним».

6. НОВЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ

В ресторане все оставалось как бы по-прежнему. Вечерами гуляли офицеры, торговцы, заезжие актеры. Как и раньше, богатых гостей провожали наверх, в отдельные кабинеты, а когда начинала греметь сбрасываемая со столов посуда, в дверях вырастала могучая фигура Ти-

хона. Зал умолкал, с любопытством наблюдая, как будут вышибать на улицу пьяного гуляку.

Мелитина, обезображенная серной кислотой, с выжженным глазом не появлялась в ресторане. Был нанят управляющий. Еще там, в больнице, его порекомендовал Мелитине врач, и она, благодарная за лечение, послушалась совета.

Нового управляющего звали Павлом Савельевичем. При знакомстве с Мелитиной он заявил, что приехал в Вологду искать молочные реки и кисельные берега. Иванов ей пришелся по душе, хотя с виду был молодой и неопытный.

— Вы пьете?

— Нет. Совершенно не переносу, — ответил Иванов.

Мелитина хотела еще спросить, не подворовывает ли он часом, однако не осмелилась и лишь подумала: «Увижу сама, попадетсЯ, если что...» И приняла на работу Иванова.

Каково же было удивление Артемки, когда в новом управляющем он узнал того самого человека, который недавно передал ему письмо от отца! Впрочем, может быть, он и ошибся. Иванов при встрече с мальчиком равнодушно скользнул глазами и приказал Тихону:

— Проследите, чтоб мальчика здесь по вечерам не было.

Тихон удивленно посмотрел и, нагнув голову, ответил, как это делал официант Грошик:

— Слушаю-с.

Артемка все больше убеждался, что Иванов именно тот самый человек, который еще совсем недавно сидел здесь за столиком, заказывал кулебяку и пиво, а потом, подозревав его, дал письмо.

Иванов же словно не замечал мальчика, его долгих взглядов и равнодушно проходил мимо. Вечерами, когда

посетители были особенно веселы, он прохаживался между столиками, хмурился, когда не поспевал Грошик, сдержанным и полным достоинства поклоном встречал богатых гостей и, как прежде Мелитина, сам провожал их наверх, а когда начиналось буйство, молча поворачивался к Тихону и отрывисто говорил:

— Ну что ж ты, работай! . .

Перед Новым годом Артемка бегал по городу с записочками, разносил по адресам деньги, помогал таскать в ресторан бочонки и кадушки. За неделю до праздника ресторан закрылся. Иванов нанял мужиков и баб. Мужики — молодые и пожилые — передвигали столы, оклеивали стены тисненными палевыми обоями, развешивали картины. Бабы, подоткнув юбки, мыли полы и окна. Мелитина — одноглазая, похудевшая до неузнаваемости — стояла на лестнице и молча следила за уборкой.

Когда все было готово, она кивнула Иванову:

— Расплатись. Мужикам водки, как уговор был, — и ушла к себе.

Мужики степенно заходили в посудную. Иванов сам принес им два графина и нехитрую закуску.

Официанта Грошика и Тихона в ресторане не было, оставался один Артемка.

Иванов, входя в посудную, обернулся:

— Если кто будет стучать, не открывай, скажи: хозяйка не велела. Смотри, Клевцов, чтобы нам никто не мешал.

Он говорил строго. Артемка согласно кивнул. Дверь закрылась, и сразу стало непривычно тихо, так тихо, что слышно было, как наверху, в своей комнате, ходит из угла в угол безутешная Мелитина.

Клевцов? В этом городе второй человек называет его Клевцовым. Что же это такое? Неужто Павел Савельевич, суровый, молчаливый управляющий, знает его? Что же это такое? «Ты смотри, Клевцов!» Артемка будет смотреть. Никого не пропустит.

Артемка вышел на крыльцо, стоял и смотрел. К ресторану подошел Мишка Косой, полицейский шпик.

— Заперто, — громко сказал Артемка.

— Чего закрылись? — спросил Мишка.

— Хозяйка не велела пускать. Уборка у нас перед праздником.

— Никого там нет? И Тихона нет?

— Нету! Никого!

— Тишка вернется, скажи, я заходил, вечером еще приду, — сказал Мишка Косой.

— Скажу!

Стоило Косому уйти, как на крыльцо вышел Павел Савельевич.

— Кто приходил? — спросил он спокойно.

— Да Мишка Косой, он в полиции служит. Я ему сказал, что никого в ресторане нет и хозяйка не велела пускать.

— Правильно! Молодец! . . .

— Он сказал, что еще придет.

— Тоже правильно сказал, — ответил Иванов.

Вместе с Павлом Савельевичем Артемка вернулся в ресторан.

— Кончайте, мужики, освобождайте помещение, хватит на сегодня! — крикнул Павел Савельевич.

Рабочие стали выходить из ресторана. Они крепко жали руки управляющему и расходились. И вдруг Артемка остолбенел. Неужто это возможно? Вот того человека в поношенном пиджаке он впускал в магазин гробовщика, помогал ему прятаться от преследователей. Только тогда он был одет господином. Нет, не может быть! . . .

— Вы? — крикнул Артемка.

Но тут помешал Павел Савельевич. Он взял Артемку за плечи, повернул и, тихонько подтолкнув в спину, сказал:

— Ступай, убери со стола. . .

Артемка попытался обернуться, разглядеть старого знакомого, но того уже не было.

— Вот так, — сказал Павел Савельевич, — бывает, что и обознаешься. Может, померещилось, а может, и нет. Держись, Клевцов! . . .

Артемка уже не сомневался, что Иванов — друг. Весело вернулся он в ресторан. В посудной стояли пустые графины. Он попробовал на язык капли с доньшка графина. Там была вода. Вода! Артемка задумался. И все же главное в том, подумал он, что Павел Савельевич назвал его Клевцовым. Это было как пароль, как тайный знак. Для всех он: «Эй, мальчик!», «Эй, сбегай!», в лучшем случае «Артемка», а вот двое лю-

дей в Вологде называли его Клевцовым, — так звали и его отца.

А человек, который назвал его Клевцовым, был совсем рядом. Этому можно было только радоваться. Теперь Павел Савельевич частенько стал приносить Артемке книжки.

— Читай, а то и читать здесь разучишься.

И Артемка читал. Читал, используя каждую свободную минутку. Так и тянулись дни, похожие друг на друга. Артемка втянулся в тяжелую работу в ресторане. Жизнь его скрашивали только книги да дружба с Сенькой-газетчиком.

Как-то весенним вечером в ресторане было особенно шумно. Из зала доносились визгливые нетрезвые голоса, к которым Артемка привык и не обращал на них внимания. Все те же тарелки, та же грязная мыльная вода, то же грязное мокрое полотенце, которым он вытирал сполоснутую в мыльной воде посуду. Его нисколько не интересовало, что там делается, в зале. Машинально перетирая тарелки, он так задумался, что даже не заметил, как вошел управляющий.

— Ну, Клевцов, ты нам нужен.

Артемка бросился к нему.

— Спокойнее, спокойнее, — остановил его Иванов. — Сбегай, милый, на Дегтярную, семь. Спроси там Петра Афанасьевича. А ну, повтори.

— Дегтярная, семь, Петр Афанасьевич.

— Правильно! Петра Афанасьевича ты хорошо знаешь — в гробу его прятал, да и здесь разок видел. И молодец, что не спрашивал у меня: «Кто, да где, да что?» Ведь хотелось спросить?

Артемка кивнул.

— Найдешь его там и скажешь: «Велели вам передать, что могут явиться за кадушками. Пора!» Понятно?

— Понятно.

— А если тебя спросят, зачем приходил, так и отвечай: «Насчет кадушек». Вот и все!

Артемка рванулся к выходу. Но Павел Савельевич его снова остановил.

— Смотри, будь поосторожнее. Увидишь толпу или полицейских, вроде Мишки Косого, не ходи совсем. Если вернешься, а меня не будет, не ищи, не спрашивай. Зна-

чит, так надо! И не робей! Тебя не забудут. Когда потребуешься, найдем!

Потрепав Артемку по голове и ласково усмехнувшись, Павел Савельевич повторил:

— Все будет правильно! А теперь беги быстрее. Иначе может случиться беда с нашим товарищем.

«С нашим товарищем!..» Значит, и он, Артемка, тоже товарищ! Теплом обдало Артемку от этой мысли. И он побежал быстрее.

На Дегтярной, семь он действительно нашел Петра Афанасьевича. Тот его узнал сразу.

— Велели вам передать, — сказал Артемка тихо, как ему наказывал Павел Савельевич, — что могут явиться за кадушками. Пора!

Петр Афанасьевич посмотрел на Артемку, усмехнулся невесело и сказал:

— Что ж, этого можно было ожидать. Спасибо! Ты для меня просто ангел-избавитель от беды.

«От какой беды?» — хотел спросить Артемка, но не решился. Петр Афанасьевич велел ему бежать обратно.

— Что сказать Павлу Савельевичу? — спросил Артемка.

— А можешь ничего не говорить, — грустно усмехнулся Петр Афанасьевич. — Пора так пора! Значит, соберемся! Вовремя собраться — это, брат, великое дело. А Павлу Савельевичу ничего говорить не надо, он и так все знает. Да я думаю, что ты его и не застанешь в ресторане. Ну, беги, Клевцов! Хорошая у тебя фамилия.

Когда Артемка вернулся в ресторан, там он действительно не застал Иванова.

Поздно ночью Артемку разбудил звон стекла. Он прислушался. За перегородкой скрипучим голосом Мишка Косой говорил Тихону:

— Ах ты леший, и как они удрали, ума не приложу. Ведь всех, казалось бы, в руках держал. Ну, думаю, сыграю я с ними. Иванов-то вовсе не Иванов, а тот, второй, еще похлеще. Хитрая бестия! От их благородия попало мне, даже в рыло разок дали. Праздничных теперь не видать, ни копейки не дадут. Вот ведь оплошка! Кто только мог их предупредить! А с Мелитки надо куш сорвать за то, что она у себя тайного политического держала.

7. СЕНЬКА КУПРИЯНОВ

Случайное знакомство с мальчишкой-газетчиком перешло в крепкую дружбу. Сенька Куприянов — так звали его — пришел как-то к ресторану и попросил Грошика вызвать Артемку: «Ну, мальчика, который при ресторане», — сказал он официанту.

— Слушай, — зашептал Сенька, едва только Артемка вышел к нему. — Дело у меня к тебе — во! Давай я буду газету приносить, а ты господам, которые приходят, продавай. А? Они много дадут, вот те крест. А выручку напополам. А?

Артемка подумал и согласился. В самом деле, мысль была превосходная. Уже через неделю они подсчитали чистую прибыль — пять рублей двадцать три копейки! Сенька размечтался, что он купит сапоги, но тут же со вздохом отвернулся:

— Ничего не выйдет. Сестренка у меня больная. В сиротской больнице лежит. Ей все снесу.

Артемка, глядя на его рыжий затылок, неожиданно сказал:

— Мои возьми.

— Что?

— Ничего. Мои, говорю, возьми. Пятки у тебя казенные, что ли? . . .

Сенька был растроган предложением, но вначале артачился. Пришлось Артемке доказывать, что он сыт, одет и обут. Мелитина обещала деньги платить. Так что бери и не сомневайся!

* * *

Лето 1914 года было на исходе. Стояли последние жаркие-жаркие дни. На реке было полно купающихся. Утром 1 августа, пробегая мимо ресторана, Сенька особенно громко кричал:

— Всеобщая мобилизация! Кайзер объявил войну! Поднялась великая Россия. . . Долг русского человека — защищать веру, царя и отечество!

В городе было тревожно. Стон и плач стояли у мобилизационных пунктов, где призванные в армию одевали солдатскую форму, с тем чтобы ехать на фронт, воевать неведомо за что.

Разгул в ресторане стал еще бесшабашнее. Пили зло, ревели песни, били посуду.

По городским улицам ходили «патриотические манифестации» — так называли организованные полицией шествия с царскими портретами и иконами. Торговцы и приказчики, городское хулиганье, переодетые городовые и полицейские агенты набрасывались на прохожих, которые не снимали шапок перед иконами, не присоединялись к шествию и не выражали восторга при выкриках толпы в честь веры, царя и отечества. Пьяной толпе никакого дела не было до царя и отечества. Она помышляла только о дозволенном грабеже, зверела от выкриков и пьянела, больше чем от водки, от сознания собственной безнаказанности.

Деятельное участие в этих «патриотических манифестациях» хулиганов и громил принимали Тихон и его дружок, полицейский сыщик Мишка Косой.

Артемка из своей каморки слышал, как Тихон и Мишка Косой, распивавшие в соседней комнате водку, вполголоса вели страшный разговор:

— А ты гирьку приготовил?

— А то нет?

— Дело-то какое, гуляй! Начальство только спасибо скажет!

И тут же, вспоминая свой промах, Мишка Косой жаловался:

— Ума не приложу, как они сбежали. Ведь вот уже в кулаке были. Этот Иванов, который у вас работал, вовсе не Иванов, а Погорельский! А другой — Лосев. Давно за ним охотились, наконец унюхали, пошли по следу, а он ушел!

— Ничего, найдем, — тихо и угрожающе вторил ему Тихон. — Где-нибудь да попадутся.

— Ты их представь сразу же, — уговаривал Мишка Косой, — но только мне представь. Их не бей! Их надо живыми представить, они, брат, по-ли-тп-че-ские! С ними разговор особый! Они — враги царю, понимаешь! А гирьку завтра захвати. Не забудь!

И вот пришло это «завтра». Разнузданная толпа лавочников и пьяных мобилизованных, спровоцированных переодетыми полицейскими, устраивала в городе погромы во славу царя, помазанника божия. Надолго запомнили Артемка и Сенька эти дикие картины.

Вот двигается по Кирилловской улице толпа. Колышутся иконы, царские портреты, поднятые высоко на руках. Впереди, в красной шелковой рубаше, лихо перехваченной поясом, шагает пьяный Тихон. Он страшен. Тут же в толпе идет иссохший, желтый, похожий на скелет, обтянутый вялой кожей Таракан. Он орет, именно орет какую-то молитву. Толпа тянет изо всех сил слова гимна, выкрикивая: «Боже, царя храни». Все это скорее похоже на ругань, чем на гимн.

И, чем громче рев толпы, тем в большую ярость она приходит, тем беспорядочнее становится шествие. Люди уже не идут, а бегут. Звонят выбитые в окна стекла, осыпающиеся осколками на землю. Трещат ворота, вышибаемые дубинками, оглоблями.

Вот по тротуару прошла девушка, она забыла или не хотела перекреститься на икону, и захмелевший Тихон ударом гиришки сшибает ее на землю. Ее топчут ногами

бегущие дальше пьяные лавочники и громилы. Артемка знает эту девушку. Это Катя Козлова, дочь прачки, ласковая, милая девушка. Артемка закрыл лицо руками и прижался к забору.

Когда через минуту он очнулся, то увидел, что Сенька стоит на коленях у трупa девушки. Он держал безжизненную руку, искал пульс.

— Все, кончилась... — сказал он и поднялся с колен.

— У, гады, — погрозил кулаком Сенька.

А толпа уже катилась дальше с диким криком:

— А-а!.. Бей!.. А-а!..

Ночью, в тесной каморке, Артемка никак не мог уснуть. Он забывался в тревожной дреме на какие-то минуты и сразу же просыпался. Снова лежал с открытыми глазами и все вспоминал дикую сцену погрома, свидетелем которой был.

В «Вологодских губернских ведомостях» появилась заметка:

«Вчера в нашем городе произошла патриотическая манифестация населения и мобилизованных солдат. Она еще раз показала глубокую и нераздельную любовь народа русского к своему государю и к Великой России. С молитвой на устах, с именем божьим, с верой в Его Императорское Величество, правоту и разум Его, шли люди по улицам старинного русского города, и это было символом Единения. . .» И дальше: «Беспорядки, о коих поговаривают обыватели, происшедшие в городе во время патриотической манифестации, не так уж и велики и тем более простительны: слишком уж был велик этот подъем и глубокое чувство, движущее не рассудком, а сердцем русского человека. . .»

На кладбище, о чем газета сочла за лучшее умолчать, было похоронено десять человек — всё жертвы этой «манифестации».

8. ДРУЗЬЯ СОБИРАЮТСЯ НА ФРОНТ

Полк уехал на фронт. Гостей в ресторане становилось все меньше. Мелитина закрыла убыточный ресторан и уехала в деревню. На прощанье разговор был короткий: — Ты уже не маленький, поди, пятнадцатый пошел. Не пропадешь. А это тебе на первую пору. . .

«Пять рублей, — подумал Артемка, — не ахти какие большие деньги». Но на первую пору и они были поддержкой.

Артемка перебрался к Сеньке в подвал. Днем они продавали газеты, вечерами ловили на реке бревна и тоже продавали; выручка шла в общий котел. В тот год осень выдалась жаркая, даже старики божились, что таковой жары в этих местах никогда не случалось.

Артемка с ужасом думал, как они будут жить зимой; ему не верилось, что Сенька в этом подвале уже зимовал.

На сырых, липких стенах подвала были расклеены картинки: бородатый генерал на коне, лихой казак, чубатый и улыбающийся, с напизанными на пику немцами,

Мужичок-солдатик на коленях за колючей проволокой, а над ним видение: богоматерь с младенцем. А под картинкой:

За Русь святую, за дело святое
Поднялся на битву рабочий народ.
Пусть имя его да пребудет с тобою,
Пусть гимн душа твоя гордо поет!

Артемку поначалу рассмешило: «Пусть гимн душа поет», но Сенька неожиданно обиделся:

— Чего смеешься-то?

— Да так. Чудно как-то.

По ночам Сенька воевал и выкрикивал во сне: «Эскадрон, заходи-и-и!.. Шашки — к бою!» И, конечно же, это он, Сенька, придумал убежать на фронт, стать разведчиком или, на худой конец, попроситься в кавалерию, хотя сам верхом на лошади не сидел никогда. Он говорил об этом серьезно и так волновался, что веснушки на лице выступали большими коричневыми пятнами.

— Ну, попросимся в эшелон. Каждый день эшелоны идут. В один не попадем — в другой залезем. Не может быть, чтобы не взяли. Если надо, наврем, скажем, нам уже по шестнадцать, а? — При этом глаза у него были такие умильные, такие просящие, будто от Артемки только и зависело — взять его в эшелон или нет.

Все, о чем мог часами мечтать вслух Сенька, было заманчиво и в то же время пугало своей неизвестностью. Он притаскивал откуда-то журналы и захлебываясь читал с Артемкой описания подвигов, совершаемых легко, без жертв и особых усилий. Сообщениями о подвигах пестрели все газеты. «Крупное поражение австро-венгерских войск», «Русские прорвали Юго-Западный фронт», «450 тысяч пленных» — под такими заголовками печатались последние новости. В газетах помещались огромные фотографии генерала Брусилова. Так что было от чего закружиться и покрепче головам, чем у Сеньки с Артемкой.

В Петербурге одно за другим совершались празднества в честь прославленного русского оружия. А в Вологде было пусто и скучно. На улицах в пыли валялись разомлевшие от жары куры. По воскресеньям залиристо звонили колокола соборной церкви, созывая прихожан.

Как-то в одно особенно жаркое утро Артемка раздраженно воскликнул:

— А ну ее, а ну ее, в самом деле.

Сенька молча достал мешочек, в котором хранились медяки. На жесткой ладони сверкало несколько монет.

— Вставай. Пошли за сухарями.

Не мог Артемка разобраться в том, что Сеньку не столько влечет фронт, сколько пугает холодная и голодная жизнь. От такой жизни куда угодно сбежишь, собаке и то позавидуешь.

Однако уехать на фронт ни осенью, ни зимой друзьям не удалось. С ужасом вспоминал Артемка зиму 1915 года, прожитую в сыром, неотапливаемом подвале без одеял и теплой одежды. После своих коммерческих операций они, как правило, пока их не выгонят, каждую ночь грелись на вокзале. Эти скитания еще больше укрепили решимость ребят податься на фронт.

* * *

В конце мая Сенька и Артемка пришли на воинскую платформу, откуда ежедневно на фронт отправляли воинские эшелоны. В ожидании прибытия очередного эшелона ребята присели у насыпи. Из холщового мешка Сенька достал пачку папирос «Цыганочка», и друзья закурили. Курильщики они были начинающие: все время кашляли и вытирали слезы рукавом.

Сенька много рассказывал о том, что пишут в газетах, о подвигах на фронте, о славе героев, которая «по всей России гремит». Но больше всего ему не давал покоя подвиг чубатого казака Козьмы Крючкова. О его славных делах Сенька готов был рассказывать без конца, и Артемке уже надоели рассказы своего друга. Он вынул из мешка большой черный сухарь и, подавая его Сеньке, проговорил:

— На, погрызи, — и, вздохнув, добавил: — Может, сегодня не будет эшелона...

— Будет, — уверенно ответил Сенька, с усилием разгрызая черный сухарь. — Верный человек сказал. Будет.

И в самом деле, вскоре на платформе началось оживление. Из солдатской кухни, находившейся невдалеке в тесовом бараке, аппетитно потянуло запахом щей. На нескольких телегах привезли буханки еще теплого солдатского хлеба и фанерные ящики с белыми этикетками,

за которых крупными буквами было написано: «Махорка».

По платформе то и дело пробегали офицеры.

— Прапорщик! — определял по погонам Сенька. — А это подпоручик, — подсказывал он Артемке.

По платформе медленно и важно прошел жандарм, на ходу расчесывая щеточкой рыжие усы. Он внимательно оглядел платформу, зло накричал на штатских в промасленной одежде и с молотками в руках, по всей видимости, рабочих.

Рабочие что-то сказали жандарму, и он стал кричать на них еще громче. Но подошедший «красноголовый» дежурный по станции, видимо, объяснил жандарму, кто они такие, и жандарм, погрозив им, прошел дальше по платформе.

Сенька и Артемка замерли от страха, когда увидели, что он направляется к ним. Подойдя к самому краю платформы и злобно глядя вниз на перепуганных ребят, жандарм крикнул:

— Вы чего здесь? Марш отсюда. . .

Подхватив узелки, Сенька и Артемка бросились бежать. За углом будки, где стояли котлы для кипятка, друзья остановились. Сенька, помахав кулаком в сторону жандарма, прошипел:

— Легавый! На фронт бы тебя, краснорожего. . .

— Как бы не так. Пойдет он. . . Ему, такому, только с безоружными сражаться. На фронт едем, а то я бы ему, — погрозил кулаком и Артемка.

— Значит, так, Артемка, — сказал Сенька. — Каждый по отдельности у солдат в теплушку будет проситься. Обоих вместе они не возьмут, да опять и на жандарма нарваться можно. Ты валяй с этого конца, а я пойду с другого, — предложил Сенька. И друзья разошлись в разные стороны.

Вскоре, обдавая платформу облаками горячего пара, подошел воинский эшелон. Он еще не остановился, а солдаты на ходу уже прыгали на платформу; в руках у них были ведра, котелки.

Платформа сразу ожила, наполнилась гулом, криками. Она стала похожа на большой развороченный муравейник, а солдаты, тащившие в свои теплушки хлеб и кипяток, — на громадных зеленых муравьев.

Сизый махорочный дым стлался над головами шумев-

шей серо-зеленой массы. Слышались незлобивая ругань, смех. В одной из теплушек заливалась гармошка, в другой — раздавалась залихватская солдатская песня:

Солдатушки, бравы ребятушки...

В толпе важно расхаживали и следили за порядком фельдфебели и унтер-офицеры. Важный, как индюк, расхаживал все тот же жандарм. Он прислушивался к солдатским разговорам.

Сенька действовал решительно. Заметив, что в последней теплушке не осталось ни одного солдата — все они уселись под ближайшим пригорком и на вольном воздухе хлебали из больших бачков щи, — Сенька юркнул под нижние нары. Его сразу же охватил удушливый запах карболки, пропитанных потом портянок, юфтовой кожи. Но что там какие-то запахи, раз ему удалось устроиться. Пройдет еще немного времени, паровоз даст свисток и потащит эшелон дальше — и прощай, скучная, черствая, неприятная Вологда, прощай, сырой и холодный подвал. Сеньку тревожило только одно: удалось ли и Артемке устроиться в какой-нибудь теплушке?

Нет, не удалось. Артемка не был таким ловким, он был прямодушнее, чем Сенька, не прошел такой жизненной школы, как этот пронырливый продавец газет. Нет, это вовсе не значит, что Сенька был плохим, но как ни была тяжела жизнь Артемки, жизнь Сеньки была еще тяжелее. И эта жизнь научила его не надеяться на других, когда можно самому использовать благоприятные обстоятельства. Таким благоприятным обстоятельством и был свободный от солдат вагон. Юрк под нары, и все!

Артемка ходил от вагона к вагону и добросовестно просился у солдат, у фельдфебелей, чтобы его взяли на фронт. Уже отчаявшись, он подошел к последней теплушке и, набравшись смелости, заявил, что хочет воевать за веру, царя и отечество. Один из солдат насмешливо крикнул:

— Ай да вояка! В котомке-то у тебя соски, что ли?

— Зачем соски? — обиделся Артемка. — Сухари там.

— Ишь ты, — с той же насмешкой продолжал солдат, — молоко на губах не обсохло, а туда же — на фронт...

Солдат вытащил из кармана кисет с махоркой и козявыми, негнушимися пальцами долго крутил «козью

ножку», а потом, сдув с ладони табачную пыль, с наслаждением затянувшись, добавил: — Тебе бы еще у матки титьку сосать.

Вся теплушка громко засмеялась этой шутке. Артемка понял, что и в эту теплушку его не пустят.

В соседнем вагоне был всего один солдат, остальные обедали на грязной лужайке. Артем обратился к солдату с той же просьбой. Тот удивленно оглядел Артемку и, затянувшись махорочной самокруткой, закашлялся; он кашлял долго, до слез. В груди его что-то гулко колокотало; солдат покраснел и рукавом утирал слезы. Прокашлявшись, он снова посмотрел на Артемку, на его просительную физиономию и резко проговорил:

— Сопляк ты! Цуцик! Вояка! Драть, верно, тебя некому. Ишь ты, за веру, царя и отечество... — солдат громко расхохотался. Он смеялся долго и хрипло, казалось, что он вот-вот лопнет от смеха.

— Мне на фронт. Или голова в кустах, или грудь в крестах, — осмелев, выкрикнул Артемка.

Лицо солдата вдруг стало серьезным, и он, осуждающе посмотрев на Артемку, сказал:

— Дура! Без тебя у царя-батюшки пушечного мяса хватает.

Артемка почувствовал, кто-то больно взял его за ухо. Подняв глаза, он увидел рыжеусого жандарма, который, не выпуская уха Артемки, злобно смотрел на солдата.

— Фамилия, сукин сын, фамилия? — грозно закричал на солдата жандарм.

Солдат отвернулся.

— Фамилия?! — заорал жандарм. Но в это время, закончив обед, солдаты возвращались в теплушку. Веселая ватага оттеснила от теплушки раскричавшегося жандарма, который все еще держал Артемку за ухо.

Раздался третий звонок. Паровоз свистнул, лягнули буфера, и эшелон медленно тронулся. Взбешенный жандарм потащил за собой мальчика.

В жандармской комнате, развалившись в кресле, жандарм допрашивал Артемку, кто он есть и почему толкался около теплушек воинского эшелона. Артемка искренне и правдиво отвечал, и жандарм ему поверил, но все же приказал обыскать.

— Да чего его обыскивать-то... — начал было солдат.

— Разговоры! — оборвал его жандарм. — Обыскать! На той неделе такой же шкет листовки в эшелон подбросил. Меня начальство распекало. Обыскать, говорю!

Вскоре на столе лежали: складной ножик, деревянная ложка, цветная литография о подвиге Козьмы Крюкова, несколько медных с орлами пуговиц и солдатская кокарда.

— Все? — громко спросил жандарм.

Артемку не интересовало происходящее в комнате. Он поминутно бросал взгляды на окно и на дверь, ждал, что вот сейчас в них появится огненно-рыжая голова Сеньки, который, наверно, как и он, тоже не уехал на фронт с эшелоном. Наконец, поняв бесполезность допроса, жандарм выгнал Артемку на улицу, а вслед за ним выбросил туда же котомку.

Долго бродил Артемка по перрону вокзала, по железнодорожным путям, осторожно пробрался на воинскую

платформу. Сеньки нигде не было. Тогда он решил, что Сенька, не найдя его на платформе, ушел домой, но Сеньки не было и дома.

Только теперь Артемка понял, что друг его Сенька уехал на фронт. Ему было обидно, что Сенька оказался изворотливее его и уехал один.

Во всех своих неудачах Артемка считал виноватым только жандарма, жестоко отодравшего его за ухо, и стал лихорадочно придумывать план мести.

Вспомнил Артемка и слова жандарма о листовках.

Что такое листовки, он знал и даже одну, случайно забытую в ресторане Мишкой Косым, прочитал. В листовке было написано о том, что война нужна только помещикам и капиталистам, что рабочие и крестьяне проливают свою кровь за чуждые им интересы. Листовки были подписаны: «Местная группа РСДРП (большевиков)».

Еще тогда он спросил у Мишки Косого, кто написал такую листовку. «Внутренние враги царя и отечества», — ответил Косой.

Так и не заснув в эту ночь, Артемка решил непременно разыскать тех, кто принес ему первую весточку от отца: Лосева или бывшего управляющего рестораном Иванова.

9. В ЗАПАСНОМ ПОЛКУ

Несколько дней бродил Артемка по городу, надеясь встретить нужного ему человека. Однако все поиски оказались тщетными. Много раз попадались ему подростки, одетые в солдатскую форму. Однажды таких подростков он увидел в духовом оркестре, шагавшем впереди запасного полка, который размещался в противоположном конце города, в Первушинских казармах.

Артемка знал, что часто из запасного полка на фронт отправлялись маршевые роты, что в полку проходили военное обучение мобилизованные крестьяне. В этот же полк поступали из многочисленных лазаретов выздоравливающие солдаты. Они ходили в застиранных выцветших гимнастерках, в старых замусоленных брюках, ветхих шинелях. Мало кто из них ходил в сапогах, большин-

ство носили растоптанные грубые ботинки с хлопчатобумажными замызганными обмотками.

По своей наивности мальчик судил о солдатской жизни не по запасному полку, а по находившейся в городе «конвойной команде» — так городские обыватели называли небольшую воинскую часть, находившуюся в распоряжении губернатора и жандармского управления.

Солдаты этой «конвойной команды» по росту были подобраны один к одному, одеты в пригнанное по фигуре суконное обмундирование с оранжевыми погонами на плечах.

Когда-то Мишка Косой рассказывал Артемке, что эта воинская часть борется «с внутренними врагами». Не случайно во время войны эта «команда» пополнялась исключительно сынками торговцев, заводчиков и крупных деревенских кулаков.

Солдаты несли караул у губернаторского дома, участвовали в облавах по поимке дезертиров, которых в деревнях становилось все больше и больше.

Примеряя самого себя к солдатской жизни, Артемка видел себя одетым так же, как и солдаты конвойной команды. В то время он еще не знал, что «конвойная команда» не что иное, как подразделение карательных войск, готовое подавить любое революционное выступление. Царизм боялся Вологды, ибо здесь жили ссыльные, а среди них было немало большевиков.

В начале июля выдался у Артемки веселый денек. Как-то пришел он на берег реки, протекавшей через весь город, и увидел аккуратно сложенную одежду жандарма, который в мае чуть-чуть не оторвал ему ухо.

Артемка выждал, пока тот уплыл подальше, и подполз к одежде. Быстро, не мешкая, он завязал рукава рубахи крепким узлом и то же самое проделал со штанинами. Затем намочил узлы, чтобы их невозможно было развязать, и спрятался за поленницу дров, находившуюся неподалеку.

Довольный, смотрел Артемка, как жандарм выбрался на берег и стал одеваться. Злобно ругаясь, он безуспешно пытался развязать узлы. Смоченные, они схватились намертво.

— Будешь помнить, — сказал довольный Артемка и потрогал ухо.

И снова шли дни за днями, похожие один на другой, но с каждым следующим становилось все хуже и хуже. Был такой случай, когда все могло бы пойти по-иному. Артемка заметил на улице знакомое лицо, и все в нем встрепенулось надеждой. Он увидел Иванова, бывшего управляющего.

Иванов спокойно шел по главной улице Вологды. Подбежать к нему — был первый порыв Артемки. Но он все же оглянулся. И хорошо сделал. Вслед за Ивановым шел Мишка Косой, полицейский шпик.

Артемка быстро сообразил и, подбежав к Косому, во все горло закричал:

— Дядя Михаил, дядя Михаил, вы дяди Тиши не видели?!

Он схватил Мишку за рукав и так крепко вцепился, что тот не смог его сразу отбросить.

— Ты что, — зашипел Косой на Артемку, — не видишь, что ли, я на работе. Пшел от меня!

Иванов оглянулся и быстро завернул за первый угол.

Артемка все так же крепко держал Мишку Косого за рукав и радостно кричал всякую несурезицу:

— Я, дядя Михаил, на фронт собрался. Защищать хочу царя и веру, вот!

Мишка Косой изо всей силы рванулся, дал мальчику основательного тычка, но время ушло, и Иванов тоже ушел.

Скрылся он, ушел от Мишки Косого, но в то же время ушел и от Артемки. А мальчик был так одинок, так нужна ему была крепкая, дружеская рука. И все же на душе было тепло. Он спас от полиции хорошего человека, друга отца, большевика.

Все чаще думал Артемка о том, как бы уехать в Петроград. Но его останавливало одно: Петроград был далеко и, главное, родных там тоже никого не было. Больше всего страшила неизвестность: что ждет его в большом городе, какие предстоят испытания.

Деньги, вырученные от продажи газет, кончились, необходимо было устраиваться на какую-нибудь работу.

Артемка вспомнил подростков из музыкантской команды полка, стоявшего в Первушинских казармах. На другой день он был уже около казарм.

У ворот в будке стоял часовой с ружьем. Нечего было и думать проникнуть через ворота во двор казармы. Артемка обошел кругом большое кирпичное здание. Сзади простиралось поле, где не было часовых и забор был редкий. Вдоль всего забора тянулась поленница дров. Трое солдат в выцветших гимнастерках пилили и кололи метровые плахи. Поленья были сырые, и солдат, коловший дрова, часто незлобно ругался, вытаскивая из полена застрявший колун.

Артемка подошел к солдатам и стал складывать расколотые дрова в поленницу. Увлеченные работой солдаты не сразу его заметили. Первым на него обратил внимание солдат, коловший дрова. Он удивленно воскликнул:

— Елки-палки, а ты как сюда попал?

Услышав возглас товарища, остальные солдаты прекратили пилить и посмотрели на Артемку.

— Я, дяденьки, — проговорил Артемка, — я... отсюда, — и он показал на дыру в заборе.

Переглянувшись, как будто ничего не произошло, солдаты возобновили работу. Колун вновь увяз в сыром полене; вытаскивая его, солдат спросил:

— Чего тебе здесь надо, парень?

— В солдаты поступить хочу, чтобы на фронт уехать, или уж в музыкантскую команду, — робко смотря солдату в глаза, ответил Артемка.

Солдат от удивления свистнул и, почесав в затылке, ответил:

— Не перевелись, видно, дураки-то! А ты чей будешь? Отец, мать у тебя есть?

— Никого у меня нет, — угрюмо ответил Артемка. — Я сам...

— Сам по себе, выходит, хозяин, — засмеялся солдат.

Солдаты прекратили работу и прислушивались к этому необычному разговору.

— А вы, дяденьки, скоро поедете на фронт? — спросил Артемка.

— Уж досыта хлебнули. Мы теперь команда выздоравливающих. Дураки только на фронт хотят.

— Вы были на фронте? — воскликнул Артемка. — Ну, как там?

— Да что как? Горячего до слез хлебнули, кровушкой своей умылись. В окопной грязи поползали вдоволь, и вши чуть не заели. Э-эх! — выдохнул солдат, с сожалением глядя на Артемку. Со злостью всадив колун в полено, он добавил: — Выдрать бы тебя. Ишь чего захотел, дурулом.

— Так я же в музыкантскую команду, здесь, в казарме, — виновато ответил Артемка. — Тут тебе и одежда, и хлеб, и каша. . .

Уже который день Артемка питался черными, одубелыми сухарями с водой. Да, так жить дальше было нельзя. Но и на фронт ехать ему уже не хотелось.

В казарму, через лаз в заборе, Артемка стал ходить ежедневно. Солдаты привыкли к нему и часто угощали щами и кашей из черной чечевицы, которая казалась ему невероятно вкусной.

Зная стремление Артемки поступить в музыкантскую команду, один из солдат указал ему капельмейстера, к которому следовало обратиться с этой просьбой. Артемка впервые видел капельмейстера, и тот показался ему особенно важным. Высокий, с большими черными напомаженными усами, капельмейстер полкового духового оркестра сиял, точно золотая монета. Артемка, наученный солдатами, благоговейно вошел в комнату, которую занимал капельмейстер.

— Значит, это ты? — спросил капельмейстер. С ним уже успели поговорить солдаты. — Батька где у тебя? — стал он расспрашивать, доставая из кармана брюк камертон.

Артемка догадался, что сейчас предстоит проверка слуха, он замялся, не зная, что сказать об отце. Его выручил сам капельмейстер:

— Значит, убили батьку? Так сказать, за веру, царя и отечество?

Артемка молчал. Не мог же он сказать, где находится его отец. Его бы сразу выгнали из казармы.

— Знаешь, что это за штука? — капельмейстер показал камертон.

— Знаю. Но забыл, как его называют, — ответил Артемка.

— Камертон это. Понял? Камертон. Становись сюда, — показал он Артему.

Ударив о рукав камертоном, капельмейстер поднес его к самому уху Артемки.

— Слышишь?

— Слышу. Жужжит, — ответил Артемка.

— «Жужжит...» — недовольно повторил капельмейстер. Вот когда я поднесу его к твоему уху, ты в тон ему тяни на той же ноте: «А-а-а!» — Капельмейстер вновь ударил камертоном по рукаву и поднес его к уху мальчика. — Ну, чего же ты? Тяни...

И Артемка стал тянуть.

— Громче, шкет, громче! — закричал капельмейстер.

Артемка старательно затянул во всю силу своего голоса. Лицо капельмейстера перекосилось так, словно он

выпил уксусу. Ни слова не говоря, он сильно ударил ручкой камертона Артемку по голове.

— В моей подметке слуху больше, чем у тебя, у шкета, а голос, пожалуй, у осла и то лучше. . .

Артемка хотел что-то сказать, но капельмейстер закричал на него:

— Пошел вон!

Растерянный, выбежал Артемка на улицу. Большая шишка на лбу красноречиво говорила о его музыкальных успехах. Столпившиеся у крыльца солдаты поняли все.

— Ничего, бывает, парень, — успокаивающе произнес один из них.

В это время подошел унтер Дубец, и солдаты стали горячо просить его оставить «приблудшего» при взводе. Дубец давно приглядывался к парню. Мальчишка нравился ему. Не отвечая на просьбу солдат, он взял Артемку за руку и повел его за каменный сарайчик — вещевой цейхгауз полка.

За цейхгаузом была спортивная площадка, на которой стояли заборы, брусья, «кобыла», вырыты ровики, заполненные водой, висели набитые сеном мешки. На учениях солдаты кололи их штыками. Между двумя столбами была прилажена железная перекладина, отполированная до блеска натруженными солдатскими руками.

— Так как, говоришь, фамилия твоя? — спросил Дубец, садясь на пустой ящик из-под снарядов.

— Клевцов, — доверчиво ответил Артемка, покраснев от волнения.

Унтер-офицер Дубец с его всегда добрыми с лукавинкой глазами, нравился Артемке, и он решил рассказать о себе все без утайки. Подробно рассказал он об отце, о том, как попал из Питера в Вологду. Рассказал он и о приютской жизни, о монахе Ферапонте, о мастерской гробовщика, о ресторане, о Тихоне и полицейском филере Мишке Косом и, наконец, о своей неудавшейся поездке на фронт.

— А не врешь ты, парень? — настороженно спросил Дубец.

Мальчик растерялся от этих слов, во рту у него пересохло, а в горле застрял какой-то комок, который он никак не мог проглотить.

Дубец почувствовал состояние Артемки и снова спросил:

— А чем ты все это доказать можешь?

Артемка растерялся еще больше. Он не думал, что придется кому-то доказывать прожитую им нескладную жизнь. Не в силах справиться с волнением, он отвернулся.

Дубец нежно притянул мальчика к себе.

— Ну, что ты разнюнился, сынок. А в солдаты еще хочешь! Ну, ладно, переговорю с батальонным, чтобы тебе разрешили жить в казарме. Не горюй, парень.

Вечером Артемка не пошел в сырой и холодный подвал. Он ночевал в казарме.

Здесь, в запасном полку, тон задавали выздоравливающие солдаты, направленные из лазаретов. Все они уже вдосталь хлебнули окопной жизни и с ненавистью говорили о войне.

По вечерам солдаты тихо напевали протяжную грустную песню:

Эх, пойду ли я, сиротинушка,
С горя в темный лес.
В темный лес пойду
Я с винтовочкой.
Сам с охотой пойду,
Три беды я сделаю.
Уж как первую беду —
Командира уведу,
А вторую ли беду —
Я винтовку наведу.
Уж я третью беду —
Прямо в сердце попаду...

Первое время было тяжело: в шесть часов утра подъем, потом молитва, утренняя поверка, завтрак, муштра. Муштра до захода солнца.

Не только Артемка, но и многие видавшие виды солдаты после такой муштры, всегда полуголодные, едва тащились обедать. От усталости есть не хотелось. После несытного обеда их ожидали все те же строевые занятия.

Целый день солдаты ходили и ходили. Ходили в одиночку, по двое, по трое, отделением, взводом. Сдваивали ряды, равнялись, ница глазами грудь четвертого человека. Учили ружейные приемы, кололи штыком в мешки с сеном. Делали выпад и с напряжением всех сил едва держали тяжелую берданку.

Официально — русская армия была вооружена трехлинейными винтовками образца 1891 года. Но в полку таких винтовок было всего несколько штук. Солдаты военному делу обучались со старыми, допотопными берданками.

Для Артемки особенно тяжелы были ружейные приемы, но он старался и виду не показывать и делал их четко и без заминки. За свое усердие Артемка не раз получал похвалу даже от фельдфебеля.

У солдат, а тем более у Артемки, от такой непосильной муштры и непрерывной ходьбы ныли кости, гудело в ушах, темнело в глазах. Только с заходом солнца вконец измотанные солдаты возвращались в казарму.

Дневной муштрой не заканчивался солдатский день в казарме. Вечерняя поверка, молитва, разучивание походных солдатских песен, изучение воинских уставов проходили до самого отбоя.

Солдаты считали счастьем, когда их назначали в караул или посылали дневалить на кухню. Часто они умышленно нарушали дисциплину, чтобы получить наряд вне очереди.

От усталости и предельного нервного напряжения нередко Артемка долго не мог заснуть. И в такие часы он подводил как бы итог своим впечатлениям.

«Для чего в полку офицеры?» — часто думал он и не находил ответа. Все занятия, весь распорядок дня проводили с солдатами унтер-офицеры и ротный фельдфебель. Офицеры приходили в половине дня, спрашивали у фельдфебеля, как идут занятия, отходили в сторону, о чем-то разговаривали и смеялись.

Солдат и офицеров разделяла пропасть. Офицер мог с солдатом сделать все, что только хотел. Мог послать

в наряд, посадить на гауптвахту, раньше времени отправить на фронт. Нередки были и зуботычины. Ближе к солдатам были фельдфебели — грубые, невежественные, но хорошо знающие службу. От них зависело многое, если не все.

Не угодишь фельдфебелю, — пропадешь! Страшной была для солдата царская казарма. Но еще страшнее были окопы. И все же многие не выдерживали однообразия, тяжести, тоски казарменной жизни и рвались на фронт.

Не все фельдфебели были одинаковы. Артемке повезло. В роте, к которой он был приписан, фельдфебелем был Титов, пользовавшийся уважением солдат. Он был справедлив, никогда не придирался, с уважением относился к людям, особенно пожилым, хлебнувшим окопной жизни. В отличие от других фельдфебелей полка, он терпеть не мог, когда кто-либо пытался перед ним выслуживаться.

Артемка об этом вначале не знал и как-то утром, встав пораньше, из желания услужить, вычистил до блеска фельдфебельские сапоги. Титов узнал, кто это сделал, и, встретив Артемку в узком проходе между цейхгаузом и забором, наставительно сказал:

— Зря ты мне сапоги чистил. Угодить хотел? Думал, поблажку тебе дам? Нет, не из таких Федор Титов! А ты не будь холуем. Прямой дорогой иди, все сам испытай. К людям, что выше тебя, не подлаживайся. Нехорошо это. — Он взял Артемку за подбородок и, пристально посмотрев ему в глаза, добавил: — Понял, сынок?

— Понял, — виноватым тоном ответил Артемка.

Большой удачей для Артемки было и то, что его ближайшим начальником оказался унтер-офицер Дубец. Он заботился о мальчике, помог ему получить обмундирование. Правда, оно было поношенное и не по росту, но мальчик очень гордился им и не обращал внимания на насмешки солдат, которые спрашивали: «Эй, Артемка, чего ты из рукавов руки далеко высунул?»

Дубец вечерами часто беседовал с мальчиком. От него Артемка узнал правду о войне, о тяжелой солдатской жизни в окопах. В свою очередь, мальчик рассказал ему, как жандарм отодрал его за ухо и как он отомстил жандарму.

— Нет, не так мстить надо, паренек, — сказал улыбаясь Дубец.

В этот вечер он рассказал Артемке о том, какую работу ведут большевики и что в Вологде тоже живут революционеры-большевики, сосланные царским правительством из крупных городов — Петрограда, Москвы. Они здесь в ссылке не прекращали революционной работы. Они связаны с местными передовыми рабочими и интеллигенцией, тайно собираются, распространяют листовки, ведут разъяснительную работу среди населения.

Он рассказывал Артемке и о Петрограде, о питерском пролетариате, который поднимается на борьбу против войны и капиталистов.

— Изучай, сынок, военное дело, крепко изучай. Нам скоро нужны будут свои, знающие военное дело люди.

И Артемка старался изо всех сил. Он теперь лучше всех в роте стрелял, лучше всех выполнял команды и ружейные приемы.

Он слышал, как солдаты, собравшись в караульном помещении, зло высмеивали офицеров. Особенно они ненавидели офицеров из дворян, сынков помещиков и аристократов. Пожалуй, таких солдаты ненавидели больше, чем немцев.

Как-то вечером, войдя в помещение взвода, Артемка услышал, видимо, давно продолжавшийся разговор. Один из солдат, лежа на нарах, говорил:

— ... Вот и выходит, что война только для нашего брата, для скотинки серой. А их благородия и на войне припеваючи живут...

— Так здесь же не фронт... — заметил кто-то.

— Все едино. Здесь, в тылу, окопались они, еще хуже делают! А солдат — он и в ведро и в непогодь на фронте, в окопе грязь месит, плесневелый сухарь жует и тот не в досталь да водицей болотной его запивает. А дома что? Эх! Может, и хозяйство как есть порушилось, детишки по миру пошли... А что делать? Кому скажешь? До бога высоко, до царя далеко.

Наступило долгое и тяжелое молчание. Артемка почувствовал, что им овладело какое-то печальное, гнетущее чувство. Все это он слышал не впервые. А солдат продолжал:

— Уж третий год воюем, и когда все это кончится, — одному богу известно. Про разное я слышал. Говорят, царь вроде тянет на примирение, а министры и богатеи да союзники наши — за победу до полного конца. А среди солдат, я слышал, есть еще такие люди, большаками называются, которые за то, чтобы германец победил Россию нашу. Говорили, что троих большаков военным судом казнили, вроде и прапорщик среди них был. Эти большаки-то на передовой головы солдатам мutilили, чтоб с германцем на примирение идти. Вот за это и шлепнули.

— Ты тоже много не болтай, — заметил кто-то. — А то и свое семейство осиротишь.

— Неправда, — неожиданно вырвалось у Артемки. — Неправда, что большевики против России. Большевики — это которые за трудовой народ.

— Ишь ты! — присвистнул солдат. — А ты откуда знаешь?

— От батьки, наверно, — раздалось из темноты. — А ты спи, паренек, не твоего это ума дело. Сами разберемся.

И солдаты разбирались сами, часто беседуя по вечерам в караулке. Однажды, разыскивая Дубца, Артемка заглянул в караульное помещение. Солдаты пили кипяток с сухарями. Здесь же у стола сидел Дубец, свертывая козью ножку.

Бородатый солдат со шрамом во всю щеку, ни к кому не обращаясь, спросил:

— А интересно, что сейчас немцы поделявают?

— Ясно, что! — зло откликнулся другой солдат. — Пиво пьют да сосиски жрут.

Дубец покачал головой и усмехнулся:

— А я думаю, не жрут и не пьют. И в блиндажах у них такая же пакость, как и у нас, и холодно им, и голодно, и многие офицеры так же солдат по морде хлещут. Они так же, как и мы, по своим родным тоскуют. Солдат — он мужик или рабочий, и нам все равно, на каком он языке говорит. На что хотите спорить могу, что им тоже несладко, не мед распивают.

Артемка не верил своим ушам, что Дубец так громко, при всех, может говорить о немцах. А тот, словно угадав мысли Артемки, встал, открыл дверь и выглянул в коридор.

Разговор продолжался, но теперь солдаты, словно сговорившись, по очереди открывали дверь и смотрели, не подслушивает ли кто-нибудь в коридоре.

— Да, война всем попереk горла встала, а не только нашему взводу, — закончил разговор Дубец и добавил: — Ее кончать пора.

Как собирался кончать войну Дубец, Артемка не знал. А когда тот вышел, кто-то из солдат тихо сказал вслед:

— Правильные они мужики, ребята! Большевики-то...

* * *

Новый, 1916, год офицеры встречали на квартире у капитана Соколова. Фельдфебель послал Артемку снести туда корзину и помочь денщику. С трудом дотащив тяжелую корзину до двери, где жил Соколов, Артемка позвонил. Вышел низкорослый, конопатый солдат. «Это, наверно, и есть денщик», — подумал Артемка. Торопливо, словно чего-то боясь, солдат провел его в маленькую кухоньку, половину которой занимала печь. Артемка выложил содержимое корзины на стол. Денщик, покачивая головой, сокрушенно вздыхал при виде водки, колбасы, сыра.

— Значит, тоже воюют? — спросил Артемка.

— Тише ты, — испуганно сказал солдат.

За стеной были отчетливо слышны голоса. У Соколова на пирушку собрались офицеры.

— Кто там? — спросил мальчик у денщика.

— А погляди, — кивнул тот на дверь.

Артемка заглянул в приоткрытую дверь. В комнате находились почти все офицеры полка. Среди них был и поручик Рогожин, этот, как ему казалось, несколько странный человек.

— Давай аккуратно разрежай припасы и укладывай их на тарелки, — велел денщик Артемке. — А я пойду стол накрывать.

Дверь снова осталась приоткрытой, и Артемка отчетливо слышал все, что происходило в комнате.

— Запомните, господа, — говорил Соколов. — Мы, офицерское, а главным образом, дворянское сословие, выросли вместе с царем и монархией. Мы научены служить престолу, и если рухнет строй, рухнем и мы. До рес-

публики наша толстозадая избяная Расея не доросла. Вы говорите: народ. А кто он, ваш народ? Неграмотный мужик, который вам же за десятину земли горло перегрызет.

— Свобода только робко стучится в дверь, а такие, как вы, уже пугаете ее, — возразил ему Рогожин.

— Свобода? А на кой мне черт эта свобода? Хотите дать свободу черни? Вот тогда-то ваша свобода и скажет «тю-тю». Нет, господа, я предпочитаю не манифесты, а казацьи сотни.

За дверью наступило долгое молчание: по-видимому, офицеры не хотели спорить с Соколовым.

Держась за правую щеку, на кухню вернулся денщик и тяжело опустился на стул. Один глаз у него заплыл. Он плакал, как маленький ребенок, поминутно трогая огромный, фиолетового цвета, синяк, и это было страшнее, чем если бы он ругался самыми последними словами.

— Кто тебя так? — спросил Артемка.

— Соколов, штабс-капитан. За что, спрашиваю, ваше благородие? А он мне и говорит: «Долго копаешься, мерзавец. Надо было вовремя стол накрыть».

Денщик намочил полотенце и, прикладывая его к синяку, всхлипывая сказал:

— Вот вроде бы из господ офицеров один только Рогожин ничего — человек душевный. И, скажи на милость, никак в толк не возьму, отчего это люди разные бывают. Уж сколько я этих самых офицеров перевидел, а все думаю, как это и зачем бог так в жизни устроил.

Артем мысленно подбирал нужные слова, которыми бы можно было ответить денщику. Но так и не нашел этих слов. Невольно вспомнил он Дубца, который умел любой трудный вопрос объяснить простыми словами. Он живо представил себе багровое от постоянного пьянства лицо штабс-капитана Соколова и невольно вздрогнул, когда из-за двери донесся сухой, скрипучий голос:

— Еще один банчок, господа? По маленькой...

Денщик между тем продолжал:

— Спросил я у попа — отвечает: «Не твоего ума дело, так бог порешил». Офицера спросил, на войне убили его потом, царствие ему небесное, а он меня в морду. «Я, — говорит, — эту заумную дурь из тебя вышибу».

Из-за двери донесся резкий голос Рогожина:

— ... Я тоже из дворян, и с самого раннего детства мне в голову вбивали одну мысль: ты — соль земли, ты — повелитель в жизни, опора всей государственности. Мы жили в Москве, и я видел, как ведет себя наше дворянское офицерство. Помню, однажды пьяный ротмистр избил солдата. Обычная, казалось бы, история, а солдат вечером повесился. И не мало мне такого пришлось в жизни увидеть. Наша Россия вся живет ожиданием чего-то нового, какого-то невиданного переустройства. Революция? Пусть она! Но я боюсь другого: слишком много крови будет. А это страшно, господа...

То, что дальше пришлось увидеть Артемке, было дико и страшно. В этот вечер волосатый кулак штабс-капитана прогулялся и по его лицу.

И только перед рассветом, усталый, с синяком под глазом, пришел Артемка в казарму и сразу завалился на нары.

10. АРТЕМ ЕДЕТ В ПЕТРОГРАД

Конец 1916 года. Непокойно было в рабочих районах Петрограда. В гарнизоне, среди солдат, тоже шло глухое брожение. Испуганное царское правительство, стараясь предотвратить развитие революционного движения в войсках, вызывало из глухих мест в столицу пополнения, состоящие, как правило, из пожилых неграмотных крестьян.

Правительство надеялось спасти положение тем, что пополняло состав революционно настроенных питерских полков преданными, как оно полагало, царю-батюшке темными мужиками.

В Вологде, в запасном полку, для отправки в Петроград формировалась маршевая рота. Дубцу бог весть какими путями удалось включить в состав маршевой роты Артемку.

Все эти дни Артемка жил ожиданием, что наконец-то его мечта — попасть в родной Питер — сбывается.

— Будешь в Питере, ко всему приглядывайся. В стороне от нашего дела не стой, — напутствовал его Дубец.

... Вот и воинская платформа. Важно разгуливает по ней все тот же жандармский вахмистр с пушистыми рыжими усами. Задолго до отхода эшелона Артемка залез на верхние нары. Он мечтал о новой жизни в Петрограде, о которой ему так увлекательно рассказывал Дубец, повторял адрес Щербатова, к которому по приезду он должен явиться. Он с нетерпением ожидал, когда эшелон тронется в путь. Двери в теплушке были открыты, и хотя топилась чугунная печурка, но от морозного воздуха было холодно, и Артемка, как только мог, кутался в свою тонкую шинелишку, перешитую из старой солдатской шинели, списанной по негодности.

Когда поезд подошел к Череповцу, Артемка с ведром побежал за кипятком для всей теплушки. Пробегая по перрону, он встретил поручика Рогожина, ехавшего в классном вагоне. По заключению медицинской комиссии поручику был предоставлен длительный отпуск: состояние его здоровья резко ухудшилось после серьезного ранения, полученного на фронте. Рогожин стремился в Петроград и по другой причине. В Петрограде он оставил жену, которую очень любил. За последние два месяца он от своей старой няньки Надежды получал тревожные письма.

Рогожин давно приметил Артемку, ему нравился этот всегда подтянутый, скромный и смысленный подросток с большими печальными глазами. Сейчас, увидев мальчика, бежавшего с ведром, Рогожин остановил его и ласково спросил, что он собирается делать в Петрограде.

Услышав ответ, что в Питере Артемка хочет поступить работать на завод, но что жить ему пока негде, Рогожин медленно, словно боясь сказать что-нибудь лишнее, произнес:

— Ну, не бойся, приедем в Петроград, увидим...

— А я и не боюсь, вашскродь, — бойко ответил Артемка.

— Молодец, молодец... — сказал Рогожин и заспешил к своему вагону.

Под монотонный перестук колес Артемка думал, с чего он начнет свою жизнь в Петрограде. Денег у него не было, если не считать рублевки, сунутой в руку Дубцом,

Эшелон подходил к Петрограду. Теплушку закачало на стрелках. Не отрываясь смотрел Артемка в маленькое оконце, затянутое изморозью.

Вот и он, большой, родной и вместе с тем незнакомый город, куда он так стремился.

Было морозно и солнечно, когда поезд подкатил к воинской платформе. С вещевым мешком за плечами Артемка выскочил из вагона. От свежего морозного воздуха закружилась голова. Поправив папаху, шинель и поудобнее вскинув на плече лямку вещевого мешка, он медленно пошел, думая с тревогой: «Вот приехал. А куда пойду? Чем буду жить? И найду ли Щербатова?» В казарму вместе с бородачами Артемке идти не хотелось. Не хотелось, приехав в Питер, снова тянуть солдатскую лямку.

И вдруг его остановил окрик:

— Артемка, подойди ко мне!

Он оглянулся. Его окликнул Рогожин. Артемка подошел к офицеру, и тот, словно бы угадав его мысли, спросил:

— Ну, герой! Где жить собираешься?

— Не знаю, — понурился, ответил Артемка.

Рогожин хотел казаться веселым, но по всему было видно, что веселость эта давалась ему с трудом.

— Вас никто не встречает? — спросил Артемка у Рогожина. Тот ответил не сразу.

— Видишь ли... я живу сейчас один. Мать у меня в Москве, а жена... словом, сейчас у меня нет жены. Поедем ко мне. Если хочешь, поживешь пока у меня.

— Не знаю, — не нашелся что ответить Артемка.

— Чего же тут не знать, — уже веселее сказал Рогожин и пропустил вперед себя Артемку.

— Извозчик! — крикнул он, когда они вышли на привокзальную площадь.

В легких санках, прикрыв ноги медвежьей полостью, они медленно ехали по зимнему городу. Некоторые прохожие с изумлением смотрели на офицера, ехавшего в одних санках вместе с солдатом.

Артемке казалось, что вся его жизнь начинается сначала и все, что было до этого: сиротский приют, монастырский сад, гробовая мастерская, ресторан, солдатчи-

на — все это было ненастоящее и осталось где-то очень далеко позади.

Подъехали к дому, где жил Рогожин. Артемка успел рассмотреть желтое здание с колоннами и тяжелую дубовую дверь.

У ворот стоял дворник. Увидев Рогожина, он поклонился ему несколько раз:

— Прибыли, значит, ваше благородие. С приездом вас.

Рогожин буркнул что-то похожее на «спасибо, братец» и сунул дворнику «на чай».

Рогожин открыл дверь в квартиру, и Артемка шагнул в другой мир, зажав в замерзших руках папаху.

ЧАСТЬ II

НАЧАЛОСЬ...

1. В РОДНЫХ МЕСТАХ

Д

олго не мог привыкнуть Артемка к большой и тихой барской квартире Рогожина. Всюду старинная тяжелая мебель, горки с фамильным хрусталем, глухие шторы на окнах, картины в золоченых рамах. Все это угнетало. Правда, Рогожин был с ним ласков, однако мальчику казалось, что за этой ласковостью скрывается жалость одинокого человека к случайному знакомому, да еще подростку, нуждающемуся в поддержке.

От няньки Рогожина, Надежды, Артемка узнал, что жена Рогожина уехала за границу с Рябушинским — сыном известного богача — и «бросила Митеньку, а он, сердешный, уж так любил ее, да и теперича любит. Извелся весь от тоски».

Старая нянька Рогожина, она же и кухарка, прослужила здесь тридцать лет и считалась в доме «своей». К Рогожину она относилась с тем болезненным и ревнивым вниманием, с каким относятся матери к очень избалованным детям. Может быть поэтому, она привязалась и к Артему — чужому для нее человеку, которого, как ей

казалось, любит ее Митенька. Вечерами Артем рассказывал ей о себе, о Вологде, о войне, и Надежда, сидя у остывающей плиты, тихонько вздыхала и краешком платочка вытирала слезы.

Вскоре после приезда в Петроград мальчик отправился побродить по родной Выборгской стороне, где прошло его раннее детство. Недавно выпавший снег растаял. Была оттепель. Под ногами хлюпала серая масса. От Невы поднимался пар, — река еще не замерзла, хотя и был конец декабря.

На Сампсониевском проспекте было малоллюдно, и Артемка шел не спеша, старательно обходя лужи. Этот проспект он помнил смутно. Где-то здесь надо было свернуть, чтобы попасть на Безбородкинский, но где именно, он не знал и собирался спросить кого-нибудь из прохожих. Пока же он безразлично рассматривал вывески, волнуясь от ожидания того момента, когда увидит знакомый дом, лесенку в заветную комнатку, где когда-то жил с отцом.

Внимание Артемки привлек приклеенный на стену лист бумаги. Он подошел и стал читать. Сразу на него пахнуло свежим ветром, предчувствием больших событий.

На листе бумаги печатным шрифтом было написано:

„К пролетариату Петрограда!

С каждым днем жизнь становится труднее... Война, кроме миллионов убитых, несет и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак «царь-голода» угрожающе надвигается на нас. Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества...»

Артем любовно расправил загнутый угол листовки. Для него эта листовка была радостной неожиданностью. Там, в Вологде, Дубец прятал прокламации, доверял их только самым верным людям, а здесь она висела на видном месте, и любой мог ее прочитать.

Он так увлекся чтением, что даже не заметил, как подошел к нему незнакомый человек и, прочтя текст, горестно покачал головой:

— Ай-яй-яй!.. Как же это они посмели? Это про

власть-то, про царя самого! Вы как думаете, молодой человек?

— Ничего я не думаю, — буркнул Артемка.

— И напрасно, напрасно. Вы что же, живете здесь?

— Нет, не живу.

— Мы вроде бы знакомы. Я на Сампсониевском живу. Не встречались?

— Нет, не встречались.

Незнакомец — щуплый человечек с маленькими, беспокойными глазами — оглянулся, вздохнул и взял Артема за рукав шинели. Рука неожиданно оказалась цепкой и крепкой.

— Ну, тогда пойдем. Может, расскажешь чего-нибудь интересное. Я ведь видел, как ты наклеивал прокламацию.

Не понимая, зачем он это делает, Артемка сделал попытку вырваться, но, увидев черный ствол нагана, смотревший ему в лицо, притих. Незнакомец насмешливо протянул:

— Ишь ты, приткий какой! А ну, не будем бегать...

Убегать было действительно бесполезно. Человек ногтями сорвал со стены прокламацию, наклеенную наспех, и снова так же насмешливо сказал:

— Не та фирма... Пошли!

Артемка понял, что это шпик. Так глупо попасться лишь за то, что остановился прочитать и расправил плохо наклеенную на стене листовку. Конечно, его освободят, когда он скажет, что остановился случайно, шел по своим делам и ничего не знает. Да, но куда он шел? А фамилия как? Этого он сказать не может. Надо сказать, что шел домой, на квартиру Рогожина.

Внешне он старался казаться спокойным, даже равнодушным. Успокоился и шпик, хотя все еще держал руку в кармане, куда сунул наган и обрывки прокламации.

Никто из прохожих, попадавших навстречу, не обращал внимания ни на паренька в серой солдатской шинелишке, ни на мужчину в просторном драповом пальто,

* * *

Из полиции Артемка вернулся поздно. Встревоженная Надежда накинулась на него с упреками, что он бе-

гает бог знает где, а Митенька беспокоится и до сих пор не спит.

— Велел зайти к нему, как придешь.

Артем рассказал Рогожину, как его допрашивали в участке. Рогожин слушал отвернувшись. Ему неприятен был этот разговор.

— Ладно, что все обошлось, — оборвал он Артема. — У тебя тут гость был. Вон, посмотри на столе.

На столе лежал клочок бумаги с адресом: Литейный проспект, 7, квартира 16, Щербатов. Эту фамилию еще в Вологде дал Дубец и велел зайти к нему насчет работы.

— Он назвался твоим родственником, — сказал Рогожин. — Просил приехать завтра вечером. А сейчас иди спать.

Еще и еще раз прочитал мальчик клочок бумаги. «Щербатов! Конечно, это тот, о котором говорил Дубец. Но как он узнал, что я приехал? Наверное, Дубец ему написал. Может, Дубец и Рогожина просил приютить меня на первых порах», — думал Артемка, собираясь спать. Но сна не было. Тогда он вынул из-под подушки томик Горького, который еще днем взял у Рогожина.

Артемка впервые читал такое. С замиранием сердца прочел он «Песню о Буревестнике». Перечитал еще раз. Заучив ее почти наизусть, он отложил книгу и задумался: «А ведь этот Горький написал свою песню о революционерах-большевиках. Большевик, он и есть «Буревестник». Значит, мой отец тоже «Буревестник». «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник...»

Утром Артем принес Рогожину чай и спросил его:

— А скажите, кто этот Горький?

— Что, понравилось? — спросил Рогожин.

— Да.

— Это очень хороший писатель... Он для народа пишет.

«Значит, для нас», — подумал Артем.

— Дмитрий Алексеевич, а нет ли у вас еще книг Горького?

Рогожин подвел его к книжному шкафу и, показывая на полку, сказал:

— Будешь брать отсюда, но, когда книгу прочтешь, снова на место ставь.

На другой день под вечер Артем поехал в трамвае на Литейный. Он смотрел в окно на прохожих, и ему казалось, что вот сейчас шпик снова вынырнет из толпы. Вчерашнее событие оставило неприятный след.

Артем легко нашел нужный дом, поднялся на пятый этаж и потянул за медную ручку звонка. Прислушался. В передней звякнул колокольчик. Дверь приоткрылась, и женский голос спросил:

— Вам кого?

— Щербатова. Вот записка от него.

— А-а, — протянула женщина, — заходите. Мужа нет дома, но он велел подождать.

Она пропустила Артема в коридор, а потом распахнула дверь в комнату.

— Садитесь к окошку, там посветлей. А шинель сюда повесьте, вот гвоздик. Хотите — почитайте, чтоб не скучать. — Она протянула Артему несколько потрепанных номеров «Нивы», затем взяла со стола чашку и вышла.

Артемка осмотрелся. Единственное окно выходило как-то сбоку на проспект. В комнате было тесно. В углу стоял пузатый старенький комод, покрытый салфеткой, у стены — простой стол и несколько стульев, на окне — горшок с не знакомым ему цветком, на стене — фотографии в рамках. Одна из фотографий, очевидно, изображала хозяйку комнаты в фате и с цветами. Она стояла, положив руку на плечо мужчине. Ее лицо было печальным и напряженным. Зато мужчина («Наверно, это и есть Щербатов в молодости», — подумал Артем) выглядел веселым, пожалуй даже счастливым. Снимались они, наверное, в день свадьбы, на память.

Артем пытался представить, как же должен выглядеть сейчас Щербатов, но не мог этого сделать. Может быть, он за это время поседел, стал худым или, наоборот, потолстел и отрастил бороду.

В прихожей раздался звонок. Взволнованный ожиданием близкой встречи, Артем посмотрел на дверь.

Щербатов вошел в комнату, на ходу расстегивая пальто. К Артему он обратился запросто, будто знал его всю жизнь и ничуть не удивился, встретив его здесь.

— Пришел! Ну, здравствуй, парень. Чего гляделки-то вылупил? Вылезут, обратно не запихнешь. Дай-ка я

помотрю на тебя. — Он подошел к Артему, повернул за плечи лицом к окну и одобрительно кивнул. — На батьку похож. Только тощий очень. Ровно скелет какой. Ну, садись, разговор будет.

Артем сел, вглядываясь в лицо Щербатова. Глаза действительно смешные. Брови лохматились над ними, а усы, тронутые сединой, от улыбки поднимались вверх...

«А ведь он тоже «Буревестник», — подумал Артем.

— Отец о тебе спрашивает, — тихо сказал Щербатов.

Артем, задохнувшись, вскочил:

— Он здесь?

— Не здесь, не здесь. В письме спрашивает. Вот ведь ты какой нервный, аж позеленел весь.

— А вы?

— Что я?

— Мне сказали... родственник... дядя...

Щербатов, усмехнувшись, протянул широкую ладонь, положил ее на плечо Артему и легонько встряхнул:

— У меня таких племяшей — вся Россия. А батьку твоего я лет десять знаю.

— Где отец? — спросил Артем, стараясь не волноваться.

— Все там же, — пожал плечами Щербатов. — Только вот друзей теперь у него стало больше. Все-таки разыскал тебя. Письмо от знакомого получил.

— От кого?

— Ну, это, брат, мое дело.

Артем покраснел. Он понял, что такие вопросы нельзя задавать.

Щербатов смотрел на Артема, и все серьезнее становилось его лицо. Смешливые глаза стали печальными, он понимал, что перед ним сидит всего-навсего семнадцатилетний паренек, не видевший родительской ласки, испивший за свою недолгую жизнь полную чашу житейских горестей, испытывавший полуголодную жизнь, хвативший лиха.

— Пойдешь на завод? — спросил Щербатов. — К себе в цех возьму. Поговорю с мастером. Если какая дурь в тебе и осталась, — выбьем, так и запомни. Где завод Металлической компании, знаешь? Завтра к восьми утра подходи к проходной. Кстати, кто это такой — Рогожин? — Он снова сел, приготавливаясь к большому разговору, о котором как будто совсем забыл. Артем рассказал ему все, что знал о Рогожине, и Щербатов задумчиво провел руками по лицу.

— Удобно тебе у него оставаться?

— Не знаю. Чужое у него все какое-то.

— Да, брат ты мой. Ненадежный этот твой офицерик. Сегодня у него одна блажь, а завтра другая. А тебе надо что попрочнее... Ну ладно, чего-нибудь придумаем. Значит, до завтра. — Он крепко встряхнул Артему руку, помог надеть шинель, спросил: — Не голодаешь?

— Нет. Сейчас нет.

— Ну, не хлебом единым, говорят, бывает сыт человек. — Щербатов, хитро улыбнувшись, подтолкнул Артема к двери.

... Опять хлюпала под ногами снежная жижа. Артем шел и чувствовал, как что-то новое, неизвестное входит в его жизнь. И это новое манило, — ведь впереди были такие люди, как незнакомый еще вчера, знавший его отца и поэтому совсем близкий Щербатов.

Артем не заметил, как быстро спустились короткие январские сумерки и наступила ночь — промозглая, холодная в расплывающихся огнях редких фонарей.

Легко было идти по затихающему городу и чувствовать себя в необъяснимой связи с ним, этим городом, с его огнями, отраженными на мокрых, оледенелых мостовых, далекими звонками трамваев, еще более далекими паровозными гудками. Он впервые видел, как собирается заснуть этот холодный каменный город, такой чужой и чопорный днем и такой по-рабочему усталый вечером.

Ветер гнал тучи, и незаметно начался медленный, тяжелый снегопад. Стало светлее от мириадов снежинок, которые неслись по воздуху, падали на оледеневшие после оттепели тротуары и мостовые.

Артем потерял счет времени и уже не думал, что Рогожин и Надежда будут выговаривать ему за позднее возвращение. Ему было хорошо сейчас. Он разогрелся от быстрой ходьбы.

Шел быстро, подняв голову и подставляя улыбающееся, разгоряченное лицо навстречу летящим снежинкам. Он чувствовал себя счастливым и не задумывался, откуда у него это ощущение — скорее всего от того, что впервые за долгие годы понял, что не один в этом большом, сложном мире.

Почему он не догадался спросить адрес отца? Нет, не надо писать, — он не умеет писать грамотно, пускай сначала напишут другие. Отец... Сейчас он был ближе к нему, чем когда-либо за все эти годы,

2. НА ЗАВОДЕ

Тревожный январь 1917 года Артем встретил на новой квартире, в которой, скрываясь под фамилией Петрова, жил Лосев, — к нему Щербатов и привел Артема. Встреча с Лосевым была сердечной. Он сразу узнал Артемку.

— А, это ты, — радостно воскликнул Лосев. — Мы с ним старые знакомые, — сказал он Щербатову. — В Вологде познакомились. Он, брат, меня дважды из лап жандармов выручал.

Лосев обнял и поцеловал Артемку. А он, никогда не видевший ласки, так расчувствовался, что не мог вымолвить слова. Стоял и молчал.

— Ну, чего же ты?.. Снимай свою шинель, теперь вместе жить будем. У меня нет никого, и ты один. Вдвоем нам веселее будет. Куда его пристроим? — спросил Лосев Щербатова.

— Он уже работать начал. К Лапшину его под руку пристроил. У дяди Саши он скоро фрезеровщиком станет. Ему очень надо в рабочем котле повариться. В голове у него еще каша.

— Дядя Саша научит, да и мы ему подсобим, поставим парня на дорогу, — ответил Щербатов.

Лосев работал на «Айвазе». Утром они вместе

с Артемом выходили из дома и расставались голько на Выборгской.

Новая жизнь, начавшаяся так неожиданно, встреча с Лосевым и бесконечные, допоздна, разговоры с ним, прочитанные книги словно бы пробудили Артема. Так бывает с человеком после долгого сна, когда он внезапно проснется и еще долго недоумевает: как же это все получилось, где он, что с ним?

Было бы неправильно утверждать, что Артем все понимал, во всем разбирался. Многие для него оставались непонятным. В самом деле, хотя он и прошел тяжелую школу нужды и лишений, но учился мало, читал книги без разбора, с людьми встречался в большинстве недобрыми и темными. Дубец был первым, кто ответил Артему на его вопросы. И вот в Питере — Иван Васильевич Щербатов, Лосев, Лапшин. Незаметно, но настойчиво они направляли его внимание, его мысли на сложные отношения, существовавшие в то трудное и грозное время, давали читать хорошие, умные книги.

Лосев, Щербатов и Лапшин, внимательно наблюдая за Артемом, часто задумывались. Семнадцать лет — это возраст, когда человеку уже дано многое знать и понимать. Артем многого еще не знал и не понимал. Он тянулся к знаниям, хотел понять все, что происходило вокруг. Пускай наивно, путаясь в событиях и фактах, но в общем Артем правильно рассуждал о войне, о царе, о капитализме. Такие понятия, как диктатура пролетариата, эсеры, меньшевики, социализм, были для него далеки. Артему требовалось пройти ускоренный курс политических знаний, ведь ему нужно было стать солдатом приближающейся революции. Он должен был пройти школу революционной борьбы.

Правильно считал Щербатов, что прежде всего ему нужно пройти трудовую школу и получить рабочую специальность. Щербатов хотел, чтобы Артем, как и его отец, стал фрезеровщиком, и Артем стал учиться фрезерному делу. Здесь, на заводе, была и другая школа, не менее важная для него. Школой были разговоры рабочих, открыто выражавших свое недовольство, обсуждавших положение на фронтах, рвавшихся в бой с самодержавием, с капиталистическими порядками.

— Смотри, слушай, думай, делай выводы, — говорил Иван Васильевич Щербатов.

И Артем смотрел, слушал, делал выводы. Не всегда они были правильными. Но с каждым днем он понимал все больше и больше.

Лапшин неторопливо раскрывал секреты своего мастерства, а на нетерпеливость Артема, хотевшего все уразуметь сразу, отвечал так, что не поймешь, — всерьез говорит дядя Саша или шутит.

— Станок, милый, к тебе еще не привык. Потерпи, пока привыкнет.

— Когда же он ко мне привыкнет?

— А тогда же, когда и ты к нему. Тут дело обоюдное. А ты хочешь сразу.

— Похрапывай, посапывай, — посмеивались над Артемом другие рабочие, — авось к сорока годам и научишься.

— Зачем к сорока? — говорил Лапшин. — Раньше научится. Придет в одно утро в цех, а станок от радости так и засветится, заулыбается, вот тогда, значит, и подружился. Сразу видно будет.

Дело шло вовсе не так уж медленно. Лапшин был хорошим учителем, большим мастером своего дела. Исполволь, без нажима, где подсказом, а больше показом, он учил Артема.

— Не рви, не суматошьясь, старайся понять, — говорил дядя Саша своему ученику. — Понять старайся. А руке дай привыкнуть. Тогда все пойдет!

Понять надо было не только фрезерный станок. Понять надо было многое. Артем очутился в огромном рабочем коллективе, жившем своими законами. Здесь ценили умение, мастерство, любили острую шутку, говорили обо всем прямо, открыто. Спорили резко, кляли на чем свет стоит и плохие заработки, и трудную жизнь, и больше всего — войну.

Агитацию среди рабочих вели представители различных партий — не только большевики, но и меньшевики, и эсеры... И в этом надо было разобраться, и это надо было понять.

Как-то Артем спросил у своего учителя:

— А вы что так стараетесь, дядя Саша? Ведь на капиталистов работаем. Нас голодом морят, а сами наживаются. Зачем же нам стараться?

Лапшин ответил не сразу. Он поднял на лоб защитные очки, посмотрел на Артема, хмыкнул, склонился над

ящиком с запасными фрезами и долго копался. Достав нужную фрезу, он пристально поглядел на Артема.

— Может, и зря я тебя учу. Ты еще без году неделя здесь, а я полжизни в этом цехе, — задумчиво сказал Лапшин. — Да разве настоящий рабочий человек на работу сердится? Наша сила в том и состоит, что мы умеем работать. На нас земля держится. А то, что мы на них работаем, так это же временно, дура. Еще немного — и будем работать на самих себя, а их по шее... Они на земле временные, а мы постоянные! Понятно? Кому ты будешь нужен, Артем, если работать не научишься? Даже себе не будешь нужен. Ты, брат, счастливый, — скоро все это кончится. Не на них, на себя поработаем!

Больше Артем не спрашивал, для чего нужно трудиться, но с каждым вопросом, а вопросов возникало много, он обращался к Лапшину, и тот отвечал спокойно, уверенно, а иногда и зло. Так старый рабочий учил молодого не только фрезерному делу, но и жизненному опыту, не менее нужному и важному, удалял, как он говорил, «мусор из мозга».

Как-то Щербатов, встретившись с Лосевым на заседании Выборгского комитета, спросил:

— Ну, как мальчишка?

Лосев усмехнулся:

— Ничего, сделаем большака.

— Какого большака? — не сразу понял Щербатов.

— А это он сам такое словечко раздобыл. Слышал его в казарме от солдат. Сильное слово, а? — И повторил про себя, словно взвешивая его: — Большак! Так в народе большую дорогу называют.

Щербатов ответил:

— Вот только времени у меня нет наблюдать за мальчишкой. Вижу его редко. Вроде бы работает. Обтирается около Лапшина.

Еще и месяца не работал Артем на заводе, как его вызвали к управляющему. Он шел к нему со стесненным сердцем: ученика, да еще через посыльного, не станет же зря сам управляющий вызывать. Дядя Саша успел шепнуть:

— Ты, парень, держи ухо востро. Подлейший человек наш начальник.

Стесняясь грязной спецовки, стараясь не задеть мебель, Артем вошел в кабинет и вздрогнул: в одном из кресел сидел тот самый плюгавый шпик, который приводил его в участок. Управляющий восседал за массивным столом, заставленным безделушками, и с любопытством разглядывал Артема.

На заводе управляющего звали Шишкастый из-за тех шишек, которыми были усеяны его лицо и бритая наголо голова. Заметив, что Артем мнется возле дверей, не решаясь ступить на ковер, управляющий ободряюще кивнул:

— Проходи, проходи, садись на стул. — Он повернулся к шпику: — Вот этот и есть? Клевцов, кажется? Ну, чего же ты не садишься?

— Да я постою. Сидеть-то вроде некогда. На сдельщине ведь я.

— Вот-вот, — почему-то обрадовался управляющий. — Но это ничего, ничего. Хоть время, говорят, деньги. Словом, наш с тобой разговор сегодня может дать тебе много денег. Много денег, Клевцов. Ты меня понимаешь?

Артем промолчал.

— Не понимаешь? Ты у меня на заводе недавно, верно ведь?

— Верно.

— Вот видишь, а мы тебя уже и заметили. Мы таких уважаем, даже если они простые рабочие. Ты у господина Рогожина жил?

— Да, — ответил Артем.

— Он тебе родственник, что ли?

— Нет.

— Кто же?

— Никто.

— Вот тебе и раз. Да ты не стесняйся. Сейчас на оборону многие из разорившихся господ работают.

«Так вот они за кого меня принимают, — подумал Артем. — Но куда все же клонит Шишкастый? Дураком прикинуться, что ли? С дурака и спрос меньше».

Наконец управляющий, сцепив на груди пальцы, подался вперед.

— Короче говоря, ты должен нам помочь в одном деле...

Артем понимающе улыбнулся.

— Так я и помогаю. На оборону работаю...

Шишкастый неторопливо перебил его:

— Это все так, все так, юноша, но ты не понял меня. Нам надо, чтоб ты по-другому помогал, помогал с врагами бороться.

— А где ж враги-то? — искренне удивился Артем.

— Они, юноша, рядом с тобой работают.

— Чего ж их не забирают?

— А вот не забирают потому, что мы не знаем точно — кого? Ты знаешь, кто такие большевики? Слышал, наверное?

Артем мотнул головой. Шишкастый обменялся со шпиком быстрым, понимающим взглядом. Артем понял,

что сделал что-то не так. Переминаясь с ноги на ногу, стараясь исправить ошибку, он нерешительно сказал:

— Говорят, будто есть такие. Я слышал. Таких, говорят, легко отличить: они все длинные, потому и большевики.

Шишкастый усмехнулся.

— Ну, а Лапшин, по-твоему, не большевик? Чему он тебя учит?

Артем, казалось бы, удивился.

— Как чему? Обыкновенно — у шестерен зубья нарезать. Опять же сверла...

— Ну, а Щербатов? Ты знаешь Щербатова?

— Знаю. Смешливый мужик, так он же на другом участке работает.

— Книги они дают тебе читать? Какие книги ты читал?

— «Тайны венценосцев», — ответил Артем. — Про сыщиков читаю: Шерлока Холмса, Ника Картера... Интересно.

Если вначале он только догадывался, то теперь твердо знал, чего хотят от него эти люди. Нет, их расчеты не оправдаются. Не на того напали. Прав дядя Саша, надо быть осторожнее. И держаться поглупее, может, и отступятся от него.

Но отступить от него не хотели.

— Ну, а песни... Песням каким тебя учат? — спросил Шишкастый.

— Да, вот Лапшин каким песням тебя обучал? — добавил плюгавый человечек.

И вот тут Артем разошелся, его так и понесло, как телегу на скользкой мостовой. Какая-то озорная радость овладела им, он уже не боялся сорваться, разоблачить себя. С силой притопнув ногой, он бойко запел:

Нам не надобно гороху
Нам одну б горошину.
Нам не надо много жен,
Нам одну б хорошую.

Шпик понял, что Артем просто прикидывается, и от уговоров перешел к угрозам:

— Так вот, — сказал шпик, — выбор у тебя, парень, небольшой: или ты будешь нам помогать и за это еще деньги получать, в люди выйдешь, или придется

тебе... — Он изобразил пальцами решетку и показал Артему.

«Да, выйдешь с такими в люди», — с горечью подумал Артем. Он на минуту представил, что вот он станет таким, как Мишка Косой, как Тихон или этот плюгавый шпик. Его передернуло от омерзения, и он едва не выругался.

Управляющий и виду не подал, что разозлился. Покачиваясь в кресле, он улыбался, словно только что выслушал очень остроумную шутку.

— А ты, юноша, талант. Как знать, может быть, будущий Шалапын в тебе сидит. Подойди сюда, — сказал управляющий, вынимая из стола листок.

Артем подошел.

— Читай! — сказал управляющий, протянув ему листок.

Артем узнал листовку, которую читал месяц назад на стене и за которую сидящий здесь шпик свел его в полицейский участок.

— Узнаешь? — спросил шпик. — У тебя в инструментальном ящике нашли.

«Вот оно, как дело повернулось», — подумал Артем и уже по-настоящему испугался. Он знал, что этим людям ничего не стоит с ним расправиться. Управляющий, по своему расценив его растерянность, решил, что сейчас полезно отпустить рабочего, — пусть подумает, деваться ему некуда.

— Ну вот, понял, — сказал он. — А сейчас иди, я тебя скоро опять позову. Только дело знай: обо всем, что Щербатов и Лапшин, ну и другие там говорят, — все мне передавай. А иначе... Словом, знаешь, время военное!

Когда Артем передал Лапшину разговор с управляющим, тот только руками развел:

— На провокацию тебя, милоч, хотели взять. И меня, стало быть, в большевики записали? На старости-то лет?

— Но почему, дядя Саша, они именно меня, а не другого вызвали? — недоумевая и волнуясь, спросил Артем.

— Это, милый, — ответил Лапшин, — тебе большая честь оказана или очень уж они встревожились, почувствовали, что земля горит под ногами. Раньше осторожнее людей подбирали и не в кабинетах с ними разговаривали. А с тобой почти что в открытую. А может, они и

знают, что ты сын большевика Клевцова, и нарочно хотят тебя запутать в предательстве. И это возможно. Потому они тебе и честь такую оказали — сам управляющий в кабинет к себе вызвал. Вот, Артем, какие тебе задачи жизнь ставит, можно сказать, с малолетства. Но ничего, крепче будешь. А насчет друзей, что их у тебя нет, они ошибаются. Есть у тебя друзья...

— Спасибо, дядя Саша, — сказал Артем.

— И тебе спасибо, — строго сказал Лапшин, — что чист ты душой. Ничего, не поддавайся...

— Может, мне еще и Щербатову рассказать, посоветоваться.

— Что ж, и то дело... Он — умная голова, может, что-нибудь и присоветует. Только ты к нему в эти дни не ходи, за тобой, видимо, присматривают. Я сам с ним поговорю...

* * *

Сообщение Артема насторожило не только Лапшина, но и Щербатова, однако они решили, что охранка с помощью управляющего пытается подобрать ключ ко всей заводской организации. Для них Артем — только ни-точка. К людям, более опытным, они подступиться не решаются, а рабочий-подросток, неопытный, им кажется орешком, который легко раскусить.

— А ты молодчина, — похвалил Щербатов Артема. — Вызовет Шишкастый еще раз, — ты ему отчебучь что-нибудь такое... — он покрутил рукой.

Через три дня Артема снова вызвали к управляющему. Он уже знал, что говорить этому «глупому пингвину».

Шпика на этот раз в кабинете не было. На том месте, где он сидел, сейчас полулежала в кресле томная некрасивая девица. Она была похожа на управляющего, и Артем догадался, что это его дочь.

— Ну-с, так как? — спросил управляющий.

Артем сделал загадочное лицо.

— Говорят... — прошептал он.

Управляющий настороженно взглянул на него, словно бы поторапливая.

— Ну, кто?

— Щербатов. Ну и Лапшин поддакивает. Вчера, значит, дело было. Неловко мне только... — он взглянул на девицу,

— Да говори же ты! — Шишкастый махнул рукой.

— Начистоту, что ли, высказать? — спросил Артем.— Одним словом, подошел вчера Щербатов к Лапшину, взял фрезу и говорит: «Что этой фрезой сделаешь? Ей не только зубья у шестерни не нарежешь, а даже у управляющего с головы шишку не сковырнешь!»

Артем замолчал, с глуповато-радостной улыбкой наблюдая, какое впечатление произвели его слова на управляющего. Девица вспыхнула и отвернулась. Управляющий, не ожидавший ничего подобного, издал какой-то нечленораздельный звук и махнул рукой. Это должно было означать: «Иди». Артем, наклонившись, подошел к дверям и, как в прошлый раз, обернулся у порога и хотел что-то еще сказать.

— Во-он!

Артем не стал дальше искушать судьбу. Он бегом промчался по коридору, слетел с лестницы и через несколько минут задыхаясь подошел к Лапшину. Тот поглядел на него через очки, потом сдвинул их на лоб и поглядел снова.

— Чего радостный? Деньги получил?

— Как же, получил! — крикнул Артем. — Я такое отчебучил!..

Задыхаясь от смеха, он рассказал Лапшину о том, как подавился злостью управляющий. Но Лапшин не смеялся.

Он постучал себя по лбу рукой, потом постучал по ящику и укоризненно сказал:

— Дура! Ой, дура! Перешутковал ты, брат, как бы худо не было.

* * *

Вечером Лосев, вернувшись с работы, сухо сказал Артему:

— Натворил дел, парень?

Артем испуганно глядел на него. Что он натворил? Ведь Щербатов сам же велел ему «отчебучить чего-нибудь такое», вот он и отчебучил. Шишкастый его шутки теперь вовек не забудет.

— Ты думаешь, там дураки сидят? Они поняли, что ты заодно с Лапшиным и Щербатовым. Управляющий совсем озверел. Шутить, милый, надо тоже умеючи.

Артем тихонько охнул.

— Как же...

Лосев оборвал его:

— Ну и ничего. Пусть злится. Не то теперь время. Не так просто таких умельцев, как Лапшин и Щербатов, с места столкнуть. Где замену найдешь? А завод работать должен? Должен! А вот тебе на завод идти нельзя. Этот шпик, Казаченко, давно на тебя зуб имеет. Ты с ним что, и раньше встречался?

Артем рассказал, как шпик за чтение прокламации притащил его в участок.

— Как же я теперь? — спросил он у Лосева.

Лосев долго ходил по комнате, потом остановился и, неожиданно ласково проведя ладонью по мягким, светлым волосам Артема, тихо сказал:

— Придется, брат, опять в солдаты. В армии тоже свои люди нужны.

Артем почувствовал, что вот-вот расплачется, и не от того, что ласка была короткой, незнакомой ему, а от последних слов Лосева, которых он ждал так долго и так нетерпеливо. «Свой я, свой! — радостно подумал Артем. — Хоть и глупость допустил, а все равно свой».

3. СНОВА В СОЛДАТЫ

Как странно сходятся иногда человеческие дороги. Разве мог Артем предполагать, что здесь, в Петрограде, в казармах запасного полка, куда он, остриженный и в новой, пахнущей карболкой шинели, был направлен «для прохождения службы», — он встретит потерявшегося друга?

В казарме было пусто, полк ушел на Охтенские пустыри, и только дневальный шаркал шваброй по цементному полу. Дневальный стоял спиной, но Артем узнал его. Как не узнать оттопыренные красные уши, огненно-рыжую щетину волос, будто человека только что обрили и затем намазали голову охрой. У Артема перехватило дыхание.

— Сенька? — шепотом произнес он.

Солдат быстро повернулся и удивленно посмотрел на Артема большими светло-зелеными глазами. Сенька не сразу поверил, что это Артем, живой, стоит перед ним.

Он по-детски заулыбался и, осторожно прислонив к койке швабру, начал почему-то вытирать руки о гимнастерку, потом схватил друга в объятия и, ударяя его по спине, приговаривал:

— Эх ты, вот так ты!.. Ну и ну!..

Артем выразил свои чувства тем, что ударил приятеля по плечу и так же замысловато выразил свое восхищение:

— Вот это да! Сенька! Черт!..

Они торопливо стали рассказывать друг другу о том, что с ними произошло за то время, пока не виделись. Сенька рассказал, как он уехал с эшелоном и попал на фронт, был ранен, лежал в вологодском госпитале, искал в Вологде своего приятеля, но не нашел. Артем рассказал приятелю, почему не сумел уехать с воинским эшелоном на фронт, как он попал в запасной полк, как вместе с солдатами проходил нелегкую солдатскую службу.

— Ну, а как вы тут живете? — спросил Артем.

Сенька хмыкнул. В запасном полку он находится больше месяца, направлен сюда прямо из лазарета. Здесь много выздоравливающих после ранения солдат, хлебнувших вдоволь окопной жизни. И никто из них не хотел возвращаться снова в окопы.

— Будь она проклята, эта война, — кончая свой рассказ, сказал Сенька.

Да, это был уже не прежний Сенька, мечтавший о подвигах разведчика. И это сразу понял Артем.

— Все так думают? — спросил он.

— Конечно, не все, — ответил Сенька. — Офицеры так не думает. Офицерики орут: «Война до победного!» А где он, этот победный конец? В земле? Под холмиком? В братской могиле? Но есть правильные люди, они нам все объясняют...

— Да, знаю, — сказал Артем.

— Что ты знаешь? — с чувством превосходства спросил Сенька.

— Да вот знаю, кто эти правильные люди!

— Знаешь?

— Знаю. И тебе могу сказать.

— Ну, скажи.

— Большевики!

— Ты потише, — остановил его Сенька. — Не кричи!

Разговор стал еще откровеннее.

Сенька рассказал, что если заподозрят солдата в сочувствии большевикам, сразу же отправляют на фронт с маршевой ротой. Уже несколько таких случаев было.

— Знаешь, я тоже осторожно за большевиков веду агитацию. А теперь вот еще и ты в нее вступишься — вот и будет хорошо.

Внизу, в первом этаже, послышались голоса, застучали о цементный пол приклады. Роты возвращались с учений. Сенька недовольно поднялся.

— Выйди в коридор пока, — сказал он Артему. — Сволочь прапор увидит, визг поднимет. Уж очень визглив, собака.

* * *

Листовки Петроградского комитета РСДРП (б), призывающие солдат кончать войну и свергать самодержавие, Артем принес в казарму на следующий же день. Для этого он отпросился у дежурного офицера в город «для устройства личных дел». Листовки распространяли вместе с Сенькой по всем трем этажам.

Листовки читали, таясь от начальства, но разговоры были общие и шумные и, конечно, не могли остаться тайной. Однако времена были уже не прежние, и офицерам приходилось на многое закрывать глаза.

Артем и Сенька старались ничем не выдать свою причастность к распространению листовок. Когда солдаты удивлялись тому, что вот нашелся кто-то смелый, положил листовки под одеяла, сунул листовки в карманы шинелей, Артем и Сенька удивлялись вместе со всеми. Когда возникали споры, друзья старались больше слушать. Так их учили — слушать, присматриваться, не выдавать себя, вмешиваться в разговор только тогда, когда необходимо будет объяснить правду, в которой не сумели разобратся другие.

Товарищи по казарме сами умели разбираться в правде. Так было даже лучше, что Артем и Сенька оставались в тени. Хотя начальство притворялось, что все в порядке и причин для беспокойства нет, но, конечно, в казарме у них были «свои люди».

Солдат, большей частью крестьян, очень интересовал вопрос о земле. Споры о земле возникали так же часто

и так же ожесточенно, как и споры о войне. С землей не все было ясным. Вот, к примеру, как же будет с помещиками — всю землю у них будут отбирать или часть? В том, что землю будут отбирать, никто не сомневался. Придется ли выплачивать за землю, или «отберем и все»? Или как быть в таком случае, когда лучшие земли оттягают себе кулаки-мироеды, а бедняку опять же достанется земля подальше и похуже. Земля — она тоже разная, как и люди...

— Землю тем, кто работает на ней, — сказал как-то Артем. — Вот так и будет справедливо...

— Ну так ведь и мироед на земле работает. Сам работает и семью свою заставляя, всех своих чад и домоладцев. А батраки у него только на сезон.

Однажды Артем поднялся в верхний этаж казармы и присел на одну из коек неподалеку от группы солдат. Они заметили его и замолчали. Артем сказал:

— Чего ж замолчали-то? Не бойтесь, не побегу, не доложу. Небось из того же котла щи хлебаю.

— Это верно, ребята, — раздался сзади веселый голос.

— Видали? Дитев и тех в армию берут. Ведь еще совсем мальчонки, — сказал один из солдат.

— Это верно, — поддержал его другой солдат. — У меня такой же растет. И как подумаю, братцы, что и у него жисть может быть вроде моей, — хоть волком вой, а кто виноват? Все он... царь!

— На воле, слышь ты, беспокойно, говорят? — повернулся солдат к Артему. — Листовочки тут опять появились. Верно в них про войну и царя написано. Только мне вот насчет земли неясно. Ты не знаешь, часом, как насчет земли будет?

Легко вспомнилось все, что слышал от Лосева, и Артем решил вступить в разговор. Солдаты вначале удивленно переглядывались, а потом стали внимательно слушать. Он говорил не только о земле. Все, что узнал за последнее время, требовало выхода. Слова шли к нему сами, он не подыскивал их. Кому должна принадлежать земля? Да только тому, кто на ней трудится. Заводы? Тоже. Власть? Рабочим, крестьянам и солдатам.

— Капиталисты ведь не захотят, чтобы войны не было. Наша кровь — их денежки. И никто, кроме большевиков, не захочет, чтобы власть была наша.

— Это точно, — подтвердил пожилой солдат и посмотрел на Артема. — Скажи на милость, как все растолковал!

... Послышались крики в коридоре: «Выходить строиться во дворе!» Кто-то, громко выругавшись, сказал:

— Опять «левой-правой»!

Солдаты нехотя наматывали на ноги еще сырые портянки и обмотки. У некоторых шинели сохли у двух больших печек, и от них шел пар; наверно, хозяев этих шинелей офицеры вдосталь заставили поползать на учениях. Бородатый солдат, натягивая свою старенькую шинелишку, только вздохнул: «Эх, служба царская!» — и легонько подтолкнул к дверям Артема.

Через несколько минут полк стоял во дворе на приямом и скользком, как каток, снегу. После жарко натопленной казармы, попав на холод, люди дрожали. Офицеры бегали перед строем, придерживая шашки: кого-то уже вытащили из рядов и сразу отправили под арест.

Артем и Сенька стояли далеко друг от друга. Артем был выше многих солдат в роте, а Сенька из-за низкого роста оказался на левом фланге. Сейчас они не могли даже переглянуться и перекинуться парой слов.

Пожилой полковник в длинной кавалерийской шинели, которая скрадывала его полноту, появился перед строем. Сосед Артема удовлетворенно протянул:

— На ученья не погонят, слава те, господи! Речь будет сейчас...

Полковник, взмахнув затянутой в лайковую перчатку рукой, крикнул:

— Солдаты!

Очевидно, ему показалось, что крикнул он недостаточно громко, и он повторил:

— Солдаты! Вы являетесь защитниками отечества и опорой трона. Сейчас немецкие шпионы и жиды пытаются посеять смуту, но вы, пролившие кровь...

Солдаты слушали полковника невнимательно. Слова были надоевшие, давно уже потерявшие для солдат всякое значение. Хотя полковник и говорил, приспособившись к солдатскому языку, стремясь быть простым и понятным, но одни и те же слова — об отечестве, о царе, о врагах внутренних и внешних. Они — офицер-помещик

и рядовые солдаты, крестьяне и рабочие, — понимали всё по-разному. Полковник говорил «царь-батюшка» — и как-то весь подтягивался, демонстрируя свою верноподданность, готовность пойти за этого «царя-батюшку» хоть сейчас же в огонь, а солдаты усмехались, — они знали цену этому «царю-батюшке». Глупый, жестокий и самонадеянный мракобес, проклятый венценосец дорого обходился народу. Кровью расплачивались миллионы людей за его бездарность.

Осипший полковник стал говорить об усилении борьбы с врагами внутренними, и в это время из строя слышался голос:

— Ладно, знаем! Ты о главном скажи: скоро ли войне конец будет?

Полковник или не расслышал крика, или сделал вид, что не расслышал его. Его звонкий, раскатистый баритон разнесился по казарменному двору:

— ... пролившие кровь, вы были и останетесь надежной опорой нашего государя, который утвердит свою волю, разум и могущество. Завтра нашему полку высочайше повелено выступить против мятежников и всеми мерами подавить бунт. Может быть, придется применить оружие... Опора трона...

И снова кто-то крикнул:

— Дозвольте сказать, ваше благородие!

Полковник, недовольно оборвав речь, спросил:

— Ну, что там еще?

— А мы, ваше высокоблагородие, не желаем больше подпирать то, что сгнило!

Офицеры забежали, выискивая того, кто кричал. Солдаты угрюмо молчали. Полковник хлопал перчаткой по руке, с нетерпением ожидая, когда кричавший крамольник будет обнаружен. Офицеры сделали попытку пройти в задние ряды, но солдаты теснее прижались друг к другу плечами.

Молоденький, с птичьим лицом, прапорщик остановился перед Артемом и взвизгнул:

— Прочь с дороги!

Артем стоял навытяжку, не шевелясь. Ему было страшно и вместе с тем весело от того, как визжит прапорщик. Но тот неожиданно взмахнул рукой, и Артем почувствовал короткий, обжигающий удар по щеке.

Прапорщик был ниже его на голову, и, не будь на его плечах золотых погон, мог сойти за измученного латынью замухрышку-гимназиста. На миг все поплыло у Артема перед глазами. Он не замечал, что теперь все внимание солдат и офицеров приковано к ним. Оправившись, чужь отступив назад, Артем изо всей силы ударил в маленькое, с круглыми совиными глазами лицо, ударил, боясь промахнуться, таким маленьким оно ему показалось, но когда он услышал, как под пальцами что-то хрустнуло, обрадованно подумал: «Не промахнулся!»

Чьи-то руки оттащили его в задние ряды. Из-за спин, загородивших его, он не видел, как прапорщик упал, зажимая рукой разбитое в кровь лицо, как вытаскивают наганы офицеры, а из дверей казармы, подгоняемый командой, выскакивает караул.

Он двинулся вперед со всей всколыхнувшейся шеренгой. Сухо и одиноко щелкнул один, затем другой выстрел, кто-то громко закричал, все смешалось. Сенька стоял рядом с Артемом и держал его за рукав.

— Пусти, — рванул Артем. — За все...

— Не надо, — спокойно ответил Сенька. — И так уж все. Наши сейчас винтовки разбирают.

4. НАЧАЛОСЬ!

«Старшого» выбрали быстро: все проголосовали за отнекивающегося пожилого солдата, по фамилии Цветов.

— Брось, батя! — сказали ему. — Грудь у тебя в крестах, борода отличительная — значит, старшой и есть.

Когда в казарму пришел Лосев, старшой встретил его честь-честью и сам проводил на верхний этаж. Там солдаты уже ждали кого-нибудь из большевиков, нетерпеливо поглядывая в окна. Отсюда просматривались не только двор, но и вся улица. Если появятся карательные войска, обстреливать их отсюда было бы удобно.

Поднимаясь по лестнице, Цветов не удержался и спросил Лосева про землю: как с ней будет, если царя все-таки свергнут. Лосев пошутил:

— Погоди, батя, не все сразу. Сначала царя свергнуть надо, а там никто из вас не будет в обиде. Сами делить землю будете.

Артем едва успел поздороваться с Лосевым; он был назначен в караул и, грохоча по ступенькам коваными сапогами, сбежал вниз, досадуя, что не сможет побывать на митинге.

Вместе с двумя солдатами он встал у ворот. Трое караульных на одном посту никого не могли удивить: время было тревожное. Цветов распорядился никого не впускать и не выпускать.

По улице шли люди, заполнив ее до краев. Они пели революционные песни:

... А деспот пирует в чертоге златом,
Тревогу вином заливая.
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая...
Падет произвол и восстанет народ...

Сверху, с третьего этажа казармы, грохнул винтовочный залп, и толпа, на секунду дрогнув, остановилась, но никто не упал. Артем, испуганно подняв голову, увидел высунувшиеся из форточек стволы винтовок: они целили в небо. Тогда, подняв винтовку, он сам начал стрелять вверх, потом сдернул папаху и радостно закричал:

— Ура-а-а-а!

Солдаты караула распахнули ворота. Рабочие заполнили казарменный двор. Сильные руки подняли Артема и стали качать, он очутился в самой середине толпы, высоко поднял винтовку, чтобы ненароком не задеть кого-нибудь штыком. Когда его опустили на землю, пожилая работница, до самых глаз закутанная платком, вдруг обняла его и поцеловала холодными губами. Женщина плакала и, всхлипывая, говорила:

— Теперь солдаты за нас. Родные вы мои. . .

Кто-то хлопал Артема по спине, кричал: «Спасибо! Спасибо!» Очнулся он только тогда, когда насмешливый девичий голос произнес над самым ухом:

— Да ведь он еще совсем мальчишка!

Артем обернулся. Сзади стояла девушка, и первое, что он увидел, были смеющиеся, удивительно ясные, словно налитые прозрачной голубой водой, глаза.

* * *

Толпа вынесла Артема на Литейный. Широкий Литейный проспект был виден с моста во всю его глубину. Повсюду колыхалось море людских голов, и он понял: «Началось!»

— Да, началось, — как бы отгадав его мысли, сказал Щербатов, когда взволнованный Артем вбежал к нему в комнату. — Теперь народ не остановишь.

Артем усмехнулся и посмотрел в окно. А там шумело людское море. Красные флаги, знамена распустились над ним, словно паруса. В сторону Невского шли рабочие Выборгской стороны.

Вместе с Щербатовым они вышли на проспект и пригнули к демонстрантам.

«То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы. . .» — вспомнил Артем слова из «Песни о Буревестнике».

Какими-то окольными путями на Литейный проспект проникли колонны из-за Невской и Нарвской застав. Радостное чувство владело Артемом. Он хотел одного — действовать.

На Невском колонны сворачивали влево, к Знаменской площади. Возле Аничкова моста Невский проспект был перекрыт: стоял эскадрон казаков. Похоже, что его

только что пригнали сюда: от разгоряченных лошадей шел густой, клубящийся в морозном февральском воздухе пар. Кто-то рядом с Артемом тревожно сказал: «Неужели посмеют?»

Откуда-то донеслось протяжное: «Эскадрон!» — и кони сорвались с места. Демонстранты шарахнулись к домам, открывая широкий проход.

Казак, хмурый, не глядя по сторонам, проскакал по проходу.

На Знаменской шел митинг. Ветер налетал порывами, и до Артема доносились лишь отдельные слова.

— Про что говорят? — спросил Артема усталый, с ввалившимися щеками человек, стоящий рядом.

— Кажется, про войну. Плохо слышно.

О чем другом мог говорить оратор — маленькая фигурка, поднявшаяся над толпой, как не о войне. О ней думали все. От нее шли все беды. «Нас призывают... до победного... — слышал Артем. — А мы хотим... хлеба... мира...»

Вдруг толпа дрогнула, и раздался громкий, протяжный крик:

— Полн-и-и-ци-я!

Из-за Балабинской гостиницы вырвались конные полицейские. В воздухе тускло блеснули шашки. Артем увидел, как покачнулась знамя. На какую-то секунду его полотнище закрыло полицейского. Вокруг знамени завязалась борьба. Полицейского стащили с лошади. Замелькали шашки. Вдруг в толпе раздалась возгласы, хлестнуло несколько выстрелов.

И в это время Артем увидел девушку, ту самую, которая сказала о нем: «Совсем еще мальчишка». Она тоже пробиралась вперед, к полицейским, которых стаскивали с коней демонстранты. Артем крикнул, не слыша самого себя: «Куда! Куда! Убьют!» — но девушка не обернулась. Подняв перед собой винтовку, Артем щелкнул затвором, поймал в прорезь мушки серую фигуру пристава и дернул спусковой крючок. Мимо. Он выстрелил еще раз, и фигура тяжело рухнула с лошади. Больше у него патронов не было. А сзади чей-то истошный женский голос повторял:

— Да стреляй ты... Стреляй!..

Он рванулся вперед за серым платком девушки, чтобы остановить ее, но она уже скрылась. Артем растерян-

но оглянулся. Стоявший за ним человек, по виду рабочий, ударил его по плечу и радостно крикнул:

— С нами, солдат? Молодец! Пойдем вместе фараонов бить...

* * *

С этого дня Артем считал себя настоящим революционером. Он участвовал в революционных демонстрациях, стрелял в полицейских, митинговал, выполнял поручения партийной организации. Но членом партии большевиков он еще не был. Он еще только начинал

проходить великую школу борьбы за справедливость против гнета и насилия.

Многого он еще не понимал, не всегда знал, как ответить на вопросы своих товарищей, что надо сказать на митинге. Митинги возникали стихийно, чуть ли не на каждом углу. Политических партий в февральские дни семнадцатого года обнаружилось такое множество, что разобраться было сложно. Красные банты нацепляли на себя чуть ли не все. Буржуазные газеты кричали о бескровной революции.

Во главе Временного правительства после отречения царя оказался... князь Львов. Не царь, так князь. Что из того, что и он, этот кратковременный правитель, также нацепил на себя красный бант.

Лосев, Щербатов и Лапшин привлекали Артема к революционной работе, давали ему поручения, объясняли непонятное, требовали от него, чтобы он находил время для чтения книг. Часто Артему казалось, что книги сей-

час — лишнее, что сейчас нужно действовать. Однажды он так и сказал об этом Щербатову.

— Действовать, конечно, надо, — ответил Щербатов, — спать нельзя, можно все проспять. Но ведь как ты будешь действовать, если в мозгах темно, если в них много путаницы? Ясная цель должна светить нам впереди. И надо знать, какими путями дойдешь до этой цели, какими средствами добьешься победы. Дело наше большое, общечеловеческое, его нельзя проиграть из-за невежества. Революция — это не пых-пых, пострелял и покричал «ура». Придется нам и воевать, и бороться, и строить. Для этого нужны знания. Горячности у тебя хватает, а вот знаний... знаний мало.

Времени для книг почти не было, но все же Артем прочел все рассказы Горького, какие только смог достать. Тут были: «Макар Чудра», «Мальва», «Двадцать шесть и одна», «Песня о Соколе». Но все же впечатлительное, оставленное в его памяти «Песней о Буревестнике», было ни с чем несравнимо. Эта песня жила не только в памяти Артема, она жила в его сердце, он весь слился с ней.

Все чаще и чаще заходил Артем на завод, беседовал с дядей Сашей. Лапшин привлекал его к работе в большевистской организации завода. И на вопрос Артема, скоро ли он снова будет работать на заводе, Лапшин улыбаясь отвечал:

— Подожди, парень, придет и твое время.

5. ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

В городе становилось все тревожнее. Пройти обратно на Выборгскую было нелегким делом. Въезд на мост охранялся казаками, и одному солдату с винтовкой идти по улицам было рискованно. Это Артем отлично понял, когда увидел троих офицеров — угрюмых, злых, стоящих около одного из домов. Ему казалось, что они только и ждут, чтобы схватить его, затащить во двор и расправиться.

Он свернул сначала на одну, затем на другую улицу, пока не оказался на Троицком мосту. Отсюда можно было пройти на Петроградскую сторону. Неподалеку жил

Рогожин, и уже через пять минут Артем дергал знакомую ручку звонка.

Открыла ему Надежда, ахнула и, схватив за рукав, втянула в прихожую. Торопливо помогла стащить шинель, подтолкнула его к кухне:

— Иди, иди. Голодный небось? Солдатские-то харчи впрок не пошли — зеленый стал. А мы уж вспоминали тебя, вспоминали.

Артем показал глазами на дверь, ведущую в комнаты.

— Дома?

— Дома. Сидит у него какой-то. В гимназии вместе учились. Мой руки, обедать дам.

Артем вымыл руки и, поглаживая стриженую голову, сел за большой кухонный стол. Надежда хлопотала возле плиты и продолжала рассказывать:

— Барин тебя искал, куда-то звонил. Потом вышел сюда, да грустно так и говорит: «Сгинул куда-то парень». Я тогда еще озлилась — вот, думаю, неблагодарный какой. А ты, значит, в солдаты? — Надежда тяжело вздохнула. — Такая уж, значит, судьба...

— Не судьба, — улыбнулся Артем, — надо так.

— Чего тебе надо-то? Молодой, хочешь кровушку пролить? Или лишку завелось?

Артем рассмеялся, так зло допрашивала его Надежда. Он пошутил, не зная еще, как Надежда отнесется к его шутке.

— Да вы, тетя Надя, за большевиков, значит? Они тоже против войны.

Надежда, задержав над кастрюлей уполовник, повернулась и строго поглядела на Артема.

— А если хочешь, то и за большевиков, вот как. Бывает, подумаю, что Митеньку опять на войну возьмут, так и побежала бы к самому главному. Кто у них главный-то?

— У кого?

— Ну, у большевиков?

— Ленин.

— Вот к нему... Да в ноги бы бросилась — просить, чтоб скорей война кончилась. Чего ты оскалился-то? На вот супу поешь. — И, подумав, вынула из кастрюли и положила в тарелку большой кусок мяса.

После обеда красный, разморенный Артем робко спросил:

— Тетя Надя, а нельзя ли... табачку бы мне...

— Курит! — всплеснула она руками.— Научился уже!

Артем курил редко и неумело, скорее подражая взрослым, чем из желания курить. Но сейчас ему и впрямь захотелось покурить, и он сказал как можно солиднее:

— Так ведь не маленький...

Ахая и качая головой, Надежда отправилась в комнаты.

Вместе с Надеждой в кухню вошел Рогожин и, протянув руку, улыбнулся:

— А-а, вот где ты, пропащий! Куда же ты исчез?

— Все некогда было, Дмитрий Алексеевич.

— Скажите, пожалуйста, какой занятой стал.

Он увел Артема из кухни и у двери в кабинет подтолкнул:

— Входи, входи.

Артем нерешительно вошел. У стола стоял и курил офицер. Он обернулся на стук двери.

— Прощу любить и жаловать, друг мой — Володя Зимин. Недавно прибыл с фронта. Большевик, между прочим. Вот о нем я тебе, Володя, и рассказывал.

Рогожин за плечо подвел к нему Артема. Прапорщик Зимин улыбнулся и протянул Артему руку.

— Здравствуй. Ты что, в запасном полку?

— Да.

— Вот и я к вам назначен.

Артем, поглядев на Рогожина, замялся, но, доверившись открытому взгляду Зимина, сказал:

— У нас офицеров... которых убили, а которых заперли.

— Многих убили? — нахмурился Зимин.

— Троих. Полковника, штабса и прапора. Самые звери. Что теперь будет? Я в полк попасть не могу.

— Ты был там?

— Да.

— На Знаменской полиция?

— Да. Стреляли. Ну и мы тоже.

Рогожин, нервно дернувшись, отошел к окну.

— Начинается! Опять кровь... Я больше всего боялся этого. Опять сироты, вдовы, — чудовищно! Свои своих убивают. И это — светлая революция, очищение!

— Или возмездие, — в тон ему подсказал Зимин. Но Рогожин воспринял это иначе.

— Ну да, возмездие! Кому? Царю, царице, царедворцам — и только. Поверь, мне было бы не жалко их, но боюсь всероссийского безумия. В конце концов, у меня тоже золотые погоны и дворянский титул, и даже поместье. Не пойми меня неверно: мне не жаль ни титула, ни поместья, ни погон. Мне жаль, что есть пропасть между нами и ими, через которую нам не перешагнуть. Ты скажешь, что ты перешагнул? Не обижайся, друг Володя, но ведь...

— Ты хочешь сказать, что я не дворянин, а отец у меня — инженер и только, и никаких традиций? И что я большевик?

Они продолжали, по-видимому, спор, который прервали с приходом Артема. Сейчас они словно забыли, что он здесь.

— Вот ты весь в этом, Митенька, — продолжал Зимин. — И все твои шатанья-болтанья здесь. Ах, кровь проливают! А сколько лет — да что лет — веков! — эти цари проливали народную кровь? Город-то наш на крови? На крови. Вспомни девятое января. На Дворцовой площади царь в рабочих стрелял. Помнишь? Наверное, тогда ты так не ужасался: кровь, кровь! Нет, брат, насилье — это повивальная бабка революции... Ну да хватит, мне пора.

Он поднялся и протянул Рогожину руку, потом повернулся к Артему:

— Ты в полк? Пошли вместе.

Одевая в прихожей шинель, Зимин негромко сказал Рогожину:

— Так ты все-таки подумай! Революция только начинается...

Рогожин кивнул. Надежда помогла Артему застегнуть шинель, оправляя сзади складки, перекрестила его и, встав в уголок, скорбным взглядом проводила к двери.

* * *

Незнакомому офицера в полку встретили с настороженным, недоброжелательным вниманием. За эти годы солдаты насмотрелись на офицеров. Одни сразу лезли бить морду, другие заискивали и заигрывали: «Ах, братцы!»

Но Зимин, спокойно выслушав рапорт Цветова, сказал:

— Садитесь, — и сел сам, распахнув шинель. Он никому не предлагал папирос, хотя все кругом дымили яростно едкой махоркой. Он не говорил: «О чем побеседуем, братцы?» — и не улыбался, стараясь доказать провозглашенное равенство граждан России. Он сидел, курил и внимательно оглядывал солдат.

Артем, который привел сюда Зимина, чувствовал себя неловко: мало ли что о нем самом могли подумать. Путаясь в словах, он тихо сказал Цветову:

— Этот прапорщик — большевик. Зимин ему фамилия.

Цветов не сразу понял Артема, но затем поспешно произнес:

— Как же... как же... знаю... А ты посмотрел бы у дверей. Неровен час...

Артему очень хотелось послушать, о чем будет говорить Зимин, но надо было идти. Внизу, пригравшись возле печки, дремал Сенька. Артем толкнул его, и Сенька сразу раскрыл свои зеленые глаза, потянулся, точь-в-точь как кошка, и сказал зевая:

— А и-и-и пожрать охота! У тебя ничего нет?

Выворачивая карман, Артемка вытащил кусок хлеба, разломил его и протянул половину товарищу. Семен жадно откусил и стал жевать.

— Вот спасибо! — Он подозрительно взглянул на Артема. — А ты откуда его взял? Вроде не солдатский хлеб.

— Ешь, ешь, — успокоил его Артем. — Я в доме одном был. Ну, у Рогожина.

— Это офицерик твой?

* * *

Вскоре в жизни Артема произошло чрезвычайное событие — его вызвали в дежурку к телефону. Взволнованный, прибежал он туда. До сих пор ему самому не приходилось разговаривать по телефону. А тут вдруг слова: «Клевцов, к телефону!» Кто же его может вызывать, кому он нужен?

— Ты чего мешкаешь? — набросился на него дежурный, — тебя из Комитета требуют. Поторапливайся!

— Какой Комитет? — удивился Артем.

— Какой? — уж совсем озлился дежурный. — Объясняй тут! Сказано, позвать Клевцова — и все! Точка!

Клевцов подошел к телефону, робко взял трубку, услышал короткое:

— Клевцов?

— Так точно!

— Артем Клевцов?

— Так точно!

— Явиться немедленно в Петроградский комитет. Не знаешь где? На Петроградской стороне...

Адрес ему растолковали, и Артем отправился. За ним увязался и Сенька. Вместе они вышли за ворота, вместе свернули на набережную, занесенную снегом. К заводу шла смена, и Артем невольно вглядывался в серые, угрюмые лица рабочих.

— А чего им радоваться-то, — сказал Сенька, отвечая Артему на невysказанный вопрос. — Царя сбросили, а хозяева все те же. И у них, и у нас. Все как было. Слышал — нас вроде на фронт собираются послать. А войне конца краю нет.

Артем остановился. Попасть сейчас на фронт, в окопы, казалось ему диким и нелепым. Он ничего не слышал о том, что полк собираются направить на фронт, и стал расспрашивать Сеньку о подробностях: где и как тот узнал, верное ли это дело или только слухи?

— Слышал, — сказал Сенька. — От писаря слышал. А он все знает... Погонят — и пойдем! Куда денешься?

Артем чертыхнулся, махнул рукой.

— Это еще посмотрим, — сказал он. — Не все осталось старому. Есть Советы. Есть Петроградский комитет, Вот придем, на-

до будет рассказать там. Только верное ли это дело? — опять усомнился Артем. — Скажешь, и попадешь впросак. Нехорошо будет. . .

— Верное, говорю тебе, — твердо сказал Сенька.

Перейдя Гренадерский мост, они спросили у встречного чиновника, как пройти в Петроградский комитет. Тот передернул плечами.

— В большевики записываться идете? Ищите сами.

— Вот гад, — сказал Сенька. — Из буржуйчиков, видать.

Искать долго не пришлось. В вестибюле дворца балерины Кшесинской швейцар в ливрее с пышной бородой равнодушно оглядел их бесцветными глазами и отвернулся.

— Тоже гнида, — сказал Сенька. — Не любит! Смотри, не любит! Холуй! Заменить, наверное, забыли.

Артем и Сеня поднялись на второй этаж. Там они увидели Лосева, который разговаривал с худошавым человеком в пенсне. Человек этот что-то горячо и требовательно говорил Лосеву, тот только кивал головой.

— А это кто? — спросил человек в пенсне, окинув Артема и Сеню внимательным взглядом. — Откуда?

Лосев объяснил.

— Полк вроде на фронт собираются отправить, — сказал Сеня.

Человек в пенсне — это был Антонов-Овсеенко — нахмурился. Очевидно, эту новость он слышал не впервые и она его отнюдь не радовала.

— Плохо, очень плохо, — сказал он, — не успели мы... Зимин туда только пришел. За три дня много ли можно сделать? Ладно, пойдем, — сказал он Сене и повел его куда-то. Артем остался с Лосевым.

— Есть для тебя новость, — сказал Лосев и улыбнулся. — Хорошие новости.

Лосев и Артем шли по небольшому коридору, мимо фигур из сандалового дерева. Стены и потолок были отделаны резным дубом.

— Смотри, какие мастера все это сработали, — сказал Лосев. — Ведь красиво, замечательно. . .

Артем думал о том, какие же «новости» ему подготовил Лосев.

Вошли в большую, наполненную людьми комнату. Все здесь было в движении. Кто-то вносил тючки с лите-

ратурой, пачки с листовками, газеты. Другие все это раздавали людям, которые, нагрузившись литературой, спрятав листовки, сразу же исчезали. Много было вооруженных солдат, матросов, вооружены были, как правило, и рабочие.

Подойдя к одному из небольших столиков, возле которого шла раздача литературы, Лосев показал Артему

на рослого человека в сером толстом свитере и валенках.

— Ну что, узнаешь? — спросил он у Артема.

— Что-то дрогнуло в Артеме. «Кто это? Не может того быть. Неужели отец?»

Но вот этот большерукий сильный человек повернул к ним голову, посмотрел сперва на Лосева, затем на Артема и спросил:

— Он?

— Он, — ответил Лосев и улыбнулся.

— Так вырос! — воскликнул Клевцов-старший. — Толково! А ну, товарищи, дайте с сыном поздороваться, — сказал он столпившимся вокруг стола. — Давненько мы с ним не виделись, давненько... Проживал я в местах не столь уж близких.

Все рассмеялись. Клевцов-отец протянул руку Артему, притянул к себе, похлопал по спине.

— Ну ладно, дело такое, что заниматься нежностями некогда. Ты где? В солдатах? Это ваш полк собираются погнать на фронт? Ну, значит, ребята там стоящие; если их хотят убрать из революционного Питера, — значит, там настроение правильное. А не подбросить ли им литературы? — спросил он у Лосева.

— Конечно, подбросить.

— Вот Артем и снесет.

Посмотрев на часы, старший Клевцов заторопился.

— Займись тут, — сказал он Лосеву, — а мне надо идти. Сам знаешь куда... Получай литературу, Артем, и в полк, к Зимину, он скажет, что надо делать. Увидимся с тобой, поговорим. Не горюй, — добавил отец, увидев, что Артем огорчен очень скорым расставанием. — Ну, вот освобожусь — и поговорим вдоволь. Давай руку!

Дела, действительно, было по горло. И отец и сын занимались одним и тем же делом. Все время они чувствовали друг друга рядом, совсем близко — ближе невозможно.

6. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ

Артем и Сеня выполняли самые разнообразные поручения большевистской организации. Артем редко виделся с отцом, занятым большой работой в военной органи-

защиты партии, в так называемой «военке». Не часто он виделся и с Лосевым и Зиминим, но задания получал почти ежедневно. Он уже знал дорогу в Петроградский комитет, его уже знали: был старый Клевцов, сейчас появился еще и молодой Клевцов. «Это можно поручить молодому Клевцову», — говорили о нем в Комитете.

Так вышло, что Артему поручили, невзирая на его молодость, ответственнойшее дело. Казалось, все, что происходило с ним до этого — работа на заводе, затем возвращение в полк, — было только проверкой сил, дисциплинированности, готовности.

Питерские большевики знали, что предстоят еще большие революционные бои, и готовились к ним. Временному правительству не доверяли, — оно все более и более явно становилось на сторону контрреволюции. Царя сбросили, надо было сбросить власть буржуазии, надо было установить власть рабочего класса. Для того чтобы победить в приближающихся революционных боях, нужно было ковать железную гвардию рабочего класса, вооружить ее, научить военному делу.

— В полку справятся и без тебя, — сказал Лосев Артему. — Придется тебе снова уходить из полка.

— А как я уйду, ведь я солдат, сочтут дезертиром. Да и долго ли я был в полку?

— Если нужно для дела, пусть тебя считают кем угодно. Долго ли ты был в полку? Ровно столько, сколько было надо для партии, революции. Понятно? А сейчас партия нашла для тебя более важное дело. И так будет всегда: куда только понадобится, туда тебя и пошлют, так что не очень-то распаковывай чемоданы. Много у тебя чемоданов?

Артем рассмеялся.

— Нет у меня чемоданов. Ни одного...

— Вот как? Хорошо! А мебели у тебя много?

— Нет у меня мебели!..

— Еще лучше. А есть заводы, фабрики, поместья, с которыми было бы жаль расстаться? — шутил Лосев.

— И этого нет.

— Вот и прелестно. А дезертиром тебя не сочтут. Все будет честь по чести. Пройдешь медицинскую комиссию, и тебя освободят. По чистой! Больной ты, слабый человек. Да и молод, по недоразумению попал в воинскую часть.

— Нет, не больной я...

— Кому лучше знать? И я, и батька твой, Клевцов-старший, — с ним все согласовано, и он вполне одобряет — считаем, что ты больной. А раз ты больной, то в полку тебе не место, а место тебе...

Артем насторожился. Очень ему хотелось знать, где же ему место... А Лосев нарочно выдержал изрядную паузу, а затем только сказал:

— А место тебе в Красной гвардии. Будешь помогать обучать рабочих тому, чему сам научился в армии: обращению с оружием, стрельбе и... наступлению. Наступать мы, Артем, скоро будем. Наступать!

Отец действительно был в курсе дела и, когда Артем сказал, что с казармой покончено, шутливо ответил:

— Кто его знает? С этой покончено совсем, но, надеюсь, ты солдатскую службу хорошо знаешь? Ты у нас теперь вроде педагога будешь.

— Все «вроде» да «вроде», — обиделся вдруг Артем. — Лосев говорит: «Вроде офицера», ты: «Вроде педагога»...

— Ладно, не сердись, — улыбнулся отец.

* * *

Итак, Артему поручили новую работу.

Хмурым мартовским утром подошел он к знакомым воротам, предъявил пропуск охраннику и прошел на заводской двор. На минуту защемило сердце, — все ожило в памяти: и первые уроки старика Лапшина, и Шишкастый, и шпик.

Артем вошел в свой цех. Какой-то сейчас Лапшин? Ведь как хитро вел себя старик — никогда бы не подумал, что именно он — один из руководителей заводских большевиков.

Лапшина он увидел издали: тот устанавливал на станке деталь. Когда Артем подошел, старый мастер взглянул на него поверх очков. Лапшин ничуть не изменился — это Артем увидел сразу.

— Здравствуйте, дядя Саша!

— Э, племянничек? Давненько не виделись. Ну, становись и включай станок.

— Я к вам... — опешил Артем.

— На именины звать или как? — хмыкнул старик. — Пускай, пускай станок, я говорю.

Ничего не понимая, Артем пустил станок и встал рядом с Лапшиным. Фреза дотронулась до металла, и тот стал осыпаться мелкой переливающейся стружкой.

Когда деталь была готова, Артем сам снял ее. Лапшин сказал одобрительно:

— Ничего. Помнишь, чему учил тебя. Молодец. Ну, так когда же именины?

Он смотрел теперь на Артема с лукавой улыбкой, и в глазах его бегали хитроватые огоньки.

Артем обиженно молчал. Коротко рассмеявшись, Лапшин закашлялся, прижимая руку к груди:

— О-ох, не могу! Племянничек-именинничек... Ну, поработай пока у станка, а я отдохну малость. Так как насчет дела — все знаешь?

Лапшин закурил и с наслаждением затянулся едкой махоркой.

— Одним словом, времени у тебя в обрез, — сказал он. — Учиться строю будете ходить на Охту, а то и за Пороховые — знаешь, на пустыри, там и стрелять можно. Далековато, но в городе негде. Винтовки все хранятся в «шанхае». Знаешь, где «шанхай»?

Артем знал «шанхай» — так на Металлическом заводе звали угольные бункера, где зимой и летом спали прямо на кусках угля рабочие-китайцы.

— Сходи туда, посмотри.

«Шанхай» охраняли два красногвардейца. Один из них был китаец в промасленной, разорванной одежде, через дыры которой при каждом движении проглядывало голое, черное от угольной пыли тело. Только красная повязка на рукаве китаец была свежей, яркой, как весенний цветок, неожиданно расцветший на грязной от дождей земле.

Артем изучающим взглядом посмотрел на китайца-красногвардейца. Рабочий, заметив, спросил:

— Дружка встретил, что ли? Проходи, товарищ.

Артем ответил глухим голосом:

— Я буду военному делу обучать... Клевцов моя фамилия. Кто распорядился поставить его в такой одежде на пост?

Китаец широко улыбнулся.

— Моя сам ходи, сам плоси. Моя не плохо.

— Не плохо? — задохнулся Артем. Не жалость, а другое чувство владело им сейчас. Не заглянув в бункер, где хранилось оружие, он повернулся и пошел обратно в цех. Лапшин встретил его удивленный.

— Уже сбегал? Вот молодец.

— Сколько китайцев в отряде? — спросил Артем.

Лапшин внимательно поглядел на него поверх очков.

— Шесть человек.

— А вы видели, как они одеты? — спросил Артем. — И кто распорядился их ставить в тряпье на пост? Это же люди!

Лапшин выключил станок, ни слова не сказав, пошел к выходу. Артем остался в цехе, сел на ящик и зябко перередернул плечами. Он решил ждать Лапшина.

Старик скоро вернулся. Он медленно остановился возле Артема и, не глядя на него, сказал, словно продолжая прерванный разговор:

— Да, брат, они люди... Дай бог, какие люди! А я, между прочим, недоглядел, в первую очередь я... Вот так-то!

Он стоял возле остановленного станка, пальцы его трогали холодную поверхность металла, и Лапшин, казалось, разговаривал теперь со своим станком:

— Оденем. Оденем людей. Свое отдадим. А тебе, брат, тоже спасибо за науку. Не видел я, стороной проходил. Ах ты, черт, как это нехорошо. Стоит, улыбается, а на улице мороз. Камень, а не человек. Ли звать его. Ах ты, как нехорошо.

Наутро человек двадцать пришли на завод со свертками. Охрана заставила их развернуть пакеты. Там были старые ушанки, варежки, шарфы, брюки, валенки с подбитыми пятками, даже прохудившийся пиджак... Лапшин принес пахнувшее нафталином касторовое пальто и, не заходя в цех, свернул к «шанхаю».

7. ОТЕЦ И СЫН

На заводе всем, кому мог, Артем рассказывал о своей встрече с отцом, и все относились к этому известию радостно.

Он рассказал о своем отце и Сеньке. Тот покраснел, отвернулся и пробормотал:

— Вот здорово!

— Ты приходи, — ласково сказал Артем. — Я батьке про тебя рассказывал. И как сначала подрались, и как потом подружились... Придешь сегодня?..

Сенька мотнул головой:

— Не могу. Занят я. Делов — вот столько, — и провел ладонью по горлу.

Артем не мог понять, что происходит с другом; самому ему было не разобраться, и он спросил об этом отца.

Клевцов сделался мрачным и, положив Артему на плечо тяжелую руку, объяснил:

— А не кажется ли тебе... Сенька ведь сирота, не так ли?

— Так.

— Может быть, он просто немного завидует тебе, а? Может, ты был, ну, чересчур радостен, что ли, и ему стало на минуту больно, что вот у Артема вернулся отец, а к нему уже никто никогда не вернется. Может так быть?

Артем был не согласен.

— Так, значит, и дружить нельзя? Если б у Сеньки кто-нибудь нашелся, мать или отец, я бы только радовался за него. Завидовать счастьем товарища, как хочешь, а это нехорошо. Да, нехорошо!

Но отец, все еще мрачный, покачал головой:

— Ишь ты, какой острый! «Нехорошо! Нехорошо!» Прямолинейно судишь о людях, Артюша. Человек — явление сложное, чувство у него тоже сложное, и жизнь у всех нас была не малина. А ты с ходу: «Нехорошо!» Нельзя так! Ты попрощался с Сеней?

— Нет. А зачем?

— Его уже, наверно, нет в Питере. Сегодня он уехал на фронт, будет распространять нашу газету.

Артем был потрясен. Сенька, рыжий Сенька, лучший друг — и ничего не сказал ему, что уезжает на фронт! Это было, как ему казалось, изменой дружбе.

— Вот тебе письмо от него, — отец протянул свернутый листок.

Письмо было написано наспех корявым Сенькиным почерком:

«Эй, долговязый. Меня посылают в окопы по делам, так что не горюй, брат, все в порядке. Батьке твоему кланяйся, а еще знай, что я был и буду твой верный друг.

Сенька».

Скомкав письмо, Артем разволновался. Отец прятал его к себе.

— Ты что, сынок? Ну, чего ты! Ведь по делу твоего друга послали, по нашему большевистскому делу. Так надо...

Слово «надо» давно уже для Артема было магическим. Он обнял отца.

— Держись, Артемка! — продолжал отец. — Твой Сенька делает большое, важное дело на фронте, а ты здесь...

* * *

С утра до вечера Артем был теперь за городом в небольшой роще, начинающейся сразу за Пороховыми. Домой он возвращался иззябший, голодный и усталый, наспех съедал, что оказывалось дома, и, ложась на старый диван, уже не чувствовал, что пружины больно впиются в тело.

Отец приходил позже. Он проводил по Артемкиным волосам большой жесткой рукой, грустно улыбался и, тоже без сил, валился на скрипучую кровать, накрывшись стареньким одеялом.

Наутро оба вставали разбитые, с синеватыми тенями под глазами. Артем не жаловался, не говорил, что он устал, — отец видел и сам, но тоже молчал. Ему нравилось это злое упорство сына.

После истории с китайскими рабочими к обычной полушутливой манере разговора с сыном у Клевцова-старшего прибавились другие нотки. Он будто смотрел теперь на сына со стороны удивленными и одновременно радостными глазами, как бы говоря: «Вот, значит, каким ты стал, сын мой, светлая душа». Артем не замечал этих взглядов, не отгадывал мыслей отца — он про-

сто улыбался, когда видел отца, и улыбка была счастливой.

Сегодня отец пришел домой раньше обычного. Глаза у него были печальные. Раздевшись, он вначале прошел к окну и, задумавшись, долго смотрел на улицу. Потом он медленно прошел к столу, сел и кивнул Артему на стул.

— Садись...

Предчувствуя что-то необычное, Артем сел на краешек стула, готовый вскочить в любую минуту.

Отец взял сына за подбородок и взглянул в глаза:

— Сенька погиб. Вот какие, брат, дела, — сказал он тихо.

Артем сразу помрачнел и не в силах был сказать что-либо, а только выдохнул:

— Как... погиб?

— На фронте. Разносил «Правду». Нашелся мерзавец офицер. Ну и... на месте из нагана. Одним солдатом у революции стало меньше, Артем. Вот дела-то какие.

Это известие потрясло Артема. Он не верил, что друга больше нет; ему казалось, что он где-то здесь, рядом, и что он сверкнет на него своими зелеными глазами и спросит, как бывало: «А пожрать у тебя не найдется?»

— Сенька! — почти шепотом позвал Артем. — Семен! — Но никого не было. Он один стоял в нетопленной комнате. Он не заметил даже, когда вышел отец.

Ночью к Клевцовым пришел гость. Артем проснулся когда отец потряс его за плечо:

— Вставай, сын, пора.

Артем открыл глаза и увидел гостя. Тот сидел за столом, потирал жесткий, заросший подбородок и с любопытством смотрел на Артема.

— Ну, здравствуй! Вот ты какой длинный, оказывается. А батька о тебе, как о малом ребенке, рассказывал. Давай знакомиться, — зовут меня Павлин Федорович.

— Как, как? — Артем широко раскрыл глаза.

Гость улыбнулся и повторил:

— Павлин Федорович Виноградов ясно?

— Да, уж дали тебе родители имечко! — хмыкнул Клевцов и объяснил Артему: — мы с Павлином вместе в Шлиссельбургской крепости сидели, а сейчас он из самого Александровского централа пожаловал. У него,

брат, большое дело... Великое дело... Ленина будем встречать.

— Ленина! — радостно проговорил Артемка и быстро стал одеваться.

Виноградов вдруг улыбнулся теплой, мягкой улыбкой. И по тому, как улыбнулся Виноградов, Артем понял, насколько дорог ему этот человек — друг его отца.

— Да, русская буржуазия с Лениным хочет поступить так же, как ее предшественница в эпоху Парижской коммуны, — сказал Виноградов. — Ты, наверно, Саша, помнишь, что на требование парижских коммунаров обменять известного революционера Бланки на многих попов и архиепископов, застрявших в Париже, версальские палачи коммуны ответили: «Отдать Бланки коммунарам — значит послать им целую армию».

— Да, помню, — ответил старший Клевцов. — Боятся они Ленина.

Виноградов посмотрел на часы и заспешил; уже на пороге он обернулся, махнул рукой и шутливо сказал:

— Ну, давай поспорим, кто первый меньшевиков из Совета вышибет, — я или ты? Все еще до меня не дошло, как они туда забралась?

— А вот пока мы с тобой по тюрьмам да на каторге сидели, они и пролезли. Впрочем, хочешь на интерес, давай. Артюшка, разнимай. Я с тебя, брат, такое потребу!

* * *

В конце июня стояла жаркая погода. Петроград жил тревожной и напряженной жизнью.

Отец теперь приходил домой на три — четыре часа и спал тревожно, то и дело поднимаясь с кровати. Артем чувствовал, что в жизнь отца вошло что-то новое, большое, важное. Он не спрашивал, где тот бывает, что делает, с кем встречается. Уходя, отец только подмигивал Артему: мол, дела, брат, идут, и Артем отвечал ему понимающей улыбкой.

Несколько месяцев он уже не видел Лосева. Старик Лапшин, которого Артем как-то спросил, куда пропал Лосев, только покачал головой. Это, должно быть, означало: «Задаешь ненужные вопросы», — и Артем, смутившись, пробормотал:

— Но ведь я...

Лапшин начал кашлять или делал вид, что кашляет.

8. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В течение нескольких дней на заводах и в казармах Петрограда большевики уговаривали рабочих и солдат не выходить на демонстрацию. Они считали, что сейчас выступать против Временного правительства рано. Обстановка еще не благоприятствовала такому выступлению, — не во всех еще воинских частях солдаты полностью избавились от пагубного влияния меньшевиков и эсеров. Но велик был гнев питерских рабочих. Третьего июля они вышли на улицу. Демонстрация началась стихийно. В рядах демонстрантов не видно было вооруженных людей, хотя в ногу с рабочими шагали матросы и солдаты.

Большевики шли вместе с рабочими, стремились внести организованность в демонстрацию.

Рабочие несли плакаты: «Долой войну», «Вся власть советам», «Долой министров-капиталистов». Кроме этих плакатов и возгласов, все было мирно и спокойно.

Разве думали революционные рабочие Питера, что вожди меньшевиков и эсеров, в сговоре с командующим Петроградским военным округом генералом Половцевым, решатся на расстрел мирной демонстрации!

На пересечении Невского проспекта и Садовой улицы с чердаков и верхних этажей домов раздались винтовочные залпы и зататакал пулемет. Люди бросились врассыпную в прилегающие улицы и переулки.

Артем, вместе с рабочими своего завода, также оказался участником демонстрации.

После первых выстрелов, подчиняясь инстинкту самосохранения, Артем повалился на мостовую. Он лежал надалеко от тяжело раненного знаменосца из их колонны. Знаменосец — рабочий в окровавленной рубашке, — преодолевая боль, хриплым голосом ругал «всех временных», «всех буржуйских прихвостней», «всю меньшевистскую и эсеровскую падаль». Собрав последние силы, раненый знаменосец встал на колени и высоко над головой поднял древко с алым знаменем. В это время снова раздались выстрелы, и знаменосец замятво свалился на мостовую.

Артем, прижимаясь плотнее к торцовой мостовой,

подполз к убитому, взял у него из руки знамя и пополз к Гостиному двору. Пули жужжали точно шмели. Пронзительно, хватая своим криком за душу, вопила какая-то женщина.

Невский проспект, только что напоминавший реку в половодье, сразу обмелел, и лишь резкими пятнами на нем обозначались убитые и раненые.

Артем, не выпуская из рук знамени, дополз до арки галереи Гостиного двора. И вдруг он почувствовал, что кто-то тянет его за шиворот.

— Дура! Семь чертей тебе в печень! Убьют ведь.

Матрос в бескозырке и в широченных брюках клеш быстро втянул его под укрытие каменной колоннады.

— Становись сюда, — приказал матрос и погрозил кулаком в сторону выстрелов. Обращаясь к Артему, он укоризненно проговорил:

— Воевать тоже уметь надо. А ты вот свою корму под пули подставляешь, а она у тебя не бронированная! Пуля, она дура, она не разбирает. А с кулаками против пулеметов тоже не попрешь. Они, эти «временные», на провокацию хотят нас взять. Хотят кровь пустить и революцию нашу в этой крови потопить. Но не дождутся. — И матрос снова погрозил своим увесистым кулаком.

— Понимаю, — сказал Артем. — Но пока-то мы свои кулаки грызем. . .

— Не то ты, гегемон, говоришь. Зря приуныл. Раз ты рабочий — гегемон революции, то должен при всех случаях нос кверху держать и верить должен, что наша революция скоро победит.

За каменной колоннадой матрос был красноречив. Он был не прочь и дальше поговорить с понравившимся ему рабочим парнем, который, невзирая на смертельную опасность, спас знамя своего завода. Артем слушал матроса и улыбался. Ему тоже по душе пришелся этот матрос, уверенный в своих силах, уверенный в победе революции.

Но нельзя же бесконечно стоять под прикрытием. Матрос и Артем понимали это и, не сговариваясь, обошли кругом Гостиный двор, вышли к зданию Городской думы и, пригибаясь при каждом звуке выстрела, быстро перебежали Невский проспект.

— Не кланяйся, не кланяйся! — кричал на Артема матрос, а сам, приседая, а кое-где и ползком, пересекал проспект. И, как бы в оправдание своего поведения, проговорил:

— Будем сохранять себя для нашей революции или, как сказал товарищ Ленин: «Для социалистической революции». Это я к тому тебе говорю, что ты, наверно, подумал: «Вот, мол, боевой с виду матрос, а отступает, мостовую брюхом вытирает».

— Ничего, это мне понятно, — ответил Артем. — Для них, гадов, сегодняшней день — что для Николашки девятое января. Не простим мы им этого. Они своей шкурой за это ответят.

— Ишь ты... И в самом деле гегемон, — с ноткой восхищения в голосе сказал матрос. — Если так, то отдаю себя в твоё распоряжение. Давай знакомиться, браток. Иван Постойко, матрос первой статьи с крейсера «Аврора».

— Как? — удивленно спросил Артем.

— Фамилия у меня такая: По-стой-ко. Понял? Ну, а тебя как кличут?

— Артем Клевцов, с Металлического завода, — с гордостью проговорил Артем.

Матрос крепко пожал протянутую Артемом руку.

— Слышь, гегемон, передай своим заводским большевикам, что хватит баланду травить. Хватит мирных демонстраций. Матрос первой статьи Иван Постойко голосует за винтовку. Понял?

Матрос вразвалку, подметая клешем пыль, пошел через Марсово поле. Артему не хотелось, чтобы это знакомство так быстро оборвалось, и он громко крикнул матросу:

— Эй, первая статья... Может, встретимся?..

— Это можно, — остановился матрос. — Куда прийти-то?

— На Выборгскую, на Металлический завод...

— Заметано, — ответил матрос.

Артем шел и думал. Что же с ним произошло? Ему показалось, что за сегодняшний день он стал намного старше.

«Нет, хватит быть сбоку припека», — подумал Артем. — Хватит... Пора вступать в партию. Буду говорить с отцом».

Третий день отец не приходил домой. Лапшин и Щербатов тоже не появлялись на заводе. После работы Артем медленно шел по набережной. На плоту он увидел сидящего с удочкой Лапшина. Артем пошел на плот и остановился рядом с Лапшиным.

— Садись, — предложил старик. — У меня с собой вон что прихвачено.

Он вынул из кармана аккуратно завернутый в бумагу узелок. В нем оказалась суровая нитка со свинцовым грузилом и крючками. Лапшин насадил несколько червей на крючок, размотал нитку, раскрутил грузило — и донка, взлетев, со свистом упала метрах в двадцати. Вздохнув, Лапшин намотал конец нитки на палец, близоруку вглядываясь в воду.

Артем неожиданно рассмеялся. Лапшин, покосившись на него, спросил:

— Ты чего?

— Да так просто. Больно у всех рыбаков вид важный.

— Старуха у меня совсем плоха, — тихо сказал Лапшин. — Денег не хватает, на рынке цены — сам знаешь, и продавать больше нечего. А тут за час на уху сварганю.

Рыбаки, дежурившие над удочками, всегда казались Артему бездельниками, и только. Госкливые слова Лапшина, который словно оправдывался в чем-то, заставили Артема жестоко выругать себя. Лапшин, подергав нитку, сказал:

— А к тому ж и поговорить с тобой можем. Ты, я слышал, в партию хочешь? А?

— Да, — ответил Артем.

— Батка твой прав. Рановато, брат. Вот я к тебе все приглядываюсь — вроде бы свой парень. Ну, совсем свой. И грамотный, станок нутром чувствуешь, а без этого нутра рабочего человека нет. — Он помолчал, подергал леску — не клюнуло ли? — Вот был у тебя дружок Сенька. Думаешь, не знал я его? Знал. Огонь парень был и сгорел, как огонь. А ты больно угрюмый. К чему я это все говорю, спросишь? Да к тому, что ты где-то еще около дела ходишь. Не замечаю я

в тебе большого огня. Словно все присматриваешься к жизни.

— А разве это плохо — присматриваться?

— Нет, ты гляди, внимательно гляди, только не со стороны.

Артем вспыхнул:

— Так вы думаете, я со стороны гляжу? Ну пусть я сделал мало, а все равно... — Он встал и, отряхнув брюки, горячо сказал Лапшину: — А все равно, какой есть, такой и есть. Надо будет, что угодно сделаю, не побоюсь... — Поняв, что погорячился, добавил со скрытой обидой: — А вы мне не доверяете. Что я не вижу, что ли? Спросил тогда, где товарищ Лосев, и то не ответили.

— Да убили его... на Невском.

Чем-то сстрым, точно иголкой, кольнуло в сердце Артема.

— Как убили? — спросил он.

— А вот так, как и многих. Для революции, Артем, и жизни жалеть нельзя. Ты это знаешь?

— Знаю, — буркнул Артем.

— Ну, раз знаешь, то держи! — Лапшин начал быстро выбирать шнур, и у его ног затрепыхался глазастый окунь. Лапшин, снимая его с крючка, приговаривал: — Вот так, голубчик, давай-ка сюда, давай.

Пошел клев. Замелькали в воздухе окуньки. И будто только окуньками заполнилось все время Лапшина. Но это было не так. Свернув вдруг всю свою снасть, забрав донку у Артема — у того почему-то совершенно не клевало, — Лапшин сказал:

— Пойми ты, что революция — это, брат, такое дело, что забирает человека полностью. Раз надо, — значит, все! Делай!.. Поезжай!.. Иди на схватку с врагом!.. Ты и так не больно веселый парень, а жить надо веселей, бодро, смело. Лосев жизнь за дело революции отдал. Значит, так надо. Понятно?.. А ты-то готов все сделать, что тебе прикажет партия?

— Готов!

— Вот и ладно!.. Ты еще не в партии, а уже нашей партийной дисциплине подчиняешься; значит, правильно, значит, можно тебе верить. Значит, и в партию тебе можно скоро.

9. НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА

... Отец вернулся домой ночью и, тревожно схватив Артема за плечи, коротко спросил:

— Цел?

— Цел.

Отпустив его, Клевцов постоял посреди комнаты, осматривая нехитрое имущество, и вдруг, поморщившись как бы от боли, сказал Артему:

— Уходить, брат, надо. Опять с тобой врозь жить будем.

— Почему? — удивился Артем, не поняв, зачем и куда нужно уходить отцу.

Отец ответил не сразу. Казалось, он подыскивал самые убедительные слова.

— Понимаешь, какое дело, Артемка... Короче говоря, опять нашего брата по тюрьмам сажать стали. Да вот почитай. — Он вытащил из кармана небрежно свернутую газету, в глаза бросился широкий заголовок: «Живое слово». — Вот, — отчеркнул Клевцов ногтем. — Смотри, что пишут, сволочи. Будто Ленин германский шпион, а?

Артем, повернувшись к свету, читал, а отец, расхаживая по комнате, говорил чуть заикаясь:

— Нашли свидетеля! Ермоленко. Ну-ка, почитай, что он там показал?

Артем нашел нужное место и прочитал вслух:

— «...Офицеры германского генерального штаба Шиллицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба... Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству».

— Гады! — с силой сказал Клевцов. — В-вот гады! Погромщики, с-сукины дети. Ну, Владимир Ильич на площади ответил им всем. И мы еще, брат, ответим. Подожди, придет срок!

Он сдернул с кровати старенькое одеяло, закатал его и сунул в фанерный чемоданчик, где хранились книги. Это было все его имущество, не считая драпового пальто с потертым плюшевым воротником.

— Ну, пойду! Видеться будем на заводе. А ты,

если спросят. говори: «Знать не знаю, ведать не ведаю». Ну?

Артем, не прощаясь, мотнул головой; это должно было означать: «Подожди». Отец глядел на него нетерпеливо и вместе с тем выжидающе.

— Вот что, — тихо сказал Артем. — Ты мне скажи: куда мне пойти? Старик Лапшин ругал меня, говорит, огонька у меня еще мало... Это он обо мне, что во мне мало огонька. А почему у тебя много огонька? Почему у Сеньки было много огонька? Где же мой огонек?

Клевцов изумленно поднял брови. Артем был неразговорчив, и таких горячих слов отец, пожалуй, от него и не слышал ни разу.

— Ух ты, какой злой! А вот это и есть огонек, между прочим. — Он сразу посерьезнел: — Будет, будет для тебя дело, Артемка. Щербатов в Петроградском комитете, а он уж тебя не упустит, не бойся...

Неожиданно отец сел и притянул к себе сына. Он смотрел ему в лицо, и Артем видел его добрые глаза, — всегда спокойные, они вдруг стали печальными и тревожными.

— Вот какая она, жизнь. Думал, буду сына растить, учить, ну... баловать, если хочешь... А все некогда. И сам еще под опасность тебя толкаю. А иначе не могу. Понимаешь, сынок, не могу!

Он сказал это с какой-то особенной силой и, поднявшись, опять посмотрел в лицо Артема, на этот раз строго, пожалуй, даже испытующе.

— Я рад, что ты с нами... с большевиками. Понимаешь это? Как я боялся за тебя, когда в тюрьме был. Просил товарищей вывести тебя на дорогу. Вот ты в партию большевиков вступишь хочешь...

— Хочу, — ответил Артем. — А ты думаешь, меня... в партию примут? — Он посмотрел на отца, нетерпеливо дожидаясь ответа.

— В партию? Маловато ты еще, сынок, для нашего дела сделал. Ты на меня не обижайся, я с тобой всегда прямо говорил: не дорос ты еще до партии. Да и подучиться тебе надо. Маркса, Ленина почитать. Как ты сам об этом думаешь? Вот эти две книжки прочти. — Отец достал две книжки и положил на стол.

Артем подошел к столу и прочитал вслух названия книг:

— Ленин. «Что делать?». Каутский. «Экономическое учение Карла Маркса». А почему Каутский? — спросил он у отца. — Ведь он регенат...

— Ишь ты, какие слова знаешь! — удивленно и вместе с тем удовлетворенно заметил отец. — Между прочим, тогда Каутский еще не был регенатом.

— А ты все думаешь, что я маленький и темный, как бутылка, — с обидой сказал Артем.

— Кто же книги тебе давал читать?

— Еще в Вологде — Дубец, а здесь — дядя Лапшин и Щербатов.

— Ну, а эти книжки ты читал?

— Эти... нет, — замялся Артем.

— Тогда прочти...

— В какой срок?

— Читай не спеша и так, чтобы понять. Прочтешь — скажешь. О непонятном побеседуем. В партию идти, надо марксистскую науку не только на практике, но и в теории знать. Читай, делай выписки, вот так, как у меня. — И отец дал Артему свою тетрадь в клеенчатом переплете.

Разговор был окончен. Артем чувствовал, что отец прав. Отец хлопнул его по широкой, сильной спине, сказав насмешливо:

— Не робей, сынок, все впереди!

Отец протянул ему руку и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Артем глядел на дверь, слушал, как отец идет по длинному коридору, и вдруг ясно понял: хватит! Хватит быть где-то сбоку припека. Он не мальчишка! И поэтому, наверно, отец пожал ему руку — пожал, как равному.

10. ЗА ОРУЖИЕМ

Артем и с ним группа рабочих-красногвардейцев Металлического завода были командированы на Сестротский оружейный завод за винтовками для отряда Красной гвардии.

На перроне к ним подошел китаец. Это был известный среди рабочих угольщик Ли. Он что-то говорил, путая русские и китайские слова. Кто-то из рабочих сказал:

— Ребята, так он ведь с нами ехать хочет!

Ли быстро-быстро закивал головой: мол, правильно, наконец-то поняли, и Артем хлопнул его по плечу.

— Ладно, браток. Хочешь вместе ходить, давай вместе...

В кармане у Артема лежало аккуратно сложенное удостоверение. «Дано сие от Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов товарищам Клевцову, Пудову, Зарубину, Сергееву, Ломовицкому и Гришину с завода Металлической компании в том, что названные товарищи командированы в качестве делегатов в Сестрорецк для получения огнестрельного оружия (винтовок), что и удостоверяем подписью и приложением печати».

Артему нравилось, что его имя стояло первым; очень торжественно звучали слова «огнестрельное оружие», и то, что все они именовались делегатами, имело свой, особый смысл.

Паровичок протащил их мимо «чухонских» дач. Справа был Разлив, и один из рабочих мечтательно вспомнил, как он ловил в этих местах рыбу. По его словам выходило, что щука здесь кидается на приманку как бешеная, лещ стоит в очереди за любым мало-мальски съедобным червяком, а о плотве и прочей мелюзге не приходится и говорить: озеро так и кишит ею. Артем усмехнулся:

— Ну, давай на обратном пути свернем, половим.

— Что ты! — испугался рабочий. — У нас винтовок будет несколько сот. Вот в другой раз можно и половить.

Ли, не понимавший ни слова из этого разговора, только улыбался, разглядывая никогда раньше не виданные места. Потом он перестал улыбаться, лицо у него сразу сделалось каким-то жестким и непроницаемым, и только в узком разрезе глаз метались беспокойные зрачки.

— Загрустил парень, — сказал кто-то.

Вдруг Ли, словно поняв, что речь зашла о нем, про-

тянул руку к крышам двух захудалых домиков и что-то быстро заговорил по-китайски. Артем уловил только одно слово «фанза» и кивнул.

— Да, бедные фанзы, Ли. В России бедные в Китае бедные...

— Бедный, бедный, — орадованно закивал Ли.

А один из рабочих изумленно спросил Артема:

— Ты что, по-китайскому понимаешь? Скажи пожалуйста!

Артем усмехнулся.

— Ничего я не понимаю. Ты бы тоже понял. Нужда, дядя, на всех языках одинаково говорит.

Паровичок свистнул, подъезжая к Сестрорецку.

В заводском комитете, показав удостоверение, Артем спросил:

— Что это у вас здесь, Невский, что ли? Буржуев видимо-невидимо.

Председатель заводского комитета, читая удостоверение, сказал:

— Это еще что! Ты к заливу поближе подойди — не то увидишь. Значит, винтовки? Ошалел ваш Выборгский Совет: сколько уж дали...

— Другим заводам мы тоже даем, распределяем, — ответил Артем, испугавшись, что вот сейчас ему откажут и он явится на завод ни с чем.

Сидевший у окошка мужчина сказал председателю завкома:

— Надо дать. Больно парень знакомый. Клевцов, да? Где батька сейчас?

Артем улыбнулся. Вспомнилось смешное имя этого человека — Павлин. Виноградов снова сказал все еще читавшему удостоверение председателю завкома:

— Ну, чего ты задумался? Надо дать оружие. Корнилов под самым Питером. Ну, а как же батька?

— Не знаю, — ответил Артем. — Я его давно не видел. Все вот с оружием вожусь.

— Другим заводам в самом деле даешь или так, для важности, сболтнул? — спросил Виноградов.

— Вот не верят! Только вчера перевез на «Новый Леснер» сотню винтовок, да еще половина сегодняшних пойдет заводу Барановского, — ответил Артем.

Предзавкома, прислушивающийся к разговору, махнул рукой и ушел, сказав:

— Я на полчаса, вы погуляйте пока.

Павлин, улыбнувшись, кивнул Артему:

— А он, пожалуй, прав. Сходите с ребятами на залив — потом своим расскажите, что богатеи делают, пока Корнилов собирается революцию за глотку взять.

— Я уже видел, — насупился Артем.

— А ты сходи все-таки...

Артем с товарищами нехотя вышел за ворота. Поджидавший их здесь Ли обрадовался, он всем своим видом говорил: «Где же винтовки? Я готов нести хоть тысячу штук сразу!»

— Идем, Ли, — сказал ему Артем. — Как там у вас богатых называют? Мандарины, что ли? А я тебе наших мандаринов покажу.

...Здесь, над заливом, высились сосны. Ветры годами делали свое дело, — это они искривили деревья. В жарком августовском воздухе крепко пахло хвоей, смолой, морем. Запах был свежий, пьянящий, и Артем, увидев с дюн ровную, зеленовато-серую гладь залива, восторженно выдохнул:

— Ах ты, черт, хорошо как!

— Что хорошего-то? Гляди!

Он повернулся. Почти рядом с ними бронзовый толстяк, сидя в шезлонге, читал газету. Чуть поодаль лежали под большим зонтом женщины; на маленьком столике стояли вазочки с полурастаявшим мороженым. И дальше, насколько хватало глаз, весь пляж был усыпан бронзовыми телами — толстыми и хилыми, в ярких купальных костюмах. Где-то близко вдруг рывкнул в трубы и ударил в литавры военный оркестр.

Артем смотрел не отрываясь. Кто-то издали крикнул, когда оркестр затих: «Господа, Вертинский!» И женщины, лежавшие под зонтом, бросились на крик, придерживая руками развевающиеся воланчики.

— Пойдем, — тронул Артема за рукав Пудов. — Ну их к дьяволу. Смотреть противно.

— Верно, противно! — отозвался Артем. — А хорошо бы все же искупаться.

— Пойдем, честное слово, в одной воде с такими купаться. . .

Артем стоял бледный от злости и думал: «Сейчас на заводе работа в разгаре, семь потов сходит, а кто дома, так те в очередях у лавок за хлебом стоят, а эти тут жир нагуливают. Он лишний раз понял, как убог и противен этот мир — мир людей, задыхающихся от жира, мир тунеядцев, в безделье прожигающих свою жизнь. Здесь, на пляже, Артем впервые так близко увидел этот сгусток старого мира, и этот мир был для него омерзителен.

Когда они вернулись на завод, рабочие-оружейники уже сами грузили длинные ящики в кузов грузовика. Павлин Виноградов стоял рядом с предзавкома и, едва Артем подошел, спросил его:

— Ну, как прогулялись?

— Для чего вы их здесь бережете? — гневно спросил Артем.

— Ну, ну! — примирительно ответил Виноградов. — Всякому, как говорится, овощу свое время. Видел, значит, как буржуи время проводят, пока мы спину на работе гнем? — Он протянул Артему бумагу и карандаш: — Вот распишись здесь.

Артем, послунив карандаш, взглянул на слова и цифру — «огнестрельного оружия (винтовок) двести», расписался и сказал тихо и зло:

— А между прочим, вот бы этих там, на пляже, из винтовок-то? Если вы сами стрелять не умеете, когда время придет, приглашайте нас. Научим.

Председатель завкома оторопело поглядел на него, а Павлин Виноградов захохотал, откидывая голову:

— Ай да большевистская порода!

* * *

Девятнадцатого августа Корнилов сдал Ригу немцам и этим открыл подступы к Петрограду. Буржуазия, чтобы спасти свои капиталы, страшась большевизма, страшась рабочих, была готова броситься в объятия немцам. Через несколько дней генерал Корнилов

приказал 1-му Кавказскому конному корпусу из Финляндии двинуться в Петроград. На Петроград двинулся и 3-й корпус контрреволюционного генерала Крымова.

Большевики призвали рабочих дать отпор корниловщине. Красная гвардия была готова к боям. Испугавшийся насмерть, Керенский выпустил из тюрем арестованных по делу об июльской демонстрации. Под Петроградом стали рыть окопы, сооружать заграждения. На борьбу с Корниловым, под командованием Лапшина, ушел и отряд Красной гвардии, в котором командиром отделения был Артем.

Контрреволюционная авантюра царского генерала Корнилова провалилась. Его войска не дошли до Петрограда, а он сам бежал на Дон. Отряд Красной гвардии Металлического завода вернулся в город.

На следующий день после возвращения Лапшин велел Артему вечером прийти на собрание большевистской организации завода.

И вот Артем на собрании. Он сел сзади, стараясь быть незамеченным.

После того как дядя Саша велел ему прийти на собрание, у Артема весь день радостно и тревожно билось сердце. Он так ожидал собрания, что ему казалось, что все часы отстают.

Собрание открыл Лапшин. Его же выбрали и председателем, секретарем избрали дружка Артема — Васю Пудова.

Лапшин объявил повестку дня:

1. Текущий момент.
2. Прием в партию.

Доклад о текущем моменте делал представитель Выборгского районного комитета партии — Клевцов.

Артем не видел отца с июльских дней и считал, что его нет в Петрограде, что он послан по заданию партии на Север. Каково же было его удивление, когда отец подошел к столу и начал говорить о положении на фронте под Петроградом. Артем только сейчас ясно понял сущность корниловского мятежа и угрозу, нависшую над завоеваниями революционного пролетариата Петрограда и всей России.

Отправляясь на подавление корниловского мятежа, Артем передал Лапшину заявление о вступлении в пар-

тию. Сегодня он с тревогой думал о том, как отнесется к его заявлению собрание.

Вот Лапшин прочитал заявление Артема и, положив его на стол, добавил:

— С января он у меня работал. Знаю его. Чистая душа. Он все время был около нашей партии, все поручения выполнял. Да вы знаете его. Он наших красногвардейцев и сейчас обучает. Я считаю, что принять его нужно.

— Знаем его, знаем. Принять...—загудело собрание.

— Нет, так нельзя. Надо высказаться. Может, кто и плохое что про него скажет, — стуча карандашом по стакану, заявил Лапшин.

В президиуме встал Пудов. Он тепло отозвался об Артеме, назвал его настоящим молодым большевиком и сказал, что его пора принять в партию.

— Дайте-ка мне слово, — встал с места Клевцов.

Артема бросило в жар, он с тревогой смотрел на отца.

— Вы знаете, что Артем Клевцов мой сын. Но вырос он без меня: я на каторге был, а он в сиротском приюте. Если бы его заявление разбиралось месяца три назад, то я бы сказал, что еще рано ему в партию. Много у него «мусора» было в мозгах. Вина тут, конечно, не его, — жизнь нелегкая была. Но сейчас Артем, мой сын, — эти слова он произнес с гордостью, — достоин быть в рядах партии большевиков. Он не только аккуратно выполнял наши задания, но за это время он и учился, читал, многое понял. . .

Собрание большевиков Металлического завода единогласно приняло Артема Клевцова в члены партии. Лапшин здесь же, на собрании, выписал и вручил Артему членский билет.

Домой Артем не шел, а летел, как на крыльях, прижимая к сердцу лежавший в потайном кармане членский билет РСДРП(б) (Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)).

Отец пришел домой поздно вечером. На этот раз им удалось побыть вместе и поговорить.

— Ты что же, из Архангельска? Так мне Лапшин сказал. . .

— Да не уезжал я в Архангельск, — засмеялся отец. — Ближе был. Архангельск, должно быть, от меня

не уйдет. А может, и не Архангельск, — кто его знает, куда надо будет ехать. Я, милый мой, теперь вроде чиновника по особым поручениям.

Станный человек отец. Ведь с сыном разговаривает, с большевиком, а не с каким-нибудь лопухом, и все же таится, толком ничего не рассказывает о своих делах. Но нет, это не так. Об одном молчит, а о другом говорит охотно. Вот, осторожно надламывая горячую картофелину толстыми пальцами, он говорит Артему:

— В Совете у нас теперь большинство. Понятно, как повернулось? Голосовали две резолюции — нашу и меньшевистскую. — За нами большинство. Большевики не верят, требуют переголосовать. Переголосовали. Опять у нас большинство. Чуешь? Понимаешь, что это значит!.. Пора!..

11. ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Нет, Артем не участвовал в штурме Зимнего дворца.

В ночь с 24 на 25 октября отряд красногвардейцев, в котором был и Артем, расположился на площади, с левой стороны Смольного. Лапшин ушел за указаниями и на время своего отсутствия оставил Артема за командира.

Быстро темнело. С Невы дул холодный ветер. Разыскав где-то на берегу Невы метровые плахи дров, красногвардейцы сложили костер. Жарко горели костры во дворе Смольного. И все было: трепет огня, шум движущихся отрядов, лязг оружия, голоса команды. И тяжелые, полные дождя, тучи.

Что же он тогда чувствовал, питерский паренек, солдат Октября? Он уже многое понимал, он ощущал в себе необычайный прилив сил и решимости, он был счастлив. Ощущения этой ночи останутся на всю жизнь, войдут в его кровь, в мозг, в сердце.

Скорее, скорее в бой. «Буря! Грянула буря!..»

Но Артема не зовут.

Вот идет Лапшин. Не идет — бежит, несмотря на свои ох какие не молодые годы. Значит, сейчас приказ. В бой! Да, действительно Лапшин посылает группу в сводный

отряд к Зимнему, рассказывает, что наступать они будут вместе с другими со стороны Миллионной. Во главе группы Вася Пудов. Но Артему с остальными красногвардейцами приказано идти к Литейному мосту. И, будто услышав то, о чем подумал Артем, Лапшин жестко сказал ему:

— Мост Литейный нам тоже важен и нужен, — он же соединяет центр восстания с нашим рабочим Выборгским районом. Потерять мост нельзя. Понятно? .. Идите!

Выполняя приказ, Артем повел людей к Литейному мосту. И поспел вовремя.

На середине моста была небольшая толпа, слышались крики, ругань. Артем, а вслед за ним и весь отряд, побежали бегом. Они увидели, что юнкера взяты у ме-

ханизмов, хотя развести мост. Но разве что-нибудь умела делать эта щенячья порода. Женщины-работницы, проходившие мимо, безоружные, набросились на вооруженных юнкеров. Они хватали юнкеров за шинели, оттаскивали от механизмов. Юнкера грозились открыть огонь по выборгским работницам; возможно, и сделали бы это, но в это время подошел красногвардейский отряд.

Юнкеров обезоружили и отпустили. Да и как их было не отпустить, если они трусили так, что не могли вымолвить ни слова.

Отряд Артема занял посты с обеих сторон моста.

Ночь была полна тревоги. Вот идет кто-то. Друзья или враги? Отряд залег, приготовился открыть огонь. К мосту они никого не подпустят. Но оказалось, что пришла смена. Другие люди

заняли посты. Отряду Артема было приказано вернуться в Смольный.

С Выборгской стороны к мосту спешил пешеход. Артем узнал отца.

— Ты куда? — спросил его Артем.

— Туда, в Смольный, — ответил отец. — Там сейчас Ленин...

На какое-то мгновение отец и Артем задержались, подошли к перилам моста, взглянули в черные, налитые холодом воды Невы.

— Ты понимаешь, какая это ночь? — спросил отец у Артема. — Мы о ней думали, к ней готовились, ждали ее. Она — единственная такая, другой такой не будет. И темно ведь как, а вот сейчас вся эта темнота развеет-

ся, шарахнется прочь от нашего огня и озарит весь мир! Понимаешь ты это?..

Отец ждал ответа. Но Артем был так взволнован, что не мог сказать ничего. Он промолчал.

Из-за дворцов, выстроившихся вдоль Невы, вырвался луч прожектора и полоснул по небу, по тучам, затем по воде, по людям. И опять стало темно. Будто никогда не было такой тишины над городом. Будто и выстрелы — отдельные, нечастые — не рвали в клочья эту сгустившуюся тишину.

— Пошли, — сказал отец.

— Ты не знаешь, куда пошлют мой отряд? — спросил Артем у пожилого красногвардейца, пришедшего с отрядом сменить Артема на мосту.

— Знаю, — ответил красногвардеец. — Тебя передают в распоряжение коменданта Смольного для несения наружного караула.

Это было опять не то, о чем думал Артем. А он думал, что его пошлют к Зимнему дворцу, где сейчас развертывается бой.

Отец словно бы уловил настроение сына.

— Эх, молодость! — воскликнул отец. — Хочется в бой, а не в караул, так ведь?

— Так, — ответил Артем.

— Молодо-зелено. Не всем же идти в бой. Ты будешь нести караул у Смольного. Это не менее важно. Вот я бы тоже хотел в бой. Большевик обязан работать и быть там, где он сейчас больше всего нужен. Таков, Артем, закон нашей партии...

... Я всю жизнь ждал этой ночи. На каторге мечтал о ней. А меня вот связным в Военно-революционный комитет послали. И я понимаю, что это тоже важно. А ты не забывай: Смольный сейчас сердце революции. Здесь Ленин. Значит, кого ты будешь охранять? Сердце революции и самого Ленина. Как ты думаешь, важное это дело или нет?

— Важное, отец! — Артем крепко пожал руку отца.

* * *

Здесь, в карауле у дверей Смольного, Артем услышал выстрел «Авроры». Здесь он узнал, что последняя твердыня русского капитализма — Зимний — взят.

Вернулся Пудов.

— Все? — спросил у него Артем.

— С Зимним все, — ответил Пудов. — Однако дела еще хватит. Все это только начало.

Артем подумал: «Правы отец, дядя Саша и Вася. Они лучше все понимают, чем я. Ведь правда, дело только развертывается...»

К Смольному прибывали все новые и новые отряды. Артему показалось, что мимо прошел Лапшин. Но, может быть, только показалось. Кинуться за ним? Нельзя. Он, Клевцов, должен быть на месте. В любой момент он может понадобиться.

И действительно, он был нужен. Спал ли он в те дни и ночи? Не слились ли дни и ночи в одно неразрывное время, когда каждую минуту могут сказать:

— Артем Клевцов, вам надо отправиться...

— Артем, вот тебе такое дело. И без промедления! Вернешься, дадим тебе поспать...

Он возвращался и слышал:

— Клевцов, тебя вызывают. Есть срочное задание!..

— Артем, это обязательно надо сделать...

Он видел, что все работают с предельным напряжением, что власть большевикам-ленинцам нужна была для того, чтобы выполнить свой долг перед трудовым народом, перед человечеством. И великое чувство ответственности, чувство долга руководило каждым большевиком.

* * *

В последние дни октября и в ноябре семнадцатого года было особенно тяжело молодой советской власти. Восстали юнкера. Монархические офицеры организовали заговор. Керенский вел полки обманутых солдат для расправы с победившим питерским пролетариатом. Анархисты и просто уголовники провоцировали беспорядки, пытались грабить магазины и склады.

Однажды, в сырой холодный день, резерв красногвардейцев, которым командовал Артем, получил задание немедленно ехать на спиртоводочный завод. Толпа громил хочет силой открыть склады.

Артем с отрядом подоспел вовремя. Возле склада, стоя в пролетке, держал речь длинноногий, пестро одетый человек.

— Анархия — мать порядка! — орал он пропитым, хриплым голосом. — Спирт и вино все равно комиссарам пойдут. Мы, анархисты, призываем вас не подчиняться никакой власти. Ломайте замки, двери, будьте свободными людьми. Да здравствует безвластие!

В руке у анархиста был наган, он как бы благословлял им толпу городских босяков, для которых не столько важна была анархистская проповедь, сколько возможность пограбить. В таких сборищах, в подстрекательстве людей на бесчинства и грабеж, заинтересованы были враги революции, рядившиеся в какие угодно одежды.

Отряд был маленький, всего два десятка человек, а толпа была во много раз больше. Оружие было не только в руках анархиста. Но Артем уже приобрел некоторый опыт. Он приказал бойцам незаметно, пока толпа слушала «оратора», занять места у складских ворот.

Внешне спокойный, но внутренне собранный, напряженный, Артем подошел к пролетке, встал рядом с анархистом и тронул его за руку.

— Так ты, приятель, выпить хочешь?

Тот растерялся, не сразу разгадал намерение Артема, — враг он или союзник. Может, он тоже собирается поживиться? Винтовка еще ничего не доказывает.

— А ты чего? — спросил он у Артема. — Чего лезешь не в свое дело?

— Так дело ведь общее, — сказал Артем, взял под руку анархиста и быстрым движением забрал оружие. — С оружием не шутят. Кто же водку пьет из нагана, водку надо пить из стакана... Вот и отправляйся!.. — и одним толчком столкнул анархиста с пролетки.

Короткое слово, обращенное к толпе, было простым и выразительным.

— Грабить не позволим. Склады, какие бы ни были, принадлежат народу, они на учете. У меня приказ — стрелять в бандитов, а кто грабит народное добро — тот бандит...

Короткая, энергичная речь Артема, суровые лица красногвардейцев, явное посрамление оратора, юркнувшего в толпу, подействовало. Толпа начала таять. Кто-то ворчал, кто-то грозился, но никто не осмелился из-за водки рисковать жизнью. Сомневаться в том, что этот молодой парень будет стрелять, не приходилось.

В тот же день Артема послали на Лиговскую улицу произвести обыск у сбежавшего купца, прекратившего выпечку и продажу хлеба. На заднем дворе, в кирпичном складе, отряд красногвардейцев нашел лежащие штабелями, до самого потолка, мешки с мукой. И это в то время, когда народ голодал. Несколько подвод с мукой сразу же были направлены в пекарни.

... День за днем, ночь за ночью продолжалась борьба, напряженная, опасная. Что там какой-то анархист, спекулянт-булочник?! Ночью, во время обысков, находили склады с оружием; застигнутые в потайных квартирах офицеры-заговорщики открывали огонь. Бывали случаи, что какой-нибудь матерый враг и прорывался при этом. И так — день за днем, ночь за ночью.

Положение в городе было такое, что обнаружение продовольственных запасов, запрятанных спекулянтами, имело столь же большое значение, как и ликвидация гнезд заговорщиков. Населению выдавали по карточкам ничтожный паек. Попытки спрятать муку, хлеб, крупу были тягчайшим преступлением против народа.

— У нашего Артема особая способность, — говорили в районном комитете. — Сквозь стены видит!

* * *

Это было 8 декабря 1917 года. На второй день после организации Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) Артема срочно вызвали к секретарю Выборгской районной партийной организации — Жене Егоровой.

— Вот что, Артем, — сказала она. — Слышал, организована Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрой?

Артем утвердительно кивнул.

— Вот и хорошо. Решили мы тебя направить на работу в районную Чека. Там уже работает ваш заводской парень — Пудов. Знаешь ты его?

— Знаю.

Затем, взглянув на Артема, Женя Егорова сказала:

— Значит, так, этот вопрос решили. А пока вот тебе первое задание райкома... В соседней комнате диван, ложись и поспи. Скоро разбудим, тогда и пойдешь в райчека. Понял?

— Понятно, — сказал Артем.

ЧАСТЬ III

ЧЕКИСТ

1. В РАЙЧЕКА

На следующий день новый работник Чека Артем Клевцов встретился со своим начальником.

— Дело у нас серьезное, — сказал начальник. — Нас сюда партия послала для того, чтобы освободить Петроград, всю Россию от всякой нечисти: от заговорщиков, которые пытаются вернуть старые порядки; от спекулянтов, которые наживаются на голоде и разрухе; от саботажников, подрывающих и без того разрушенное хозяйство страны. Понятно?..

— Мне понятно, — ответил Артем.

— Вот и ладно. Значит, получай первое задание. На Сампсониевском проспекте, в доме двенадцать живет спекулянт, некто Грушкин. Данные о нем поступили от жильцов дома. Он на золото меняет продовольственные товары. Ты возьми хлопцев и с умом пройдишь по этому адресу. Подозрительный этот тип — Грушкин. Тебе все ясно?

— Ясно, — ответил Артем.

— Ну, иди... Ты винтовку-то оставь, возьми вот наган, — сказал начальник.

— Привык я к винтовке, — ответил Артем.

— Понимаю, но наган будет лучше. Легче с ним, и подвижней будешь. Помни, чекисту в тылу опасность грозит не меньшая, чем красногвардейцу на фронте.

Артем взял наган, повернул барабан, положил в карман запасные патроны и вышел из комнаты.

На операцию он взял с собой четырех человек. Не доезжая одной остановки, чекисты вышли и пошли пешком. Артем внимательно осмотрел дом. Оставив одного чекиста в парадной, он с остальными поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь долго не открывали, но вот послышались шаги, и визгливый голос сердито спросил:

— Кто тут? Кого надо?

— Откройте, — спокойно сказал Артем. — Мы из Чрезвычайной комиссии...

За дверью помедлили, но все же открыли.

— Не понимаю, что вам от меня надо? — сказал, открыв дверь, толстый и совершенно лысый человек тем же визгливым голосом. — Ну, чего надо?..

— Мы к вам с обыском, — сказал Артем. — Могу показать мандат... Начинайте, — обратился он к товарищам.

Один чекист встал у выходных дверей, два других приступили к обыску. Вскоре один из них внес в комнату, в которой Артем допрашивал хозяина, два бидона.

— Что в них? — отрывисто спросил Артем.

— Спирт, — ответил чекист и снова вышел за дверь.

Через короткое время вошел второй чекист и доложил:

— В кухне, в ларе, сахарный песок, на глаз будет пудов десять. А в прихожей сундук с рисом, пудов, наверное, пятнадцать будет, — добавил он.

— Достаньте мешки, сходите позвоните, чтобы прислали грузовик и людей, — приказал Артем.

— Зачем ходить, у меня есть телефон, — как бы с обидой заявил толстый. Артем уже успел записать в протокол его фамилию — Грушкин, имя и отчество — Епифан Илларионович, год рождения — 1871-й...

— Чем занимаетесь, где работаете? — спросил он у Грушкина.

— Сейчас нигде не работаю, а ранее, ранее, — в визгливом голосе послышалась гордость, — а ранее служил-с,

служил-с, шеф-поваром у его величества великого князя Николая Николаевича, у дяди в бозе почившего нашего государя императора...

Артем невольно усмехнулся: чепуха это... Какой же он в бозе почивший?

Снова вошел чекист и положил перед Артемом на стол сверток. Развернув сверток, Артем обнаружил в нем золото и драгоценности — кольца, браслеты. Чекист положил на стол и второй тяжелый сверток.

— А вот здесь тридцать штук револьверов: наганы, браунинги. Там еще ящик патронов остался.

— Так-так, папаша! — нахмурился Артем. — Откуда же у вас все эти игрушки?

— Не мои это, не мои, господа-товарищи! — заикаясь, пролепетал Грушкин и, повернувшись к иконе, стал истово креститься.

— Ладно, потом помолитесь, — спокойно сказал Артем. — Вы арестованы...

* * *

... Артем все больше привыкал к чекистской работе, все реже виделся с отцом. Но вот отец сам разыскал его в райчека, и они вместе вышли на улицу.

— Проводи меня немного, — сказал отец, — уезжаю... Оставляю тебя теперь не малолетком, а большевиком... Ехать мне надо...

— Куда это? — спросил Артем, — не тайна?

— Нет, не тайна. В Архангельск. Помни Артем, — сказал отец. — Питер, Москва — это еще не вся Россия. Россия огромная. И не везде у нас гладко дела идут. Много врагов у революции, но справимся... Обязательно справимся. На то мы и большевики. Помни, что ты тоже большевик, трудно придется — не хнычь!..

Они медленно шли по городу. Где-то вдали послышался паровозный гудок, напоминая о далеких дорогах и о той, которая предстоит отцу. Что там ждет отца? Когда они еще увидятся?..

— Ты со мной дальше не ходи, — после долгого молчания сказал отец. — Мне еще до отъезда надо кое-где побывать. Хоть ты и сын мой, хоть ты и большевик, и чекист, но только туда не положено приходить с сыновьями, если ждут тебя одного. А меня ждут одного! Будь здоров, Клевцов!

— Счастливого пути, отец!

— Будь здоров, Артем! Действуй!

Артем долго стоял на темной, плохо освещенной улице, вглядываясь в удаляющуюся фигуру отца, пока та не слилась с ночным туманом. Затем круто повернулся и пошел в райчека.

Ночь была у чекистов рабочим временем.

— Наш фронт пролегает везде, где есть враги, — вспомнил он слова начальника. — Мы — бойцы революции...

Ночным городом, погруженный в свои думы, шел молодой боец революции — Артем Клевцов. Он не знал еще, что и ему вскоре придется тронуться в путь, на Север.

На Севере было тревожно. Эсеры и меньшевики вели широкую антисоветскую агитацию в городе Ярославле и Ярославской губернии, которая граничила с Вологодской. Дипломатический корпус из Петрограда, без уведомления Советского правительства, переехал в Вологду.

Председатель Петроградской Губчека Урицкий, в помощь большевикам Севера, направил в Вологду отряд красногвардейцев, а вслед за ними — специальный бронепоезд и группу оперативных работников Губчека. В райчека вспомнили, что Артем Клевцов-младший жил в Вологде, знает этот город и уже имеет некоторый опыт борьбы с контрреволюцией.

Вот так и получилось, что в апреле 1918 года Артем оказался на воинской платформе в ожидании, когда эшелон тронется в путь.

2. ОТРЯД В ПУТИ

На воинской платформе стоял невообразимый шум, слышались слова команды, незлобная ругань, смех. Откуда-то доносились всхлипы гармошки, постоянной спутницы встреч и разлук. Повсюду сновали красногвардейцы — люди в военной и штатской одежде. Кое-кто был в сапогах, многие в обмотках. Гимнастерки и

пиджаки, фуражки и кепки, тут же черные матросские бушлаты, картинно перепоясанные пулеметными лентами, засаленные рабочие картузы — все было разным и в то же время в людях, одетых по-разному, было что-то общее, объединявшее их. Это была гвардия рабочего класса, Красная гвардия, чекисты.

То и дело слышались слова команды:

— От каждой теплушки послать двух бойцов за удовольствием!

— Старшим вагона дать сведения о готовности.

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что на платформе все находится в страшнейшем беспорядке. На самом деле было совсем не так. Чья-то твердая рука направляла действия людей, и тот, к кому была обращена команда, исполнял ее.

На платформе были и люди, не имевшие отношения к воинскому эшелону. Какая-то тетка все старалась со своими узлами забраться в вагон. В вагон ее не пустили. Она металась от вагона к вагону, ее беззлобно прогоняли, она отругивалась.

— Эй, посторонись, тетка, язык отдавят.

Под раскатистый смех тетка, вероятнее всего «мешочница», отскочила в сторону, а мимо нее дюжие парни катили железную бочку или проносили ящики с патронами.

Вот прокатили еще одну бочку, судя по грохоту, пустую. Ее поставили «на попа», получилась трибуна. Вокруг стали собираться и отъезжающие и провожающие. Они недовольно поглядывали по сторонам: ну что там застряли ораторы, пора бы и выступить. В эти горячие, грозные дни митинговали по любому поводу. Люди так привыкли к митингам, что казалось, не будет митинга — и дело не сдвинется с места.

Оратор действительно появился. Речь его была простой, суровой, не содержала в себе никаких громких призывов. Слушали его внимательно. Он говорил о том, что год этот, первый год советской власти, — трудный. Но во что бы то ни стало надо выстоять. И никто не поколеблет решимости народа построить новый мир, уничтожить войну, власть богатых. Идет великая война за справедливость! Людей, не желающих понять нашу правду и поднимающих руку на молодую власть рабочих и крестьян, надо вырвать с корнем, как сорную

траву. Надо уметь отличать врагов от друзей, действовать решительно, но с умом.

Артем слушал с напряженным вниманием, как и другие, может быть, даже несколько бóльшим. Он вспоминал отца — чем-то напоминал его оратор, такой же высокий и суровый.

Странные сложились у него отношения с отцом, странная жизнь. Отец то появляется, то исчезает. Уехал в Архангельск, а может, он уже не в Архангельске, а в другом месте. Вот и он, Артем, сейчас еще в Питере, а через какие-нибудь полчаса тронется в путь...

И только оратор закончил речь, как из конца в конец по всему перрону разнеслись многократно повторяемые слова команды:

— По вагонам!

Артем задумался и не заметил, как рядом оказался Лапшин.

— Не задерживайся, — крикнул Лапшин, — давай скорее!

Сильнее окрика Лапшина на Артема и других отъезжающих подействовали свисток паровоза и лязг столкнувшихся буферных тарелок. Состав рывком тронулся с места. И сразу же зазвучала песня:

Смело мы в бой пойдем
За власть родную,
И как один прольем
Кровь молодую...

С особым чувством пел эту песню и Артем. Он вспоминал свой отъезд из Вологды, свою жизнь в этом городе, где им распоряжались Таракан и Мелитина. И вот он вновь возвращается туда вместе со своими товарищами — чекистами-большевиками. Они едут в этот город, чтобы укреплять советскую власть, помогать в разгроме контрреволюционного гнезда.

Медленно отошел перрон, медленно отошел город, все учащался стук колес, а песня ширилась и ширилась. В одном вагоне ее кончали, а она начиналась в другом, третьем...

... Смело мы в бой пойдем...

За годы войны и при Временном правительстве разруха, как ржавчина, разъедала железнодорожный транс-

порт. Паровозам не хватало топлива. Пассажиры сутками ждали на станциях, и их было так много, что казалось, вся Россия двинулась в путь. Люди ехали всюду: на площадках, на буферах, в ящиках под вагонами, на крышах.

Предусмотрительный Лапшин выделил специальный наряд для борьбы с мешочниками. Он умел разговаривать с дежурными по станции. Для ремонта в пути к эшелону был прицеплен специальный вагон с дорожным инструментом. И все же поезд полз, как черепаха. При желании можно было на ходу спрыгнуть из теплушки, нарвать подснежников и снова догнать и прыгнуть в вагон. Артем так и делал, вызывая шутки товарищей.

В теплушках малиновым цветом пылали «буржуйки». Сизый дым стлался по крышам, сползал вниз. Двери теплушек были раскрыты настежь, — в вагонах душно, угарно, пахнет карболкой.

В Званке, где предполагалось заправить паровоз водой, не работала водокачка. Машинист сказал, что воды хватит еще верст на сто, если не больше, и Лапшин принял решение продолжать путь.

Ночь была холодная и светлая. По обе стороны пути стоял густой хвойный лес, по канавам стремительно, с шумом бежала вода, захватывая по пути все, что ей под силу. Не доезжая до Тихвина, эшелон остановился. Машинист стал подавать тревожные гудки. Сбежавшимся красногвардейцам он с отчаянием сказал:

— Всё! Нет воды.

— Спокойно, — ответил Лапшин. — Без паники.

— Понимаешь, — сказал машинист, — не рассчитал я... нет воды. Теперь так: или воду достать, или гасить топку.

— Вода будет. — Лапшин махнул рукой в сторону леса.

Действительно, сквозь оголенный лес, метрах в трехстах, было видно круглое небольшое озеро.

По приказу Лапшина бойцы и командиры принесли ведра, встали в цепь, вернее в две цепи; по одной — к озеру шли пустые ведра, по другой — наполненные водой. С шутками, прибаутками дело шло споро, бойцы как будто даже обрадовались разминке.

— Эх, и благодать в лесу, — оглядываясь по сторонам, восхищенно сказал пожилой боец.

— Да, природа подходящая, — поддержал другой, — ничего не скажешь. Жаль, не сезон — грибов еще нет и ягоды никакой...

— За тем и ехали — грибы собирать и ягоды. Самое время... Может, и поохотиться, рыбку половить. Чем плохо?

Каждый понимал, что это шутки. Ведь как хорошо выбраться из большого города в начале мая на природу, где пахнет свежестью необычайной, наступающей весной.

Вот уже напоили тендер паровоза досыта водой. Машинист дал свисток, чтобы собрать всех.

В лесу, за Тихвином, состав, лязгнув буферами, снова остановился. Кончился запас топлива на паровозе. Красногвардейцы вооружились пилами и топорами,

стали валить лес, пилить деревья на дрова. Работали дружно. С тяжким стоном валились деревья на землю. И сразу же после шума ломающихся веток, после удара о землю сваленного дерева наступала такая тишина, что было слышно, как журчит выбившийся из-под снега ручеек, как тонким запахом лимона пахнут бархатистые мхи.

В эшелоне Артем познакомился со многими бойцами. Особенно близко он сошелся с товарищем по заводу — Васей Пудовым. Обрадовался он и встрече с матросом Постойко, которого запомнил с июльских событий. Постойко первый окликнул Артема:

— Гегемон, здравствуй!..

Бесшабашный, острый на язык, запеленавшийся в пулеметные ленты, с кольцом, болтавшимся чуть ли не под коленями, матрос выглядел грозно.

— Корешок по гроб жизни, брашпиль тебе в печен-

ку, все топаешь?! Иди, я тебя обниму, гегемон! — Матрос крепко обнял Артема.

Пудов и Постойко были очень разные, Артему трудно было решить, кто ему нравится больше: спокойный, уравновешенный Пудов или порывистый, грубоватый, несдержанный Постойко, всегда готовый кого-нибудь задеть, чем-нибудь подчеркнуть свое превосходство.

В эшелоне вместе со всеми ехала девушка, Валя Грачева. Через плечо она носила сумку с ярким красным крестом, нарисованным на брезенте. Девушка Артему понравилась. Он не раз собирался заговорить с ней, но все не решался. С завистью он наблюдал, как легко и просто говорил с Валею Грачевой матрос Постойко.

Как-то он услышал такой разговор:

— Я еще в Питере мечтал, — говорил Постойко, — заберусь в теплушку и буду спать изо всех сил. А вот приходится работать то водовозом, то лесорубом. Работа кончилась, а все не спится, о вас думаю. И едем мы вместе недавно, а я уже все свое сердце о вас смозлил.

Девушка рассмеялась.

— Смозлил! Скажете такое. Мозоли срезать надо. У вас что ни девушка, то мозоль. Знаем мы вас, флотских.

Постойко не обиделся, а даже обрадовался этим словам. Увидев Артема, сразу же вовлек и его в этот разговор:

— Вот смотрите: гегемон, рабочий класс, человек серьезный. У него мозоли только на руках. И сердце бьется ровно. Разрешите представить!

Так Артем познакомился с Валею.

Моноotonно стучат колеса на стыках. Бойцы спят, положив рядом неизменную спутницу — трехлинейку. На ночь двери теплушки закрыты. Душно. Возле дежурного, на чурбаке, горит оплывший огарок свечи. Светлые искорки бегают по раскаленной печке, словно светлячки. Иногда печка «стреляет», из нее вылетает маленький раскаленный уголек и быстро чернеет на полу.

Дежурный по вагону — Артем. Он сидит возле печки с книгой в руках, но часто отвлекается, задумывается. Сколько событий — и каких! — произошло только за один этот год. Что по сравнению с ним тот вологодский период, когда он из монастыря пошел работать к Таракану, от Таракана — к Мелитине в ресторан, затем вместе с Сенькой — в подвал, и один, без Сеньки, в запасной полк. У него сейчас такое чувство, будто жизнь началась только в Питере, с залпа «Авроры» по Зимнему дворцу. Сейчас ему, Артему, девятнадцать лет, он член партии, большевик, чекист, боец особого отряда. Впереди много неизвестного, трудного и опасного. Но как легко от того, что рядом — товарищи.

Вот неподалеку, на нарах, спит Вася Пудов. У него жизнь была не слаще — с двенадцати лет на заводе. Но ему не пришлось столкнуться с тем, с чем столкнулся за свою короткую жизнь Артем. Как много неразумного, запутанного было в его собственной жизни. Что он понимал, когда работал в монастыре, прислуживал в ресторане? А рядом с Васей Пудовым всегда были такие люди, как Лапшин. Как это важно — встретиться с хорошими, умными, сильными и правильными людьми! Вот и ему, Артему, повезло, что на его пути оказались Лосев, Дубец, затем Щербатов и Лапшин.

Тихо в теплушке, только и слышно сонное бормотание да потрескивание огня в печурке. Жарко в теплушке. Иногда раздается хриплый спросонья, недовольный голос:

— Дежурный, дверь открой! Задохнуться можно.

Конечно, надо открыть дверь. Она поддается со скрипом. Холодный свежий воздух хлынул в теплушку. Артем выглянул и увидел медленно проплывающие мимо вагона поля, редкие голые деревья. Но недолго пришлось держать дверь открытой. Лежащие на нижних нарах почувствовали струю холодного воздуха, стали ежиться, затем роптать:

— Тебе, дежурный, подышать захотелось? Так полезай на крышу и дыши. А в вагон холода не напускай!

Артем усмехнулся. Кого же слушать? Одни говорят — открой, другие — закрой. Нет, он не станет закрывать. Уже брезжит утро, пора вставать. С низин поднялся готовый оторваться от земли и растаять в голубых просторах утренний туман.

— Эй, Артем, сколько часов?

— Ни одних.

— Ну, сколько времени?

— Да ведь я сказал, что часов нет, значит, и времени не знаю. Только пора вставать. Утро! Да еще какое!..

Было весеннее утро — свежее, пахнущее смолой, дымком от паровоза. Чудесная утренняя заря полыхала во всю ширину горизонта.

Бойцы начали просыпаться. Первым поднялся с нар Пстойко, поправляя на груди пулеметные ленты. Неужто он так и спал в них или успел уже натянуть на себя? Он подошел к печке, открыл крышку большого закопченного чайника и крикнул:

— Вставай, народ, чаек готов — жареный кипяток без сахара, с дымом.

Жадно глотал свежий утренний воздух Пудов, — он стоял рядом с Артемом у открытой двери.

Какой-то боец ругал дежурного, что в ведре мало воды — нечем умыться.

— Остановки не было, — оправдывался Артем. — Вот скоро станция, сбегаю принесу. . .

— А скоро станция-то? — спросил кто-то из бойцов.

И, будто в ответ, поезд замедлил ход, показались строения, заскрипели тормоза.

— Эй, Артем! — закричал Пстойко. — Дуй сразу за водой, и чтобы как из пушки.

Артем громыхнул ведром и, не дожидаясь, пока поезд остановится, выпрыгнул из вагона.

Это оказался небольшой разъезд. Машинист на ходу получил жезл, и эшелон не остановился, только замедлил ход. Но Артем успел набрать воду и бросился догонять свою теплушку. Товарищи протянули руки, подхватили ведро, а затем и Артема.

— Вот это дело! И умыться можно, и шей сварить.

Пока бойцы умывались, закипел большой полуведер-

ный чайник; из носика вырвалась резкая струя пара, крышка стала подпрыгивать и дребезжать. Бойцы полезли на нары за вещевыми мешками, стали извлекать из них не очень-то богатые запасы. Загремели жестяные кружки. Артем, налив в кружку кипятку, озадаченно посмотрел на нее.

— Нет ли у кого сахаринцу?

Никто не откликнулся. Все молча, сосредоточенно тянули из кружек пахнувший дымом кипяток.

— Хороша заварка, — сказал Постойко, — с такой заваркой и без сахарину можно.

— Без так без... — согласился Артем.

Дежурство его кончилось. Он свое дело сделал: сбегал за водой, вскипятил чай, подмел вагон, теперь можно было взяться и за книгу. А может, поспать? Ведь ночью не спал. Но нет, спать не хотелось, а книга была интересной — «Мартин Иден» Джека Лондона.

— Вот человек, — сказал Артем Васе Пудову, — работал и учился, стал образованным, только лучше ему не стало. Капитализм таким ходом не давал. А вот мы, когда с врагами разделаемся, укрепим советскую власть, уж я доберусь до учения и до книг. И мне будет польза, и революции!..

— Постой, постой, — сказал Пудов, — ты что, в студенты метишь, а потом и в господу?..

— Эх, голова, — сказал Артем, — так ты думаешь, что только господа должны быть образованными. А рабочему знания не нужны, и так проживет? А как же мы будем новую жизнь строить, вслепую?

В разговор вступила обычно не очень разговорчивая Валя.

— Обязательно будем учиться, — сказала она, — и обязательно будем много знать и уметь. Артем правильно говорит. Вижу, читать ты любишь, — обратилась Валя к Артему. — Какое твое произведение больше всего любишь?

— «Буревестник» Горького, — ответил Клевцов.

— Я тоже Горького люблю. Люблю его «Песню о Соколе».

Валя Грачева была ткачихой, работала на ткацкой фабрике, на Выборгской стороне. Она с винтовкой в руках участвовала в штурме Зимнего дворца. Ее хорошо знали бойцы и с уважением относились к ней.

— Что ж, можно и поучиться, — добродушно согласился Пудов. — Я не против.

— Вот я думаю тоже... — Валя не успела досказать, что же она еще думает. Вагон резко качнуло, заскрежета-ли колеса, сбавляя скорость.

Красногвардейцы встревожились неожиданной остановкой. Артем выглянул из вагона. Впереди был виден перелесок. За ним, на холме, чернели крыши небольшой деревеньки. До перелеска, почти от самой железнодорожной линии, лежало вспаханное поле, усеянное серыми валунами. Это были уже знакомые Артему места. Вон вдали монастырь, — видны его золоченые маковки. А там, верст через десять, будет село Широково.

Впереди хлопнул винтовочный выстрел.

— Полундра! — Пстойко бросился к двери, собираясь выскочить из вагона.

— Без паники, ребята, — раздался спокойный голос Лапшина. — Выходите из вагона по одному. Действовать только по команде. Ты, Пудов, обойдешь все теплушки. Пусть бойцы выходят с оружием и сразу в цепь... Пошли...

Бойцы быстро сбежали с насыпи и залегли. Впереди были Лапшин и представитель Вологодского Губкома партии Малин, присоединившийся к отряду в Череповце.

— Не иначе как бандиты, — сказал Малин.

Вологодское контрреволюционное подполье, получив донесение о приближении эшелона питерских чекистов-красногвардейцев, решило во что бы то ни стало задержать его в пути. Враги советской власти готовили в Вологде восстание, с тем чтобы превратить весь Север России в контрреволюционную силу. Навстречу эшелону была направлена банда с приказом, не вступая в открытый бой с чекистами, всеми мерами тормозить продвижение эшелона к Вологде.

Бандиты, выполняя приказ, разобрали железнодорожное полотно, устроили засаду. Эшелон остановился. Послышались одиночные выстрелы. Бандиты стреляли по перебегавшим через насыпь красногвардейцам.

Красногвардейцы пока не отвечали на стрельбу, они ждали команды. Лапшин приказал Артему взять бойцов и скрытно подобраться к лесу, в тыл бандитам.

— Когда мы отсюда ударим, они из перелеска побегут к лесу, вы их там встретите огнем.

В лесу, недалеко от места, где расположился отряд, Пудов заметил человека в рыжем армяке, осторожно ползущего в сторону эшелона. Неожиданно наскочив на красногвардейцев, он метнулся в сторону, но был схвачен Васей Пудовым, прижавшим его к земле. Мужик испуганно забормотал что-то невнятное, называя бойцов «братцами», вглядываясь в них серыми с хитрецей глазами. Вдруг на лице его мелькнула улыбка, глаза посветлели, он, должно быть, понял, кто перед ним.

— Вас-то мне и надобно, — сказал он. — Свой я, свой. Ерофей послал, председатель Комбеда. Гляди-ка на угор, видишь красный флаг? Комбед там и есть. Командир ваш где? — спросил мужик деловым тоном.

— А зачем он тебе? — спросил Артем. — Сейчас бандитов ловить начнем. Только не врешь ли ты, может, сам из бандитов? Смотри, тогда не пощадим.

Артем верил, но в то же время понимал, что необходимо быть очень и очень осторожным. Ведь от действий их группы зависела судьба всего отряда, жизнь людей. А вдруг это все-таки лазутчик?

— Увидишь сам, что наши подмогут, посмотришь!

Отряд укрылся за деревьями, откуда хорошо просматривался перелесок, где скопились бандиты. Справа виднелись красные теплушки эшелона, слева — деревня. «Если мужики действительно помогут, бандитам не поздоровится, — подумал Артем, — что ж наши-то не начинают?»

Но вот бойцы поднялись и побежали от эшелона перебежками к перелеску. Бежать по вспаханному полю было нелегко. Артем видел, как вперед вырвался матрос, где-то в цепи мелькнула красная косынка Вали. Бандиты не выдержали и побежали. Навстречу им из деревни показались вооруженные кольями и косами крестьяне. Бандиты повернули к лесу. Это решило их судьбу. Бойцы Артема открыли огонь, и бандиты, подняв руки, побросали оружие. Бой кончился скоро, да, собственно, боя-то и не было. Питерский отряд не понес потерь, если не считать легких ранений от шальных пуль.

Бойцы пошли к эшелону. Артем задержался, прощаясь с мужиком. Но вот и он двинулся вслед за бойцами. И вдруг увидел человека, притаившегося в кустах.

Тот шелкнул затвором карабина, но выстрела не последовало, видимо, кончились патроны. Отбросив в сторону ненужный карабин, бандит, по резкому окрику Артема, направившего на него винтовку, поднял руки. Удивительно знакомым показался Артему этот грузный и сильный человек. Нет, он не мог ошибиться, перед ним был Тихон.

— Тихон? — окликнул Артем.

— Артюха, ты ли это? — воскликнул Тихон. — А я чуть в тебя не стрельнул. Радость-то какая! Хоть вовремя карабин бросил. Опустит, опустит винтовку-то, а то невзначай и выстрелишь, — испуганно попросил Тихон.

— Ладно, иди вперед, там разберемся.

Артем видел, как Тихон целился в него, а потом бросил карабин. Не мог же он знать, что Тихон сделал так только потому, что кончились патроны.

— Ну, опустит винтовку, христом богом прошу. — Говоря это, Тихон медленно подходил.

— А ну, иди быстрее, — нерешительно сказал Артем.

Эта нерешительность дорого обошлась ему. Приблизившись, Тихон внезапно нырнул под ноги Артема, схватил их и рванул на себя. Тот упал, успев все же нажать спусковой крючок. Раздался выстрел. Но так как Артем не целился, то Тихон остался невредим. Он навалился на Артема, ударил его свинчаткой по голове и, подхватив винтовку, побежал в лес.

На выстрел прибежали бойцы. Увидев убегающего человека, стали стрелять ему вслед, но промахнулись. Тихон ушел.

...Артем очнулся в теплушке на нарах. Вагон двигался, монотонно стучали колеса. Боли Артем не чувствовал, однако голова была тяжелой, ее невозможно было поднять.

— Лежи, лежи, — услышал он голос Вали. — Твое счастье, что свинчатка только скользнула по голове, а то могло быть и хуже. В бою всякое бывает. А все-таки верх взяли мы, банду ликвидировали. А ты теперь спи. Спи спокойно.

Артем с трудом повернулся к стенке вагона и притих. Спал он недолго.

— Ну как? Не болит голова? — спросил Лапшин, присаживаясь на скамью.

— Нет, голова не болит, совесть болит, что бандита упустил.

— Да, пожалуй, не следовало его упускать, — сказал Лапшин. — Это тебе урок. Злее будешь! Вот и Вологда... Сможешь встать? — спросил Лапшин.

— Смогу, — ответил Артем, поднимаясь с нар.

3. СНОВА ВОЛОГДА

Встреча с Тихоном потрясла и ожесточила Артема. На первом же допросе пленные бандиты сознались и рассказали, что Тихон был одним из вожаков банды. «Зверь», — говорили о нем его сообщники.

«Так вот, значит, кого ты упустил, вот какой оборачивается знакомая тебе Вологда», — думал Артем, и его еще сильнее мучила совесть.

Поезд замедлил ход.

Платформа быстро заполнилась красногвардейцами. Лапшин взобрался на какой-то ящик и поднял руку. Около него сгрудились бойцы, думая, что начинается митинг.

— Митинга, товарищи, не будет, — сказал Лапшин. — Сейчас ухожу в город. До моего прихода никому не отлучаться.

...Вернулся Лапшин около полуночи. В эшелоне, кроме дежурных, все спали. В шестой теплушке не спали Артем, Валя и матрос Постойко. Они спорили, читали и снова спорили. Лапшин попросил кипятку, отломил кусочек хлеба; видно было, что изрядно устал и проголодался.

— Дела здесь ни к черту, — спокойно и доверительно заговорил он. — Стало известно, что эсеры установили контакт с белыми генералами и вчера ночью подняли в Ярославле мятеж. Заворачивает всем эсер Савинков, оголтелый враг советской власти. Вот что пришлось опубликовать в Вологде. Прочитай-ка, Валя...

Валя взяла из рук Лапшина свежееотпечатанную афишу и вслух прочитала:

— «Настоящим постановлением Губернский Исполнительный комитет, ввиду чрезвычайных событий, происшедших в Ярославле, и в целях предупреждения рас-

пространения белогвардейских банд на Вологодскую губернию, объявляет город Вологду и Вологодскую губернию на военном положении. Все собрания, митинги, сборища на улицах и хождение группами по городу **СТРОГО ВОСПРЕЩАЮТСЯ**... — Слова «строго воспрещаются» Валя прочитала с нажимом в голосе.

— Ну, и так далее, — прервал чтение Лапшин. Он взял у Вали афишу, аккуратно свернул ее и спрятал в карман. — Здесь создан чрезвычайный революционный штаб. В городе ходит много разных слухов, ожидают, что вот-вот должно начаться восстание. Собралось много контрреволюционного офицерства, польских легионеров, сербских солдат. В руки штаба попали сведения, что сюда хотят перебросить еще два полка солдат бывшей царской армии, сагитированных контрреволюционерами.

— Полундра! — не сдержался матрос. — Что мы время тратим на разговоры? Крушить их надо.

— Не шуми, Иван, — строго сказал Лапшин. — Сиди и слушай, о серьезных вещах говорим... И знаете, ребята, как ни странно — пусть это будет на совести местных руководителей, — но в городе продолжает выходить эсеровская газета, которая обливает грязью советскую власть, сеет панические слухи. Она уже сообщила о том, что в Архангельске высадился англо-американский десант. Хотя там его пока еще нет...

Лапшин допил кипяток, вынул из кармана жестяную банку с махоркой, свернул сигарку.

— Американский посол Френсис, — продолжал говорить он, — открыто выступает в поддержку белогвардейцев и даже пишет статьи для этой эсеровской газетки. Сам ли пишет, за него ли пишут, но статейки за его подписью появляются.

Крепко затянувшись горьким дымом махорки, Лапшин на какое-то время задумался. У печурки собрались уже, кроме Артема, Вали и Постойко, и другие бойцы, прислушивавшиеся к разговору.

— Вот что, — сказал Лапшин, обращаясь к слушателям, — прибыли мы вовремя. Сегодня Губком партии решил послать в каждый уезд наших бойцов. Остальные, как пролетарское и большевистское ядро, вливаются в отряд особого назначения при Губчека. Этот отряд только формируется. Он будет ударной силой по борьбе с контрреволюцией и кулацкими бандами. Полсотни

наших бойцов завтра утром вольются в особый отряд Вологодского советского полка и отправятся на подавление мятежа в Ярославле. Старшим этой группы назначается Василий Пудов. Видите, всем нашлась работа.

— А мы куда же? — в один голос спросили Артем и Пстойко.

Лапшин медленно вертел в руках самокрутку, поглядывая на притихших друзей.

— Так вот: отрядом особого назначения командует председатель Губчека, уважаемый всеми большевик-подпольщик. Но дел у него сейчас, как сказал бы Пстойко, до клотика. Вот Губком партии и просил меня порекомендовать кого-либо в заместители начальника отряда.

Лапшин снова погрузился в томительную паузу, словно испытывал терпение своих собеседников. Затем снял очки, неторопливо протер их и сказал:

— Вот мы и подумали, что нужен человек, знающий военное дело. Ты, Пстойко, подошел бы вполне. Но нужно еще, чтобы тот человек хорошо знал Вологду... И мы решили назначить на эту должность Клевцова.

Артем вспыхнул от смущения, так неожиданно прозвучало его имя. Почему же не учли, что он так неудачно провел первый бой с белобандитами, так глупо растерялся при встрече с Тихоном. Лапшин заметил его смущение и, словно угадывая его возражения, сказал:

— Ничего, справишься. Оружие знаешь, солдатскую жизнь тоже. Ты большевик, сын большевика. Вологду знаешь, даже один из бандитов оказался твоим знакомым. Ну, не сердись, это же не в укор. Встретишь еще раз, не растеряешься. Придется и боевую и следственную работу вести. Впереди еще много всяких дел, только учись!.. Ну, а ты, Иван, — обратился Лапшин к Пстойко, — будешь адъютантом отряда ВЧК. Это тоже важное дело. Вы уже успели подружиться, вот и будете в одном отряде. Валя тоже пойдет с вами, в медицинскую часть. Так что мы вас не разлучаем, учитываем дружбу.

— Медицина мне надоела, — сказала Валя. — Я научилась из пулемета стрелять. Прошу назначить в пулеметный расчет.

— Все это очень хорошо. Вот наладншь медицинскую часть, а там — хоть в артиллерию.

— Дисциплина есть дисциплина. Как прикажут, так и будет, — сказал Артем.

— Это правильно, — поддержал матрос.

— А вы куда, товарищ Лапшин? — спросил Артем, еле удержавшись от того, чтобы назвать его, как всегда называл в цехе, дядей Сашей.

— Я? .. — рассмеялся Лапшин. — Мне, ребята, обратно в Питер. С личным докладом. Возможно, вернусь обратно, а то приеду — и пошлют в другое место. Может быть, и снова к станку встану или за пулемет лягу, гашетку буду нажимать. Наше дело такое! Скажут «надо» — значит, надо... Помните об этом слове и вы...

Рано утром отряд выстроили на перроне. Лапшин перед строем объяснил обстановку в Вологде и в Ярославле. Пятьдесят бойцов под командованием Пудова, выделенные для участия в подавлении мятежа в Ярославле, отделились. Скоро должны были подать состав, и им нужно было грузиться в другие теплушки. Остальные красногвардейцы построились и через весь город пошли в приготовленные для них казармы.

Отряд ВЧК, как тогда называли такие отряды, был уже сформирован. Губчека ожидала лишь пополнения своего отряда питерскими чекистами.

Лапшин, Артем и Постойко направились к председателю Губчека — Александру. За большим письменным столом сидел... Дубец, тот самый старший унтер-офицер Дубец из запасного полка, который помог Артему уехать с маршевой ротой из Вологды в Питер.

Дубец озабоченно взглянул на вошедших. Весь вид его указывал на большую усталость и большие заботы, свалившиеся на него. Дубец не сразу узнал Артема. Да и нелегко было в девятнадцатилетнем парне узнать нескладного подростка, который еще совсем недавно прибулдился к запасному полку.

Лапшин рассказывал Дубцу-Александру о том, как отряд добирался до Вологды, о бойцах, о столкновении с бандитами. Дубец, поглаживая седеющие волосы, внимательно слушал и часто бросал пристальные взгляды на Артема и Постойко. Затем, обращаясь к Артему, спросил:

— Ты не Клевцов ли Артем?

— И Клевцов и Артем, — ответил Артем,

Дубец вышел из-за стола, обнял Артема и весело воскликнул:

— Эк вымахал! Эк вымахал, парень, не пропал, а вышел по верную дорогу. Хорошо, что приехал, приبلудная душа. Потянуло кулика на родное болото.

Затем, снова став серьезным и озабоченным, Александров (в дальнейшем мы его будем называть так, по его партийной фамилии) попрощался с Лапшиным, передал ему пакет, проводил до дверей.

— Дело такое, — сказал он, садясь рядом с Артемом и Пстойко, — что для воспоминаний времени не остается. Тревожной жизнью живет Вологда. Контрреволюция вовсю распоясалась. Иностранцы послы ей помогают. А людей мало... Вам за любое дело придется браться... Дело наше новое, — раньше нас этому не учили...

Дверь открылась без стука, и в кабинет вошли два пожилых человека, одетых, как и многие в то время, в полувоенную форму.

— Члены коллегии Губчека, — представил их Александров. — А это наши новые товарищи. Питерцы. Им придется помочь войти в курс дела, а затем и они нам начнут помогать.

Для Артема и Пстойко наступили горячие дни. Пока улаживались дела отряда, один из членов коллегии Губчека вводил Артема в курс следственной работы, подробно знакомил с обстановкой, рассказывал о подпольных контрреволюционных организациях, активизировавших свою деятельность в связи с восстанием в Ярославле. Матрос часто разъезжал по городу. В бескозырке, в бушлате, с неизменным кольцом в деревянной кобуре,

он своим грозным видом вызывал панику у обывателей. А вечером, если не был занят, приходил в пулеметную команду. Валя проводила там почти все свое свободное от медицинских обязанностей время, осваивая пулемет.

4. ВРАЖЬИ СИЛЫ

После провала ярославского мятежа руководители контрреволюционной организации, при поддержке иностранных миссий, начали усиленно готовить мятеж в Вологде.

Чекисты установили, что в Вологде преимущественное положение занимают две организации. Одну — «Союз защиты родины и революции» — возглавили эсеры Маслов, Труба и Мещенко. За громкими словами о защите родины и революции они скрывали самые подлые замыслы против советской власти. Этот «Союз» успел даже сформировать «Северное правительство», в состав которого были введены люди, угодные американскому послу Френсису. Другая контрреволюционная организация — «Союз возрождения» — носила открыто монархический характер. Она тоже имела свой центр. Руководил им офицер-монархист Ковалевский.

Обе эти организации были хорошо законспирированы и умело заметали следы. Однако разоблачение и арест членов этих организаций был только делом времени. Многие тайные явки были уже известны. Чекисты знали о связях их с иностранными посольствами, наводнившими Вологду, и внимательно следили за приезжими офицерами и таинственными лицами, которые тайно проникали в посольства.

Однажды патруль задержал офицера царской армии Чаплина, но тот показал пропуск в английское посольство. Чаплин вошел в английское посольство, а через некоторое время из дверей посольства вышел человек с документами на имя капитана английских королевских вооруженных сил Томпсона. Его остановил другой патруль, проверил документы и... отпустил. Мол, Томпсон так Томпсон.

Не проверили только чекисты: а где же Чаплин, куда он девался? И кто же этот Томпсон, куда направляется?

Чаплина-Томпсона прозевали, но выводы сделали: усилить наблюдение за иностранными посольствами. Послы же получили пакеты из Вологодского Губернского Исполнительного комитета Совета.

Американский посол Френсис знал русский язык и обходился без переводчика. То, что он прочитал, его не обрадовало. В письме Губисполкома было написано:

«Милостивый государь, господин посол!

Вологодский Чрезвычайный революционный штаб, озабоченный охраной личной безопасности Вашего посольства и занимаемого Вами помещения, имеет честь известить Вас, что ввиду чрезвычайно тревожного времени и в целях предупреждения всякого рода эксцессов, могущих произойти со стороны провокаторских и авантюристических элементов, с завтрашнего дня у занимаемого Вами помещения будет выставлен патруль, который будет иметь предписание пропускать в помещение посольства только лиц, имеющих Ваше официальное удостоверение на право входа в помещение посольства или официальное удостоверение на то же от Чрезвычайного революционного штаба...»

Следовали подписи.

Американец был не так глуп и понимал, что скрывается за вежливым тоном письма. Патруль у самого дома! Конечно, этот патруль будет не только охранять его, посла, и помещение от авантюристических элементов. У него будут еще и другие задачи, не менее важные для советской власти, которые затруднят деятельность по сколачиванию сил контрреволюции. Ну, что ж, надо сделать так, чтобы и постоянный патруль не помешал начатому делу, которое готовили, а готовили они выступление демобилизованных солдат, почти что полка активных штыков.

Это был полк старой царской армии, которую советское правительство распускало по домам, а взамен ее создавало Красную Армию.

В полку производилась запись добровольцев в Красную Армию. Путем обмана и подкупа, путем засылки в казарму своих людей врагам революции удалось добиться того, что часть солдат, поддавшись вражеской агитации, решила захватить город, занять склады боеприпасов и провести аресты руководителей советской власти.

Да, это уже кое-что значило...

Френсис вспомнил свой разговор с Линдлеем, английским послом, и Нулансом, французским послом. Линдлей говорил, что их агент установил связь с главой местных анархистов Солнцевым. Должны выступить и они. Француз предупредил, что послезавтра с Западного фронта через Вологду будет проходить воинский эшелон. Старшим в эшелоне — царский офицер Григорьев. Он собирается поднять здесь мятеж, ликвидировать советскую власть и двинуться на Ярославль.

И это еще не все... В посольстве сейчас скрывается видный эсер Игнатьев. Он должен организовать в Вологде эсеровский мятеж.

Френсис злило только одно, — очень уж неорганизованны силы контрреволюции.

«Удивительная страна! Никакого порядка!.. — думал Френсис. — Вот если бы союзная эскадра ускорила свой поход из Мурманска в Архангельск, соединилась бы с наступающими из Сибири армиями Колчака. Тогда...»

Посол подошел к окну, выглянул, поморщился, будто у него заныл зуб. У подъезда шагал большевистский патруль.

Напрасно американский посол предполагал, что его планы и расчеты не известны советским органам. След Игнатьева был потерян, но о нем знали. Знали и о том, что с Западного фронта через Вологду проследует воинский эшелон демобилизованных солдат, что начальником эшелона является поручик царской армии Григорьев...

Ярый монархист, Григорьев бесчинствовал на станциях и в небольших городах, мимо которых проезжал. То же самое он собирался проделать в Вологде.

В эту тревожную ночь дежурным был Артем. Получив сообщение о приближении воинского эшелона во главе с Григорьевым, дежурный послал нарочных на квартиры к Александрову и другим членам коллегии. Потом подошел к спавшему в той же дежурной комнате Постойко:

— Ваня, спишь?

— Ну да, сплю, — откликнулся Иван. — А что?

— Дело есть. Надо эшелон встретить.

— Нужна музыка?

— Сыграть встречный марш, пожалуй, придется на пулемете:

— Серьезно? — Постойко привстал.

— Серьезнее быть не может.

Постояйко сбросил бушлат, поднялся с дивана, пристегнул к поясу свой неизменный кольт.

— Ты куда же заторопился?— спросил Артем.— Ведь только через три часа.

— Пойду разоружать.

— Сам? Со своим кольтем? А в эшелоне около пяти-сот обстрелянных солдат.

— Что ж, надо будет захватить с собой бойцов. Человек сто наберем, больше и не понадобится.

— А их пятьсот!

— Обстрелянных да безыдейных, обманутых офицерами. Не то качество.

Иван сладко потянулся. Артем с восхищением посмотрел на матроса. Да, пожалуй, такой сможет и один разоружить этих солдат, хотя их и пятьсот. . .

— Слушай, а где Валя? — вспомнил Артем.

— Как где? — переспросил Иван. — Дома, конечно. Это мы, бобыли, в кабинете живем, на службе едим и пьем, а ей комнату дали.

— А где же она живет?

— Да в городе.

— Ну, что тянешь? Вопрос серьезный.

— Ну, в гостинице «Европа».

— А, черт! — выругался Артем. — Садись сейчас же на своего мерина, он привязан у забора, скачи аллюром три креста, пусть Валя сюда поторопится. Есть сообщение, что ночью гостиницу собираются захватить вооруженные анархисты. Выручай девку, а то пропадет. Тут тебе Григорьев, там Солнцев — поспевай за всеми.

Матрос вихрем сбежал с лестницы и через минуту уже мчался к гостинице. Вблизи гостиницы было тихо. Анархисты не успели еще подойти. Казалось бы, следовало послать в гостиницу отряд, не пустить туда анархистов, и все. Но люди нужны были против Григорьева. Пусть пока анархисты въезжают в гостиницу, все равно их оттуда выгонят с треском. И вот Постояйко мчитя по лестнице, чтобы поскорее увести из гостиницы Валу.

Валя была в номере.

— Собирайся мигом и за мной! — крикнул ей Постояйко.

— Что случилось?

— После расскажу, а сейчас поторопись.

Не спрашивая больше, Валя натянула сапоги, повязала платок. Они вышли в коридор. На лестнице матрос подошел к окну, выглянул — на улице мелькали какие-то тени. В вестибюле толпились люди. Один бородач в небрежно накинутой на плечи шинели, стучал гранатой по столу и требовал ключи «от всех номеров, и сразу». Два человека преградили путь Пстойко и Вале, но матрос ткнул им в лицо кольт и сказал:

— Пропустить! Она со мной. Понятно?

Тон подействовал. Решив, что это «свой», Пстойко пропустили. . .

На улице какой-то юнец держал коня, но матрос отобрал у него повод, вскочил в седло и помог девушке сесть сзади.

Казалось, что все обойдется без шума. Но хлопнула дверь, и кто-то, вышедший вслед за ними на улицу, крикнул:

— Держи их! . . — и выстрелил из нагана.

Иван, не оглядываясь, тоже выстрелил и пустил коня. вскачь. Сзади снова выстрелили, но Пстойко уже свернул в переулок.

5. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

. . . Разоружать эшелон взялся сам председатель Губчека Александров. Он пришел усталый, невыспавшийся и сердито спросил:

— Бойцы прибыли?

Дежурный ответил:

— Как вы приказали, прибыли пятьдесят человек. Может, мало?

Александров увидел во дворе две шеренги бойцов и повеселел.

— Кто сказал, что мало? Ишь армия какая!

Операцию решено было начать на разъезде Молочное. Александров взял с собой двадцать чекистов. Клевцов с тридцатью бойцами и тремя пулеметами должен был встретить эшелон на воинской платформе в Вологде. Часть отряда осталась в резерве у вагонного депо за вокзалом.

Было еще очень темно, когда дрезины прибыли на

разъезд. Чекисты собрались у стрелки. Александров приказал проверить оружие.

— Поезд останавливать не будем. Один кто-нибудь, ну, вот ты, Иван, — обратился он к матросу в лихо сдвинутой набок бескозырке, — возьмишь на себя паровоз. В Вологде пусть его сразу отцепят и угонят подальше. Ясно? А мы обезоружим эшелон.

— Вагон-то штабной известен? — спросил кто-то из чекистов.

— Нет, но я думаю, что это будет классный вагон. Солдаты в теплушках, а господа офицеры, конечно, с комфортом любят ездить.

Вдали послышался гудок. Потом из тьмы проклюнулся желтый огонь. Он мерцал, пропадал, вспыхивал вновь, медленно приближаясь. И вот, шипя и пытая, сбавляя ход, надвинулся, обдавая паром, паровоз. Постойко, схватившись за поручни, как птица взлетел в паровозную будку.

Чекисты искали глазами штабной вагон. Теплушка, еще одна... Вот он!

Быстро обезоружив в тамбуре растерявшегося часового, чекисты ворвались в вагон с двух сторон. У каждого в руке по гранате.

— Встать!

Офицеры — их было пятеро — играли в карты, сидя возле керосиновой лампы. Они разом поднялись, инстинктивно подчинившись команде. Сопротивляться было уже поздно.

Один из офицеров, вздрагивающей рукой надевая на нос пенсне, повторял:

— Господа! Товарищи! Мы только что...

Александров резко оборвал его:

— Нам не о чем с вами разговаривать... Пока, во всяком случае.

Через полчаса эшелон подошел к вокзалу. С перрона на него нацелились поднятые рыльца пулеметов. Паровоз был сразу же отцеплен, и машинист погнал его к водокачке.

На перрон вывели арестованных офицеров и поставили под фонарь, чтобы те были на виду. В теплушках стояла тишина. Артем плечом отодвинул дверь в одну из теплушек и вошел в вагон, набитый до отказа. Он поискал пирамиду с винтовками, но ничего не нашел. На-

верное, каждый спал, положив оружие подле себя. Если разбудить солдат, пожалуй, можно получить в ответ пулю. Но будить надо. Артем шагнул к нарам.

— Эй, браток, вставай!

Солдат вначале отдернул грязную ногу, потом сел, позевывая и потягиваясь. Он долго, ничего не понимая, смотрел на чекиста, затем спросил:

— А ты кто?

— Да здешний я, вологодский. На митинг вас просим.

— Митинг? Это можно. . .

Солдат, не слезая с нар, стал будить соседей.

— Вставай, робя, на митинг просют. После доспим. . .

Солдаты просыпались, кряхтели, но не ругались. Видимо, им еще не надоело митинговать, — шли охотно. Но когда высыпали на перрон и увидели арестованных офицеров, а рядом вооруженных людей, пулеметы, — сразу заволновались. Многие кинулись назад, к теплушкам.

И тут произошло такое, чего чекисты совсем не ожидали. Внезапно дверь первой от паровоза теплушки тяжело открылась, на чекистов уставились дула винтовок и тупое рыло трехдюймовой пушки, около которой стоял полный пожилой офицер в очках.

— Предупреждаю! — визгливо закричал офицер. — Начну обстрел вокзала. Приказываю чекистам убраться с перрона.

Александров, прыгнув за металлический столб фонаря, крикнул:

— Клевцов! Живо к паровозу! Отцепить эту теплушку и увезти подальше.

Солдаты, собравшиеся было на митинг, быстро разбежались. Арестованные офицеры бросились в первую теплушку. Чекисты спрятались в укрытие возле вокзала.

Артем, как и все, поначалу опешивший, очнулся от окрика Александрова, нырнул под вагон и по шпалам побежал к паровозу.

«Только бы успеть», — на ходу повторял Артем. Мятежники выстрелили из пушки. Оглянувшись, он увидел облако пыли, медленно оседавшее на землю. Тревожно забилося сердце. Хотелось повернуть обратно. Но приказ есть приказ!

От сумасшедшего бега Артем задыхался, в боку колело. Но вот уже недалеко паровоз, вокруг которого с большой масленкой в руках ходил какой-то человек

в спецовке. Машинист с длинными седыми усами устало смотрел в окошко. Из паровозной будки, держась за поручни, вылезал Пстойко.

— Ваня! — закричал Артем, едва переводя дыхание. — Паровоз к эшелону надо, первую теплушку отцепить и увезти. Там пушка!

Матрос не заставил себя ждать: он мигом оказался в паровозной будке. Артем вскочил на подножку тендера.

— Ты сразу прицепляй теплушку, а я от эшелона ее отцеплю! — крикнул Артему Пстойко.

Паровоз на полной скорости мчался к эшелону, он подпрыгивал на стрелках и покачивался на поворотах. Артем крепко держался за поручни. Он не знал, что, пока бежал к паровозу, мятежники захватили Александра, не успевшего спрятаться в укрытие, и с ним еще трех чекистов.

... Громко лязгнули буфера. Пстойко выпрыгнул из будки и бросился к сцепке между первой и второй теплушками. Артем соскочил с подножки и сразу накинул цепь на крюк. Почти одновременно Артем и Пстойко поднялись на паровоз.

— В вагонное депо? — коротко спросил машинист.

Артем утвердительно кивнул.

Вагонное депо, или, как его называли, «вагонный сарай», находилось в полуверсте от станции. Сюда-то и загнал паровоз отцепленную теплушку. Офицеры не успели опомниться, как ворота в депо с двух сторон были закрыты.

Вскоре под командой Пстойко к вагонному депо прибыли бойцы и блокировали двери. Артем предложил мятежникам вступить в переговоры. Не прошло и трех минут, как к дверям с белой тряпкой на палке подошли солдаты и офицер. Артем заявил, что с офицером разговаривать не будет и требует, чтобы тот удалился обратно. Парламентерами остались солдаты.

— Вы что же, братцы, против своей власти пошли, за помещиков, за буржуев встали? — спросил Артем.

— Так мы люди темные, где она, правда-то, не знаем...

— Правда, она у рабоче-крестьянской власти. Советы дали крестьянину землю, сделали рабочих хозяевами заводов. А офицеры ваши хотят землю назад отобрать, снова посадить вам на шею царя и помещиков. Мы про-

сим передать офицерам, чтобы они немедленно освободили наших товарищей. Это раз. Вы должны выдать нам всех офицеров. Это два. И три: сдайте пушку, личное оружие и патроны. Вам, солдатам, гарантируем свободу. Вместе с эшелоном можете следовать дальше. Ну, так как, товарищи?

Солдаты долго переминались с ноги на ногу, чесали в затылках, но вот один из них сказал:

— Так мы что... Конечно, нам бы скорее до дому ехать надо. Пойдем всем обскажем...

Минут через десять к чекистам подошли Александров и бойцы. Александров был хмурый, как грозовая туча, а бойцы радостно улыбались.

— Ну и оплошка случилась! Верно говорится: век живи, век учись... Вот и наган вернули. Митингуют там... Со своими офицерами в разнотык пошли.

Вдруг за дверями послышался выстрел. Чекисты переглянулись и на всякий случай приготовились к отпору. Но ворота открылись, один за другим появились десять офицеров.

— А командующий-то наш... — произнес солдат-парламентер. — Одним словом, долго жить приказал... А нам бы скорее до дому... Почитай, с самого начала войны не бывали. Что там, как там?

— Вы уж извините, товарищи, — обратился к Александрову низенький солдат в прожженной шинели. — Народ мы темный, что к чему, не знали... Сбили нас господа офицеры с панталыку.

Свистнув, подошел паровоз, и теплушка была вновь прицеплена к эшелону.

— На митинг выходи! — закричали на перроне.

Солдаты поспешно выпрыгивали из вагонов и быстро шли к зданию вокзала. Несколько человек повернули было обратно к теплушкам, но на них закричали:

— Куда? Вишь, начальник говорить хочет...

Александров снял кожаную фуражку и сейчас стоял среди людей, как простой мастерской, в замасленной кожаной куртке, седоватый и сутулый.

— Солдаты! Видите тех золотопогонников под фонарем? — показал он на офицеров. — Они арестованы и больше не командуют вами! Вы желали мирно ехать по домам, а они сделали из вас предателей революции! Советская власть отдала крестьянам всю землю, а ваши

офицеры хотели, чтобы вы своими руками свергли эту власть. Они бывшие помещики и фабриканты и мечтают снова вернуть себе землю и заводы. Так неужели вы хотели помогать им?

Александров тихо, неторопливо, словно не на платформе, а в комнате, в кругу друзей, зачитал Декрет о земле, и солдаты одобрительно загалдели. Кто-то крикнул:

— Подлецы! К стенке их поставить!

Чекисты плотнее встали вокруг арестованных, боясь, чтобы солдаты не устроили самосуд.

— Мы вас не задерживаем! Поезжайте к своим семьям, — говорил солдатам Александров. — Выберите себе начальника эшелона, в теплушках назначьте дежурных и езжайте дальше. Только вот оружие сдать надо.

— А чего, оно нам не нужно!..

— Воевать больше не хотим.

... Через несколько минут дежурный ударил в колокол, свистнул паровоз, эшелон тронулся. В дверях теплушек, вытянувшись, стояли недавние бунтари. Руки они держали по швам. Александров, провожая теплушки, приложил руку к козырьку, как на параде.

6. МЯТЕЖНЫЙ ПОЛК

Хотя операция, несмотря на неожиданное осложнение, была проведена успешно, чекисты с тревогой ожидали разбора. Они знали характер своего начальника. Нешуточное дело — прозевать теплушку с пушкой. Кто-то же в этом виноват. А кто? Чекисты понимали, что Александров недоволен и имеет на это все основания. У чекистов ведь дело такое, что промахнешься — и жизнью можешь поплатиться. Да что там жизнью? Ворвись этот полк, возглавляемый контрреволюционным офицериком, в город, вся бы контрреволюция подняла голову, получив такую поддержку.

Артема и Постойко, возвратившихся из операции, встретила встревоженная Валя. Она слышала орудийный выстрел. С чего это стали стрелять из орудий в городе? Значит, бой? Значит, не удалось разоружить эшелон?

Едва войдя в комнату и увидев Валу, Артем крикнул:

— Удалось, удалось!..

— На ваше имя пакет принесли,— сказала Валя, обращаясь к Александрову.

Предгубчека небрежно взял склеенный из грязной бумаги конверт, разорвал его, достал листок с отпечатанным на пишущей машинке текстом. Читал он не торопясь. Брови его все больше сдвигались, пока не слились в одну темную изломанную по краям линию.

— Времени нет на разбор операции, — сказал он Постойко и Артему. — Анархисты изволили прислать ультиматум. Ультиматум! — Он умышленно поставил неправильное ударение на последнем слогe, чтобы подчеркнуть свое презрение к авторам письма. — Они заявляют, что всякая власть в городе отменяется, приказывают нам сдаваться... Ну как?

Чекисты молчали.

— Ни минуты передышки, — сказал Александров. — Не было передышки, и сейчас ее не может быть... От одной напасти избавляемся, другая напасть надвигается. Анархистов тоже за ниточку чья-то рука дергает. Ничего, и с ними справимся. Заговорили они так, потому что надеются на полк, стоящий в Первушинских казармах. Начнем с полка. Затем уже к ним, к постояльцам гостиницы. Поспать бы хорошо, — неожиданно заключил он свое обращение к чекистам, — да не получается. Надо идти разоружать мятежный полк. Артем, поднимай отряд. Все по местам.

Длинное кирпичное здание Первушинских казарм находилось на самом краю города. За ним тянулись пустыри, вдали смутно виднелись стены и башни древнего Прилуцкого монастыря. Казармы были погружены в темноту, в тишину; ничто, казалось бы, не говорило о подготавливаемом мятеже.

Александров и Артем знали все входы и выходы в этих казармах, они когда-то служили здесь. Операция проводилась точно по разработанному плану. Окружили казармы. В проходной будке находился один только часовой. Он не оказал сопротивления. В канцелярии полка светились окна. Чекистам повезло: там собралось все командование полка. Шло совещание. Постойко и чекист Рубин через выдавленное стекло ворвались в канцелярию. В это же время в дверь просунулись винтовки. На

заговорщиков больше всего подействовала внезапность, неожиданность нападения. Внушительное впечатление произвела и могучая фигура матроса, стоявшего в проеме окна с гранатой в руке.

— Тихо, — сказал Постойко, — не шуметь, а то...

Поняв безнадежность сопротивления, офицеры сдали личное оружие. Их увели. Только после этого чекисты направились в казарму. Солдат собрали в большом зале казармы. Злые, невыспавшиеся, они кинулись к пирамидам, где были составлены винтовки, но их не пустили вооруженные чекисты.

Тогда из толпы раздались возмущенные крики:

— Долой большевиков!.. Хватит дурить головы!..

Крики все нараста-
ли. На стол, стоявший
в простенке, вскочил
Рубин, чекист, рабочий.
Он выбросил вперед
руку и закричал:

— Долой больше-
виков!..

Это ошеломило кри-
кунов. Воцарилась ти-
шина. Как? Этот во-
оруженный чекист, этот
явный большевик сам
повторяет такие слова.
Что же это такое?..

А Рубин, не давая
солдатам опомниться,
продолжал:

— Да, товарищи
солдаты, долой боль-
шевиков — так гово-
рят только буржуи и
помещики, а больше-
вики требуют: долой
капиталистов, долой
помещиков, долой всех,
кто грабит народ, экс-
плуатирует рабочих и
крестьян. Я больше-
вик, и я вместе с вами
кричу — долой! Долой

таких господ! Вот видите, — Рубин распахнул куртку и
обнажил грудь, — видите этот шрам? Я получил его на
фронте. А вот здесь, на голове, у меня метка от удара
шашкой — это след шашки жандарма. В меня стреляли,
когда я кричал: «Долой войну!» Вернулся с фронта до-
мой и еще больше ожесточился на буржуев. Было у меня
шестеро детей, трое умерли с голоду!

Солдаты молчали.

— Товарищи, вы хотите ехать домой, но офицеры вас
не пускают. Они уговаривают вас выступить против со-
ветской власти, которая покончила с войной и дала кре-
стьянам землю, отобрала для народа фабрики и заводы!

Так чего же вы хотите? Какая еще вам правда нужна? Вот спросите у своего командира, князя Горчакова, за сколько он вас продал американцам?

— Командиров сюда, офицеров! — заорали солдаты.

Настроение их явно менялось под влиянием честной и прямой речи большевика Рубина.

— Где командиры? — кричали солдаты.

— Командиры арестованы, — сказал Александров. — Их будем судить. . .

— Вот. . . — сказал Рубин, но не договорил. — Откуда-то из задних рядов раздался выстрел, и смертельно раненный Рубин упал, обливаясь кровью.

— Так вот вы как! — крикнул с гневом и болью Александров. — Хотите, чтобы на кровь мы ответили кровью?

В это время снова раздался выстрел. Солдаты раступились. В конце образовавшегося живого коридора лежал мертвый человек с погонами вольноопределяющегося.

— Кто его? — спросил, потрясая кольтом, Постойко, пробираясь к телу убитого.

— Да мы его сами! — сказал высокий, худой солдат. — Это он стрелял в вашего. . .

Тяжелой для чекистов была потеря Рубина, смелого большевика, преданного до конца революции.

После разоружения полка ликвидация гнезда анархистов, засевших в гостинице, не представляла большого труда.

7. В ЗАПАДНЕ

Ни минуты передышки. В городе и в уездах развертывали работу партийные и советские организации, а Чрезвычайная комиссия охраняла их работу от многочисленных врагов революции.

У молодой советской власти работы было много, а людей зачастую не хватало, да и опыта было мало. Контрреволюционеры все больше и больше нагнали, находя поддержку в иностранных миссиях, получая оттуда деньги, оружие, инструкции.

У чекистов тоже еще не было достаточного опыта. Ну какой опыт был у Артема? Накапливалась ненависть

к врагам, крепла решимость, вырабатывались навыки разведчика, и все же... Как легко было оступиться, совершить ошибку. Александров учил быть смелым, но вместе с тем и осмотрительным, решительным, но вместе с тем и осторожным... А Артем, зная и понимая ценность смелости и решительности, не всегда понимал, как важно быть осторожным и осмотрительным, не всегда понимал, что на каждом шагу чекиста подстерегает смертельная опасность.

Позвонил телефон. Александров снял трубку и сказал «слушаю». По тому, как изменилось у него лицо, Артем понял: что-то случилось.

— Клевцов, — закончив разговор по телефону, сказал Александров, — скачи немедленно на Московскую. Стреляли в Иванова, нашего чекиста...

Артем стремглав слетел по лестнице. Еще издали он увидел толпу. Резко осадив лошадь, спрыгнул. Толпа рассыпалась. Остались только одиночки. Действительно, на тротуаре, широко раскинув руки в стороны, лежал Иванов. Мертв? Нет, залитая кровью грудь еле заметно поднимается. Кто-то из оставшихся возле раненого задержал извозчичью пролетку. Вместе с этим человеком Артем поднял Иванова, посадил его в пролетку, придерживая рукой, медленно повез в больницу. Человек, помогавший ему, оказался врачом. Он уже успел сделать раненому перевязку.

— Вот из-за этого забора стреляли, — приходя в сознание, сказал тихо Иванов.

На то, чтобы выговорить эти слова, ушли все его силы. Он снова потерял сознание. В больнице Иванова сразу же внесли в операционную. Пока шла операция, Клевцов ждал в коридоре, но вот вышел врач и сказал:

— Все как будто в порядке. Надо надеяться, что выживет. Но нужен абсолютный покой. Вот...

Врач протянул Артему сплюсненную пулю.

В Чека Артем не застал Александрова. Ни с кем не посоветовавшись и никого не поставив в известность, он взял с собой Валю и отправился к дому, на который указал Иванов. Он полагал, что с Валей они будут меньше обращать на себя внимания, — ну, пошла молодая пара влюбленных на прогулку. Конечно, это было с его стороны наивно. В таком городе, как Вологда, все, для кого это имело значение, уже успели присмотреться к его

длинной фигуре, успели разобраться в том, каким делом он занят.

Медленно прогуливаясь, Артем и Валя шли по деревянному тротуару. Как будто невзначай, остановились около того места, где был ранен Иванов. А потом так же спокойно подошли к калитке. Артем сдвинул щеколду и, пропустив Валю, вошел вслед за ней.

Забор был из штакетника — тонких и редких реек. Кусты, росшие вдоль забора, едва достигали Артему до плеч. Сквозь штакетник легко просматривалась вся улица. Отсюда, вероятно, и стреляли. Когда же Артем нашел в траве латунную гильзу от патрона, от которой все еще кисло пахло сгоревшим порохом, он окончательно убедился — да, стрелявший прятался за этим штакетником. И ушел он, конечно, не через калитку в заборе. В глубине сада стоял небольшой дом. Артем решил его осмотреть. На всякий случай он снял пистолет с предохранителя и позвонил.

Дверь сразу же открыли. За ней стоял старичок с седым бобрком на голове.

— Войдите, пожалуйста, прошу, — сказал он вежливо, будто только того и хотел, чтобы Артем и Валя пришли к нему в гости.

Наивный, наивный ты еще человек, Артем. Конечно же, старичок давно уже из окошка поглядывал, как ты шарнишь в саду, как ищешь чего-то. Он знал, чего ты ищешь. Ждал, что ты зайдешь к нему. Значит, у него и у тех, кто, возможно, пританцлся в этом домике, было немалое преимущество. Они знали, что ты идешь к ним, ищешь. А ты не знал, кто здесь, сколько здесь врагов, не знал, как их уличить.

В прихожей было темно, пахло нафталином. Артем не стал задерживаться и сразу же прошел в комнату. В комнате стояла мягкая мебель в белых чехлах, висели картины в тяжелых золоченых рамах. На одной из стен висели в ряд три портрета: чопорной старушки, строгой и скучной, седого генерала и молодого человека в форме прапорщика. В генерале Артем без труда узнал старика, открывшего ему дверь. «Вот куда меня занесло», — подумал Артем и взглянул на Валю. Та кивнула ему головой: мол, вижу, понимаю.

— Если не ошибаюсь, — сказал Артем, обращаясь к хозяину дома, — генерал...

Артем ждал, что хозяин назовет себя. Но тот насмешливо посмотрел на него и, не называя себя, ответил:

— Бывший! Некогда был им, а сейчас отставлен и занимаюсь садоводством и еще раскладываю пасьянсы. Молодой человек знает, что такое пасьянсы? И барышня, конечно, тоже знает? На старости лет единственное развлечение. Однако с чем пожаловали, за каким делом?

Артем, не отвечая, открыл дверь в следующую комнату. Пусто. Ни одного человека.

— Значит, никого?

— Как так никого? — обиделся бывший генерал. — А я?

Артем спросил:

— И никого у вас не было сегодня?

— Никого, молодой человек. Только что это, допрос? На каком основании, позвольте спросить? Кто вы есть?

Артем был уверен, что стреляли отсюда, что старик имеет прямое отношение к ранению Иванова. Ну что ж, надо его взять с собой, — в Чека его допросят люди более умелые.

— Придется вам пройти с нами, — сказал он. — Недалеко. Для выяснения некоторых обстоятельств.

— Вот вы, значит, кто, — сказал генерал. — Вот с кем имею честь. И барышня тоже из ваших? Хорошо, хорошо, пройду с вами. Только разрешите одеться, пальтецо у меня на кухне, изволите ли видеть. На кухне-с. Разрешите пройти одеться.

— Прошу, — сказал Артем, пропуская генерала вперед. И вдруг чья-то сильная рука сдавила ему горло, в рот забили пронафталиненную тряпку. Руки оплели веревкой, да так быстро и ловко, что он не успел даже сообразить, что глупо попался, не мог уже и крикнуть, даже шевельнуться. «Что с Валея?» — мелькнула мысль. Он рванулся, но его прижали еще покрепче.

— С барышней тоже порядок, — услышал он. — Не шелохнется!

— Также специалисты, — вымолвил кто-то с презрением. И от этого презрительного «специалисты» Артему стало еще горше. Как попались, как нелепо попались! И никто, главное, не знает, куда они пошли.

— Куда их? — спросил кто-то шепотом.

— Да чего таиться-то, господи, — ответил чей-то знакомый голос. — Они уже, считайте, безвредные.

— Считайте, безвредные, — передразнил насмешливый и в то же время властный голос. — Считайте. Глупость за глупостью! Лучшую нашу квартиру провалили.

— Так ведь . . .

— Разговоры прекратить! Раз уж так случилось, отвести этих двоих в сарай. Решим, что с ними делать. А с квартирой все, была квартира и нет квартиры. Увидите! Потом с ними поговорим, с сопляками!

Артема и Валю втолкнули в сарай.

— Сидите и думайте, — сказал все тот же знакомый голос. — В последний раз думайте и ждите. . .

Артем узнал голос. Это был Тихон. Заговорщики и убийцы не считали нужным таиться, они знали, что живыми пленников отсюда не выпустят. Почему же не убили сразу? Возможно, хотят что-то выпытать. Во всяком случае, встреча с Тихоном ничего доброго не могла предвещать.

Когда глаза Артема привыкли к темноте, он осмотрелся. Это был дровяной сарай, одну стенку которого занимала высокая поленница дров. Неподалеку стояли козлы. Как мешает тряпка во рту. . . Чем бы ее вытащить? Это нужно сделать прежде всего. Если бы близко какой-нибудь гвоздь или сучок.

Артему повезло. В ножке козел он увидел косо вбитый гвоздь. Перекатываясь со спины на живот, он подобрался к козлам. Оказалось не так-то просто добраться ртом до гвоздя и вытащить тряпку. Несколько попыток ни к чему не привели. Но вот еще одна — и тряпка повисла на гвозде. Можно вздохнуть. Можно говорить. Как противно во рту пахнет нафталином, как хочется пить! Но нечего об этом и думать. Сейчас надо помочь Вале. Уже испытанным способом, перекатываясь со спины на живот и с живота на спину, Артем подобрался поближе к Вале, шепнул ей на ухо:

— Сейчас и у тебя вытащу тряпку. Только тише, без шума. Нас стерегут. . .

Зубами он ухватил конец тряпки, и с силой потянул. Освободив у Вали рот, он зубами пытался развязать у нее узлы на руках. Не получалось, — узел оказался так туго связанным, что его никак нельзя было ухватить. Артем задыхался, обливался потом, но узел не поддавался. Что делать? . . . И когда, казалось, все надежды на освобождение от веревок были потеряны, Артем, пе-

ревернувшись, вспомнил, что у него под тужуркой на ремне финский нож. Бандиты забрали только пистолет.

— Валя! — тихо позвал Артем. — Понимаешь, финка у меня осталась. Бандиты не заметили. Так ты ее вытащи...

— Как же я?..

— А вот так, как я тряпку, — зубами. Забирайся головой под тужурку и тащи. Возьми черенок в зубы и тащи. А затем веревку разрежь.

— Попробую.

Артем повернулся так, что его поясной ремень оказался возле лица Вали. Она головой откинула полу куртки, там из ножен торчал блестящий черенок финки. Изловчившись, она взяла в зубы черенок и крепко его потянула. Он поддался легко.

— Режь веревку, — сказал Артем.

Валя неуклюже стала водить финкой по веревке, стягивающей запястья Артема, всего больше боясь порезать его руки.

— Не бойся, — сказал Артем, — режь смелее. Лучше немного пораниться, да уйти, чем дожидаться, когда убьют.

Оказалось, что веревка режется легко острым лезвием финки. К тому же и Артем хорошо помогал, натягивая веревку. Едва руки оказались свободными, он сразу же разрезал веревки, опутывавшие Валу, а затем освободил и ноги. Хорошо! Теперь уж, во всяком случае, их не так просто взять — смогут защищаться. Тело ныло, очень саднило в тех местах, где кожа была содрана веревкой, порезана ножом. Но все это было пустяками по сравнению с грозившей им опасностью. Надо было уходить, уходить во что бы то ни стало.

Осторожно обследовав стенки сарая, Артем обнаружил, что под одну из них не так уж трудно будет сделать подкоп. Финка пригодилась и тут. Было уже совсем темно, когда через подкоп они выбрались в соседний сад, перелезли через забор и оказались на улице. Не теряя времени, они добрались до Чека и сразу же вернулись к дому генерала вместе с отрядом чекистов. Но ни в доме, ни во дворе, ни в сарае никого не было. Да так и следовало предполагать. Закончив обыск, Александров вышел на крыльцо. Прямо, за невысокой изгородью, явственно проступал темный силуэт соседнего дома.

— Не иначе, как туда сбежали, сволочи, — сказал он. — Англичане недаром там разместились. Знают, что мы к ним не пойдём, тревожить не станем. Помог ты нам, Артем, ну и помоги! Придется с тобой разобраться. Поторопился ты, ох и поторопился. И вот они сейчас над нами смеются...

* * *

На следующий день в кабинете у Александрова собрались все чекисты. Не так-то уж их было и много, но это была грозная для контрреволюции сила. Грозная по своей связи с широкими массами трудящихся, по своей идейности и преданности революции.

Когда вошел Артем, за столом предгубчека уже сидели все члены коллегии. Александров, взглянув на Артема, постучал карандашом по чернильнице. Воцарилась такая тишина, что стало слышно, как где-то в углу, в паутине, жужжит попавшая в беду муха.

— Начнем! — посмотрев на Артема, сказал Александров. — Все знают вчерашний случай, вот о нем-то сегодня и пойдет речь. Вчера Артем Клевцов, — кивнул он в сторону Артема, — попался в лапы бандитов и вот ее, — кивнул он на Валю, — за собой потянул. Клевцов попал как обшипанный куренок во щи. Перехитрили его контрики и торжествуют теперь. Торжествует и его знакомый Тихон. Ну почему ты так сделал? — обратился он к Клевцову. — Почему провалил известную нам явочную квартиру?

— Я... я думал... я хотел... — заикаясь, начал говорить Артем.

— «Думал, хотел». Эх, голова твоя! Надо было лучше думать. А прежде чем хотеть, надо было со старшими посоветоваться. Что же, придется тебя наказать, — закончил свое выступление один из членов коллегии.

Снова встал Александров. Лицо было усталым и злым.

— Артем Клевцов, встать! — громко сказал он. — Вот нам троим, — показал Александров на членов коллегии, — больше полутора года лет, а тебе двадцать. Учили мы тебя... Да, видно, плохо. Не научили старших уважать. Ишь ты, — продолжал Александров, — нашелся тоже Александр Македонский. Все сам знаю, все сам могу... Зазнайка. Положи наган вместе с поясом на стол!

Артем судорожными движениями расстегнул ремень, вынул паган и положил на стол.

— Эх, Артем, Артем, — глядя из-под густых нависших бровей, укоризненно сказал Александров, — не таким я тебя раньше знал. Не малую ты сейчас ошибку совершил, большое дело нам испортил. Думал я, что ты дисциплинированный, самовольства не позволишь. Думал, смысленый парень растешь. Думал, что контрики тебя не перехитрят, а они взяли и перехитрили, голыми руками тебя взяли.

— Я... — о чем-то хотел сказать Артем.

— А ты не «якай»! — сердито перебил предгубчека. — Яканье до добра не доведет. — Сделав паузу и оглядев присутствующих, Александров добавил: — На первый раз за такую ошибку, по решению коллегии, даем тебе десять суток строгого ареста и на месяц отстраняем от командования отрядом. Постойко! Отведи Клевцова под арест в наше помещение, — приказал Александров.

Вот так в годы юности учили Артема большевики, учил его Дубец. И эта наука не пропала даром, она пошла на пользу Артему, который тоже хотел стать таким же большевиком, какими были его отец, Лапшин, Щерба-тов и Дубец.

Пока Постойко вел Артема под арест, он не переставая «травил» морские анекдоты и истории. Всю свою веселость матрос направил на то, чтобы развеселить явно приунывшего друга.

Проходя по двору к флигелю, где была гауптвахта, Артем неожиданно остановился и с веселинкой в глазах сказал своему другу:

— Тебе бы, Иван, не в Чека, а в цирке работать, большие бы деньги заколачивал...

8. ТАРАКАНЫИ СЛЕДЫ

Все больше крепла дружба Постойко и Вали, чувствовалось, что они любят друг друга. Артему тоже нравилась Валя, но он не мог не видеть, что к Постойко она относится теплее. Ревновал ли Артем? Завидовал? Трудно сказать. Ведь они все трое были друзьями. Артем знал, что Валя и Иван решили отложить свадьбу до победы

над врагами революции и считали это правильным. Ему ли, их другу, было мешать им.

Артему хотелось пройтись по тем местам, где он подростком был у всех на побегушках, когда жил в подвале и продавал вместе с Сенькой газеты. Тогда он был мальчишкой, а теперь стал взрослым, сильным, уверенным в себе и в той великой правде, которой он служил.

Вот они втроем идут по ночной Вологде. Над городом стоит какая-то особенная тишина. Слышно, как совсем недалеко хлопает ставень.

— Кажется, стреляют. . . — говорит Валя.

— Теперь каждый стук кажется выстрелом, — грустно сказал Артем. — Время такое. . . в выстрелах. . .

Над Вологдой плывут облака — серые и мрачные. Белеют в темноте нежные стволы берез. Ночь как марево, в котором город уплывает куда-то.

Трое друзей идут по городу. Они невольно сжимают в кармане рукоятки револьверов и косятся на заборы, — мало ли что может случиться.

И в самом деле, случилось.

Издали послышалось легкое постукивание копыт и тарактение телеги. Ночь взорвалась отчетливыми выстрелами. Едва слышное тарактение телеги превратилось в гроыханье колес по булыжной мостовой. Телега мчалась. . . ее кто-то преследовал. Послышались крики: «Держи! Держи!» И снова выстрелы.

Артем и Пстойко выхватили из карманов револьверы. И как раз вовремя! Из переулка, прямо на них, вынеслась телега. Лошадь нахлестывал вожжами грузный человек, в котором Артему нетрудно было узнать местного купчину — колбасника Мазалева. Увидев преградивших ему путь чекистов, Мазалев осадил лошадь. К телеге подбежал патруль. Колбасник испуганно забормотал:

— Все покажу, все расскажу, только отпустите. . .

— Куда везешь?

— Недалеко, совсем недалеко. . .

Валя уселась в телегу, Пстойко и патрулирующие красногвардейцы пошли вслед. И приехали они к дому, на котором красовалась знакомая Артему вывеска: «Мастерская гробов и прочих похоронных принадлежностей».

— Сюда? — спросил Артем.

— Сюда, — ответил колбасник. — Здесь. . .

— Так веди! — сказал Артем. — Только, смотри, не путай. Дом мне знакомый.

Вошли в дом. После случая в генеральском доме Артем был осторожен. Он расставил у дверей и окон патрульных, и только тогда начали обыск. В доме никого и ничего не обнаружили. Обманул колбасник? Не может того быть!

Странное чувство владело Артемом, когда он обходил дом. Вот здесь, на нарах, он спал. Вот там, в конце коридора, удавился в белой горячке Софрон. Но вот и хозяйские покон, где проживал Таракан с супругой. И никого! Дыхания нет человеческого. И никакого склада продуктов. Не уехал же «хозяин», не скрылся же Таракан в такое время, когда голодно, когда люди чаще стали умирать. Ведь он смертью и кормится, наживается на ней; чем больше людей умирает, тем больше гробов нужно.

Казалось бы, нет ничего веселого в мыслях о гробах, но Артем вдруг вспомнил, как вначале пугали его гробы, а потом он уже не боялся их и спал в гробах, на стружках, потом он вспомнил, как спрятал Лосева в гробу. Может быть, и склад ворованных продуктов в этих гробах?

— Пошли, — сказал он Пстойко, — надо в гробы заглянуть.

По тому, как посмотрел купчина-колбасник, Артем понял, что догадка его верна.

— Что ж, пошли, — улыбнулся матрос.

В магазине было холодно, должно быть, давно уже не топлено. Стали поднимать крышки гробов — в каждом масло, свиные окорока, сахар, галеты, консервы в банках. В самом дальнем гробу возлежал сам хозяин, сам Таракан, выставив вперед жиденькую вермишельную бородку. Он и впрямь походил на мертвеца. Почти восковое лицо все в каких-то серых складках, глаза прикрыты так, что видны только щелочки.

— Здравствуй, хозяин, — сказал Артем. — Открой глаза-то, проснись, восстань из гроба!

Таракан открыл глаза, посмотрел на всех тусклым взглядом, но из гроба не восстал, продолжал лежать так же недвижно — уж очень не хотелось ему вставать при таких гостях, уж очень он огорчился, что обман его раскрыт. Но ничего не поделаешь, — подумал, подумал и

встал с кряхтением, с пришепетываниями, будто он не в себе.

— Ну, ну, не надо придуриваться, почтенный, — сказал матрос. — Из мертвых воскрес и радуйся! Благодарю господу! Или не хочешь?

Не отвечая, Таракан выбрался из гроба и поспешно закрыл его крышкой. И, должно быть, не совладал с собой. Уж очень поспешил накрыть гроб, будто не все равно ему-то, открыт гроб или закрыт. И это навело на подозрения. Крышку сняли, стали перебирать стружки, и не зря — нашли в стружках кожаную сумку. Таракан был серым, а тут позеленел даже, охнул и сел на пол. Когда сумку раскрыли и опрокинули на стол, посыпались царские деньги: четвертные, сотенные билеты, а за бумажками посыпались и золотые пятирублевки и десятки.

— Разбогател, значит, хозяин?

— Трудами, трудами своими, — забормотал тот и потянулся к деньгам.

— Не торопись, хозяин! А зачем продукты прятал?

— Продукты хоронил — голода боялся. Не продавал, не спекулировал, запасал только... Нет такого закона, чтобы нельзя было запастись.

— А зачем ты, хозяин, в гробу прятался? Прилично ли почтенному человеку в гробу спать? Ведь в покоех, там пуховики — мягко, тепло. И куда это все — деньги, золото, продукты? Годков-то тебе, поди, немало?

— На седьмой десяток пошло, — мрачно ответил Таракан. — На седьмой!.. Старость бы уважить надо! А вы, антихристы...

Таракан чуть не задохнулся от ненависти. Не ожидая для себя ничего хорошего, он махнул рукой и сел.

— Берите, все берите, — выдавил он, — только меня не трожьте, душу мою на покаяние отпустите.

— Еще, верно, кое-что припрятано, — сказал матрос. — Вот и жалко.

Таракан не ответил.

— А где Аксинья? — спросил Артем.

Что-то вздрогнуло в Таракане, глаза стали живее, осмысленнее.

— С Тихоном она, — сказал он в бессильной злобе. — Мне она теперь без надобности.

— А Тихон где?

— Это нам неизвестно.

— Что ж, придется в Чека прогуляться, — сказал Артем. — А вдруг что дельное про Тихона расскажешь, а может, и про другие склады.

Таракана и купца-колбасника, соучастника его спекуляций, арестовали. Допрашивал их Александров. Он предупредил Артема и Постойко, чтобы они никуда не отлучались.

Прошло немало времени, когда к Александрову вызвали Артема и Постойко. Таракана в кабинете уже не было. Друзья вошли в кабинет, Александров даже не шелохнулся. Александров склонился над бумагами. Артем кашлянул. Александров вздрогнул, поднял голову. По глазам его было видно, что он на какое-то мгновение вздремнул, забылся; удивляться не приходилось — когда только он спал?

— Мне, собственно, — сказал он, — один только Клев-

цов нужен. Ты, — сказал он, обращаясь к Артему, — Широково и Широковскую волость знаешь, бывал там?

Артему очень хотелось узнать, что рассказал Таракан, но он знал, что вопросов задавать не следует: надо будет для дела — скажут, а для любопытства здесь места нет. Вопрос Александрова его не удивил.

— Бывал в Широково, но давно, еще совсем мальчишкой.

— Однако в памяти кое-что сохранилось?

— Кое-что сохранилось...

— Товарищ Постойко, крикните дневальному, чтобы впустил сюда председателя Широковского комбеда, он в коридоре на скамейке сидит...

Через минуту в кабинет вошел весь взъерошенный, с жиденькой бородкой, дядька Ерофей, которого Артем очень хорошо запомнил еще с тех, не столь уж давних, времен, когда жил в Широковском приюте. Ведь это к нему, бедняку из бедняков, дяде Ерофею, он, тогда еще Артемка, часто бегал из приюта. Это он, дядя Ерофей, на прощание подарил ему глиняную свистульку.

Дядя Ерофей был председателем Широковского комбеда. На днях в Широково кулаки выступили против советской власти. Волостной милиционер присоединился к ним. Вооруженные винтовками и обрезам, кулаки захватили председателя волисполкома, учительницу, членов комбеда. Может быть, их уже и в живых нет. Кулаки ходили ночью по избам, брали работников волисполкома и советский актив. Вот только ему, Ерофею, удалось спастись: не спалось в эту ночь ему, вышел он из избы, услышал шум и спрятался...

— Вот, товарищ Девочкин, — сказал Александров, — мы к вам с отрядом чекистов пошлем товарища Клевцова. Он ваши места хорошо знает, да и вы ему можете...

Только при этих словах Ерофей взглянул на Артема и узнал его.

— Вот, ероха-воха, — всплеснул он руками, — неужто Артюха?

Однако предаваться воспоминаниям времени не было.

— Значит, так, товарищ Клевцов, — сказал председатель Губчека. — Возьмешь два десятка конников и скачи в Широково. Действуй по обстановке. Самых вредных тащи сюда, мы с ними здесь разберемся.

— Что ж, пошли, — сказал Артем Ерофею. — Раз сказано не медлить, так и не будем медлить.

Артем был доволен поручением. Значит, и после недавнего провала ему все же доверяют, посылают на опасное дело. И чем большей была опасность, тем большим было и доверие.

— Вот что, — сказал Александров, когда Артем подошел к двери. — Учти, там можешь встретиться со старым знакомым, с Тихоном. Помни: зверь он опасный. Так что будь осторожнее, действуй смело, но осмотрительно. Товарищ Девочкин и беднота тебе помогут. Действуй!

— Постойко с нами? — спросил Артем.

— Постойко останется здесь, — сказал Александров.

...И вот, было это в начале июля, двадцать конников поскакали в Широково. Всю дорогу Ерофей рассказывал о жизни в Широково, о кулацком восстании, о работе комбеда.

Вот и широковские места: вдали виднеются белые монастырские стены, колокольня, яблоневый сад. Здесь чекисты спешили, до села добирались глубокими оврагами, скрываясь за деревьями, за густым и высоким кустарником. Перед огородами залегли за плетни, осмотрелись и поползли к дому Мелитины.

Ерофей говорил, что именно у Мелитины находилась вся головка восставшего кулачья — возможно, что здесь и Тихон. Действительно, стоило им приблизиться незаметно к дому и залечь перед последним броском, как они услышали голоса.

— Что ж ты думаешь, — говорила Мелитина, — не придут сюда?.. Навалятся из Вологды силой, куда денемся? Тебе-то все одно, а у меня дом, добро.

— Добро! — ответил мужской голос. — Все одно отберут твоё добро. Считаю, пока с коммунистами не покончили, нет у тебя добра. А покончим, возвернем сторицею, с прибылью. Не такой еще хозяйкой будешь. И я к тебе в пай пойду. Возьмешь?..

— Не о том говоришь. Денемся-то мы куда, если нагрянут из Вологды?

— Есть куда. Есть верное место... .

Прячась за заборами, чекисты подползли к забору и

сквозь щели заглянули во двор. Посредине двора стояли два мужика, Мелитина и... Тихон.

Приглядевшись, Артем увидел на козлах, где пилили дрова, положенного, как бревно, связанного человека.

— Ну, что ж, надо его кончать, чего там! — Тихон кивнул на козлы.

— Ты! — крикнула зло Мелитина. — Тебе бы только убивать! Тебе что — ни порток своих, ни шапки нет, терять нечего. А я куда от всего своего денусь, куда?

— Опять завела, — отмахнулся Тихон. — Пусть все горит огнем. Вот петуха пустим — и порядок!

— Ну, уж это ты брось! — сказал один из стоявших рядом мужиков. — Мелита права: тебе что, а нам здесь жить.

— Жить? — насмешливо передразнил Тихон. — Жить! Не дадут вам жить так, как хотите, если не поубиваем их.

Тихон отошел в угол двора, нагнулся; в руках у него оказался топор, он прикинул его на руке.

— Гоже! — сказал он и направился к козлам.

— Тебе что человека убить, что курицу, — сказала Мелитина и отвернулась.

— Легче, — сказал Тихон. — Курица без головы по двору мечется, ее ловить надо, а человек сразу готов.

У Артема по спине пробежали мурашки — так страшен был спокойный, даже ленивый голос Тихона, собиравшегося убить человека. Когда Тихон, поигрывая топором, спросил у своего пленника: «Ну, помолимся, большевик?» Артем поднял наган. Но его опередил один из бойцов, выстрелил и... промахнулся. Тихон пригнулся за козлами. Стрелять в него было нельзя, можно попасть в привязанного к козлам своего человека, которого надо было спасти.

После выстрела чекиста Мелитина и мужики легли на землю.

Тихон, отстреливаясь, побежал к дому и, выскочив на задворки, петляя, побежал к лесу. Погоня за ним была бесполезна.

Артем разрезал веревки, которыми был прикручен к козлам молодой парень, и срывающимся голосом закричал:

— Найти остальных бандитов! И за глотку их берите.

Вплотную подойдя к Мелитине, Артем тихо спросил, подняв наган:

— Ну?

— В подвале, — тихо ответила Мелитина, глядя на Артема в упор единственным глазом. — Там...

Снятый с козел человек оказался председателем вол-исполкома. Тихо, еле слышным голосом он сказал Артему:

— У них, кроме этих, еще шестеро. И волостной милиционер, подлец, с ними. Ушли в лес, в банду. И эти должны были уйти, да не успели. Главным у них Тихон Волобуев, вологодский.

— Знаю, — ответил Артем.

— Секретаря исполкома нашего они убили, остальных заперли в подвал...

Мелитину и двух мужиков, оказавшихся кулаками из соседнего села, решили отвезти в Вологду. Тяжко было на сердце у Артема: опять упустил Тихона. Он понимал, что промахнувшегося чекиста ни в чем нельзя упрекнуть — он поторопился спасти жизнь товарищу, поторопился и промахнулся. В такой обстановке любой мог промахнуться.

Тактика кулаков Артему была понятна. Они и не собирались вооруженной силой удерживать в руках село. Они хотели только напугать бедноту, уничтожить советский актив, держать всех крестьян в состоянии постоянного страха. Кулаки не решались идти в открытый бой, а хотели внезапно налететь, убить, поджечь и скрыться!

После ликвидации кулацкого заговора Артем провел собрание бедноты, объяснил им положение в стране, на фронтах, рассказал, как создать свои вооруженные отряды, укрепить село и держать связь с Вологдой.

Обратно ехали мимо монастыря. В телеге сидели Мелитина и два сельских кулака, — их везли в Вологду. У монастырского сада Артем через лаз на несколько минут проник в сад. Он нашел яблоньку, которую посадил, когда прислуживал монаху Ферапонту. Яблонька разрослась и была густо усеяна маленькими зелеными плодами. Любовно погладил Артем ее гладкий ствол, сорвал одно яблоко и положил в карманы.

Ерофей провожал чекистов. В монастырском саду он попрощался с Артемом.

— Эх, — сказал он Артему, — дела-то какие, ероха-

воха. Не поддадимся мы им, Артюха, не поддадимся, как бы они ни лютовали. Не возвратится старая жизнь, никак! Я вот теперь человеком себя почувствовал. До этого от мироедов только и слышал, что лодырь я, что двор мой небом крыт, полем огорожен. А с революцией этой, когда на бедноту власть опору взяла, такую я в себе силу и решительность почувствовал, что и обсказать не могу. Я теперича и «Бедноту» читаю, всю грамоту вспомнил. И решил из оглобель выскочить. Землю-то мы между собой поделили и Приречье себе взяли, а что?!

— Да ничего, — сказал Артем, слушавший Ерофея и с удивлением и с удовольствием, — все правильно!

— Ферапонта-то твоего нет, в скиты подался, — сказал Ерофей.

— Слышал. Ты мне об этом дорогой рассказал.

— Ну, прощай... Глиняной свистульки тебе теперь, поди, не надо? — улыбнулся Ерофей.

— Вроде и пригодилась бы, — пошутил Артем.

— Так вот тебе, — сказал Ерофей, вынув из кармана свистульку. — Бери. Я тут для одного мальчонки большого таскал в кармане, да не донес, бандиты наскочили. Ну, я ему другую подарю. Возьмешь, что ли?

— Возьму, — сказал Артем.

Большое, теплое чувство нахлынуло на Артема. Он как бы получил привет из своего одинокого детства.

Ласково простившись с Ерофеем, он догнал отряд и молча поехал впереди. Долго не выходили у него из головы слова сельского бедняка, почувствовавшего себя человеком, хозяином жизни.

Перед самой Вологдой Артем подъехал к телеге с арестованными и спросил у Мелитины:

— Как это ты, хозяйка?

— Какую гадину пригрела! — зло сверкая единственным глазом, сказала Мелитина. — Мало ли я для тебя, воши приютской, сделала. Эх, люди-и-и!

Артем, не слезая с коня, нагнулся и, дернув за веревки, связывавшие Мелитину, спросил так, что она сжалась, словно ожидая удара:

— Вошь приютскую, говоришь? А я, между прочим, чужой крови не пил, как ты. Кто же из нас вошь, а кто человек?

Не дожидаясь ответа, Артем выпрямился, хлестнул коня. Въезжали в Вологду.

9. СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Как бы много времени ни отнимала борьба с врагами революции, какой бы трудной и опасной она ни была, как бы ни изматывала физические и духовные силы, — чекисты обязаны были учиться. Таков был непреложный закон. В советском учреждении, на заводах и фабриках — всюду, где трудились люди, создавались кружки самообразования и политической грамоты.

Работая и сражаясь, народ не выпускал книги из рук. И Артем, и Валя, и Пстойко с жадностью читали, решали задачи, обсуждали текущие события, изучали политические науки. Чекистам особенно нужно было правильно разбираться в вопросах политики партии, знать особенности борьбы враждебных партий против советской власти. Артем только что со своим отрядом вернулся в Широково. Хорошо бы отдохнуть. Но, узнав, что через полчаса начнутся занятия кружка текущих событий, он остался в Чека, в комнате, где должен заниматься кружок.

Каждый день приносил что-нибудь новое, и это новое нужно было знать.

Враги революции — эсеры и меньшевики — продолжали вести свою подлую работу против молодой советской власти. Нередко они запутывали неустойчивых рабочих и даже пытались заставить их вести враждебную работу. Вот таким образом они запутали и рабочего железнодорожных мастерских Сухова.

Рабочий Сухов — человек трудной жизни — в семье сам-седьмой. Враги подобрали ключи к Сухову, уговорили его, что во всех недостатках — голоде и безработице — виноваты большевики. Сухов стал активным агитатором против советской власти.

— Разберись, кто за ним стоит, — сказал Артему член коллегии Иванов. — Он-то сам, возможно, и не очень виноват, дал себя обдурить, и только.

Артем распорядился привести Сухова. Взяв лист бумаги, Артем надписал в верхнем углу: «Протокол допроса от 2 сентября 1918 года». Подчеркнул. Стал ждать.

Сухов оказался высоким и худым, с изрытым оспой лицом, с большими, тяжелыми руками.

— Садитесь.

Сухов сел, свесив руки между колен.

— Выступали против советской власти? — в упор спросил его Артем. — Агитировали?

— Нет, не агитировал. И против советской власти не выступал. Разговоры о том, что голодаем, были... Но разве это не правда?

Сухов неожиданно улыбнулся и показал глазами на черствый кусок хлеба, лежавший на газете возле Артема.

Что-то было в Сухове располагающее к себе. Не хотелось думать, что это враг. И ведь правда, что голод душит людей. Только по-разному можно говорить об этом. По-разному...

— Состоите в партии эсеров?

— Состоял, — ответил Сухов.

— Вышли?

— Не выходил.

— Значит, состоите?

— Это как считать! Может, они и числят меня своим, но только я никакой работы не веду и вести не собираюсь.

Вдруг допрос прервал ворвавшийся в комнату Постойко.

— Смотри, — крикнул он, — вот гады! На, читай! Вот здесь читай...

Иван протянул газету.

— После, — сказал Артем, — видишь, я занят.

— После, после... Мы тут с ними, гадами, чикаемся, кисели разводим, а они, — матрос грубо выругался, — видишь!

Он повернул газету так, что Артему бросился в глаза заголовок:

***„Воззвание ВЦИК в связи с покушением на
В. И. ЛЕНИНА“***

Артем стал читать. В газете говорилось о злодейском покушении на жизнь В. И. Ленина. «За каждое покушение на деятелей советской власти и носителей идей социалистической революции, — читал Артем, — будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

Постойко воспаленными глазами следил за Артемом и будто только ждал, чтобы тот закончил чтение.

Когда Артем поднял глаза от газеты, матрос снова взорвался.

— Следствия разводим, допрашиваем, миндальничаем!

Артем словно забыл о Сухове. Он весь был во власти одной мысли, одного чувства. Беззвучно он повторял одни и те же слова: «Эсеры стреляли в Ленина, эсеры... в Ленина».

— Вот сидит эсер, видал? — сказал он Ивану. — Видал фрукта? Вроде состоит и вроде уже не состоит. От-

пускать собирался его. А его приятели, видишь ли, стреляют... и в кого!..

Матрос выхватил наган и двинулся на Сухова. Тот с помертвевшим лицом смотрел, не делая никакой попытки бежать, уклониться в сторону от направленного на него оружия. Ни Артем, ни Пстойко не понимали, не могли в тот момент понять, как велико было потрясение рабочего Сухова, обманом вовлеченного в партию эсеров. Но Артем все же опомнился раньше своего товарища.

— Не смей! — крикнул он и схватил Ивана за руку. — Не смей!.. — Артем позвал конвойного и велел увести арестованного.

Пстойко сунул наган в карман тужурки, слепым, невидящим взглядом посмотрел на Сухова, круто повернулся и вышел за дверь.

Как ни сильна была ненависть к врагам революции, но в деле рабочего Сухова разобрались и пришли к выводу, что нет никаких оснований держать его под арестом. Сухова выпустили.

Пять дней не было Артема в Вологде. Он снова уехал в командировку. Как только он вернулся, его вызвал председатель Губчека.

— Вернулся? — спросил он. — Жив? Дел у нас, Клевцов, невпроворот. И знаешь, с кем одно из них связано? С твоим бывшим подопечным Суховым. Вот так!

Предгубчека положил руку на лежавшую перед ним желтую папку.

— Понимаешь, какая штука. Пришел к Сухову один человек, эсер. Ну, сыграл в благодетеля, принес кое-какую еду, мол, смотри, как мы о своих заботимся. И тут же стал всякое говорить о советской власти. спрашивает: «Понял ты, какая она — советская власть, какая она — Чека?» Тот говорит: «Да, понял». — «А если понял, то слушай». И предложил Сухову спрятать у себя одного человека, который придет к нему. Все обговорили — день, пароль, даже внешность этого человека. Ну, Сухов через некоторое время прибежал сюда. После покушения на Ленина он искренне отошел от эсеров, понял, что они ведут себя как предатели. Словом, сегодня вечером этот человек придет к Сухову. Слежку мы установить не можем, надо брать. Вы со своим дружкой — матросом — и сделаете. И чтобы не упустить, слышишь?

Через час Артем в крестьянской одежде, с мешком за плечами, постучался к Сухову. Дверь открыл сам хозяин. В темной прихожей Артем сбросил мешок и сказал, как было условлено:

— Что же не приглашаешь, хозяин?

— Заходите, вас ждут, — ответил Сухов.

Артем быстро договорился с Суховым, как лучше пройти в дом незамеченным, осмотрел прихожую и комнату, прикинул, где лучше расставить чекнистов. Выходя, он протянул руку Сухову и смущенно сказал:

— Вот что, вы не сердитесь на нашего матроса. Уж больно горе было велико. Да и вас мы не сразу поняли. Мы ведь рабочие, нам надо быть вместе, заодно. Не сердитесь?

— Не сержусь, — тихо ответил Сухов. — На вас не сержусь, на них сержусь. Я теперь с вами, совсем с вами.

— Вот и хорошо. — Артем крепко пожал руку Сухову.

Гость пришел почью. Хотя его и ждали, условный стук в дверь был неожиданным, и Артем, сидевший вместе с матросом в темной прихожей, вздрогнул. Сухов со свечой, прикрытой ладонью, пошел открывать.

Прижавшись к стене, прикрытый дверью, Артем услышал:

— Это у вас пять дочерей?

— У меня.

— Я привез вам пять буханок хлеба.

— С удовольствием примем.

Человек поднялся по ступенькам к открытой двери.

Сухов отвел от свечи ладонь, и ветер, ворвавшийся с улицы, мгновенно задул пламя. Артем успел схватить «гостя» за руку, засунутую в карман пальто, а Иван одним движением выбил пистолет, который тот все же успел извлечь из кармана.

Когда чекнисты ввели задержанного в комнату и хозяин зажег свет, Артем взглянул на почного гостя и узнал... Рогожина. Да, это был тот самый офицер, который приютил его, Артема, в Питере, тот самый офицер из запасного полка, который так любил порассуждать о смысле жизни, о революции. Старый знакомый!

Артем ждал кого угодно, но только не Рогожина. Добродушный, всегда говоривший с отвращением о войне и пролитой крови, Рогожин не был похож на врага, которого следует остерегаться. Рассказывая председателю Губчека о Рогожине, Артем высказал некоторые соображения о том, как, по его мнению, должен идти допрос. Но Александров только усмехнулся.

— Это, брат, психология, — сказал он. — А кроме нее существует логика классовой борьбы. Что ж, если Рогожин твой старый знакомый, передадим это дело в другие руки.

Александров на минуту задумался и сказал:

— Смотри, Артем, может быть, все же возьмешь его. Этот твой Рогожин должен многое знать. Вдруг ты с ним действительно договоришься.

Артем помолчал и потом сказал:

— Хорошо. Дело Рогожина я возьму на себя. Уверен, что после встречи с Тихоном я буду более осторожен.

Артем был убежден, что Рогожин действительно стал врагом. Факты — упрямая вещь. Пистолет в кармане, пачки денег, документы на чужое имя говорили о многом. А тут еще найденные у Рогожина три длинные капсулы из желатина, в которых лежали свернутые в трубочку листочки, мелко исписанные цифрами и буквами. должно быть, шифром.

Артем занялся вещами, отобранными у Рогожина при обыске: развинтил зажигалку, стал просматривать папиросы, лежащие в массивном серебряном портсигаре с замысловатой монограммой на крышке. Он несколько не удивился, когда под лупой рассмотрел на одной из папирос, там, где обычно стоит марка фабрики, чертеж, набросанный очень тонкими, еле заметными даже при увеличении, линиями. Отложив папиросу в сторону, он обратился к шифровкам, но в них ничего не понял. Приглашенный Артемом специалист по шифрам сказал, что так быстро такие тайны не разгадываются, — придется повозиться, подумать... Завтра он доложит.

Когда шифровальщик ушел, к Артему зашел член коллегии Иванов. Увидев лежащую в стороне папиросу, обрадовался:

— Вот и покурим, — сказал он.

— Товарищ, товарищ Иванов! — испуганно крикнул Артем. — Что вы делаете?

— Как что? — удивился Иванов. — Собираюсь заку-
рить.

— Положите папиросу на место, — сказал Артем. —
На папиросе какой-то чертеж. . .

— М-да, — сказал Иванов и, вооружившись лупой,
стал разглядывать показанный чертеж. Лицо его сразу
стало серьезным и строгим.

— Где взял? — спросил он.

Артем рассказал.

— А ведь я, кажется, понял этот чертеж.

— Понял?

— Да. Смотри, видишь, железная дорога от Вологды
до Питера. Точно? Точно. Вот река Шексна. Вот мост
через нее и в этом месте малюсенький крестик. Крестик
такой маленький, что и в лупу разглядеть трудно, а озна-
чать он может только одно, что с этим мостом что-то со-
бираются сделать. . . Вернее всего, взорвать. И, вот ви-
дишь, еще буквы «СВ». Мы эту метку знаем. Означает
она офицерскую организацию «Союз возрождения».

— Дело серьезное, — сказал Артем.

— Безусловно, серьезное, можешь не сомневаться. Не
такая уж мелкая птица твой Рогожин.

Артем не мог дожидаться утра и вызвал Рогожина на
первый допрос ночью. Конвойный ввел Рогожина в ком-
нату и вышел. Рогожин устало опустился на стул.

— Как же вы все-таки оказались здесь? — мягко спра-
сил Артем.

— Вы вызвали меня на допрос? — спросил Рогожин
и в первый раз после ареста посмотрел на Артема.

— На допрос. К сожалению, на допрос. Не могу по-
верить, что это вы, что наша встреча должна была со-
стояться при таких обстоятельствах.

— Не надо, — досадливо сказал Рогожин. — К чему
разговоры и всякие там воспоминания? Все ведь ясно.
Расстреляете? Так и скажите! Я примирился со своей
участью. Со своей точки зрения вы, возможно, и правы. . .

— Ну зачем же так торопиться, Дмитрий Алексеевич!
Расстрел вовсе не обязателен, совсем не обязателен. Все
зависит от вас, от вашей искренности. . . Вот курите, это
ваши. Но, помнится, вы не курили. . .

— А теперь курю. И действительно, очень хочется ку-
рить.

Рогожин потянулся к портсигару, на какое-то мгнове-

ше задержался глазами на папиросах, прежде чем выбрать одну. Затем быстро взглянул на Артема и усмехнулся:

— Вы психолог, Артем! Вы приобрели в своем деле некоторый опыт. Научились, значит?

— В чем дело, Дмитрий Алексеевич?

— Не будем играть в прятки. Я не нашел здесь папиросы, которую выкурил бы с особым удовольствием. Ну, если я не нашел, — значит, вы нашли и устроили мне проверку. Так?

— Пусть так, — сказал Артем. — Хитрости здесь особой нет. И вообще нам не следует хитрить друг с другом, особенно вам.

Рогожин закурил и, казалось, наслаждался папиросой, ни о чем не думая. Он следил за дымком и делал это так, будто для него сейчас это самое лучшее занятие на свете. Вот так сидеть и покуривать.

Артем не торопил его. Он понимал, что Рогожин вовсе не так уж увлечен папиросой. И, конечно, думает не о дымке, а о чем-то более существенном для него в данный момент.

— Вот что, — вдруг заговорил Рогожин, — я всегда к вам хорошо относился, Артем. Скажите по совести, сведения нужны вам лично, для карьеры?

Артем помолчал. Он понимал состояние Рогожина. В самом деле, давно ли он находился на положении покровителя Артема. Он жил в мире, где не знали нужды, хорошо одевались, хорошо и вкусно ели. Он жил в богатой квартире, за ним ухаживали слуги. А кем был Артем? Жалким, бесприютным, бесправным «солдатиком». И вот этот «бесприютный солдатик» допрашивает его, офицера Рогожина, он стал хозяином над его жизнью и смертью. Так нельзя ли его обидеть, задеть побольнее разговорами о карьере, а там будь что будет.

— Знаете, чего я хотел бы больше всего сейчас? — спросил Артем. — Я хотел бы, чтобы мы сидели сейчас с вами в Петрограде, в вашей квартире, и разговаривали спокойно и свободно. Вы, конечно, образованнее меня, больше книг прочитали, но думаю, что не только вы, но и я теперь мог бы кое-что рассказать, кое о чем поспорить. Я теперь многое понял, многое мне объяснили умные и честные люди — большевики, те самые большевики, против которых вы идете. Я и сам большевик! В этом

вся моя жизнь. А что касается ваших сведений, то, поверьте, Дмитрий Алексеевич, они мне нужны не для карьеры. Не нужна мне карьера. Хорошо бы сейчас, знаете чего? Чаю крепкого с настоящим сахаром, с пирожком каким-нибудь. И еще, признаюсь вам, очень спать хочется. А сведения... Что ж, это ваше дело — говорить или не говорить. Людей жаль — много людей может погибнуть. Вы же сами, помнится, говорили: «Зачем столько крови?» Помните? И ведь мы не хотели крови. Но сколько бы ваши друзья ни пролили крови, все равно старому не вернуться. Никогда.

Рогожин слушал спокойно и внимательно. Но при последних словах Артема он разволновался.

— Кровь вы начали лить. Вы!..

— Что вы, — ответил Артем. — Подумайте только, что вы говорите! Питер на народных костях построен. А через строй небось не господ офицеров гоняли, не их палками били... Крепостных избивали до смерти. А не ваши ли деды и прадеды были крепостники? У нас эту простейшую политическую грамоту каждый подросток знает. И рабочим вы тоже не были, значит, не из вас сосали кровь заводчики и фабриканты день за днем. Триста лет цари Романовы правили народом, сидели на плечах народа — не на ваших плечах. На ваши плечи они офицерские погоны положили. А кроме царя, вас, господ, были еще Нобели, Рябушинские...

Рогожин вздрогнул. Сам того не подозревая, Артем сделал то, чего не сделали бы долгие споры и уговоры. Жена Рогожина ушла от него с одним из Рябушинских. Рогожин ненавидел самое это имя — Рябушинские. Сейчас эта ненависть всколыхнулась в нем с большой силой.

— Возможно, в ваших словах и есть правда, только мне необходимо подумать. Дайте мне время подумать. Хотя бы эту ночь. Есть у вас время? — спросил Рогожин.

— Есть, — сказал Артем, — много времени нет, но немного найдется. Подумайте, Дмитрий Алексеевич, подумайте! Мы крови не хотим. И если вы расскажете, крови прольется меньше, многие хорошие люди будут спасены.

Утром Артем слово в слово передал Александрову весь разговор с Рогожиным. Тот поглядел на Артема с недоверием. Этот взгляд мог означать: «А не зря ли я тебе

доверил такое серьезное дело? Ты все еще продолжаешь жать на психологию, а мне нужны его показания». Как выяснилось, шифровальщик всю ночь бился над загадочным шифром, но так и не нашел ключа к нему. Он определил только, что шифр «книжный». Нужно знать, какая книга является ключом.

— Ну что ж, — сказал Александров. — Будет молчать — пустим этого Рогожина в расход, а там уж чего-нибудь предпримем. . .

Едва Артем вернулся от Александрова к себе, как дежурный позвонил ему по телефону и сказал, что один из арестованных хочет с ним говорить. Через несколько минут Рогожин вошел в комнату. Он был еще более бледен, очевидно, ночь прошла без сна. Он сел напротив Артема, спокойный, но уже не равнодушный, а сосредоточенный, словно прислушивающийся к какому-то внутреннему голосу.

— Вот что, — тихо сказал он. — Я знаю, что вы меня расстреляете. Но вы правы — пусть лучше меньше прольется крови. Вы нашли у меня в каблуках эти. . . — Рогожин кивнул на капсули. — Шифр «Евгений Онегин» Пушкина, с первой страницы — «Мой дядя самых честных правил. . .» Но что там, я не знаю. Вы записывайте, записывайте все.

Артем записывал. Одну капсулу Рогожин должен был передать Игнатьеву — главному представителю ЦК партии эсеров, другую Турубе — эсеру; третью полковнику Куроченкову — «Союз возрождения». Рогожин назвал все явки. Он рассказал, что они в Питере решили значительную часть работы свернуть и перенести сюда, в Вологду, чтобы облегчить наступление белой армии и англо-американцев. Подготовить в Вологде новый мятеж, покрупнее Ярославского.

— Вот, кажется, все, — сказал Рогожин и жадно закурил. Пальцы у него дрожали.

— Нет, не все, — качнул головой Артем. — Вы же самое главное не сказали: как вы оказались с ними, с «возрожденцами», как вы связались с эсерами?

— А, это? — Рогожин усмехнулся. — Дворянская гордость, дворянское воспитание. Клятва, данная обожаемому монарху. Если хотите, инерция мышления. Страшная штука, между прочим! Мне все равно приговор, наверное, уже подписан.

Вошел Александров. Обычно он не заходил в кабинеты сотрудников, когда те вели допросы, но теперь, видимо, он захотел послушать, как ведет допрос Артем, и поглядеть на арестованного. Александров взял протокол допроса и стал внимательно читать.

Когда арестованного увели, Александров приказал Артему:

— Бери ребят из отряда и с умом пройдишь по всем адресам. Только береги людей, не бросайтесь под пули.

В течение дня и всей ночи в городе шли аресты. Игнатьева, к сожалению, поймать не удалось, но вся головка «Союза возрождения» и «Союза защиты» была арестована.

Только на другой день вечером вернулся Артем в Чека. На столе он нашел записку:

«Я не ожидал, но меня великодушно освободили. Я люблю жизнь, она нам дана природой, и только одна. Уезжаю в деревню к матери; предпочитаю сейчас жить тихо, по-обывательски, если хотите. Не подумайте, что я дал все сведения потому, что струсил, испугался за свою жизнь. Я не спал ночь и все обдумал. Те люди, с которыми случайно связала меня судьба, — это мертвецы. Они живут прошлым. Я не уверен, что и вы — люди будущего, но факт, что вы люди настоящего. Вы — живые. Прощайте и будьте счастливы, если можете».

Когда его вызвал Александров, Артем показал записку, и предгубчека, прочитав ее, сказал:

— Скажи на милость, ведь и в самом деле психология. Психология, — повторил Александров с улыбкой. — Что за штука такая? А?

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШИРОКОВО

Если бы спросить у Артема, чем он живет, кроме работы, где бывает, с кем встречается, ему трудно было бы ответить. Для личной жизни не оставалось времени. Однажды ночью Артема вызвал предгубчека.

— Садись, — сказал он, — и слушай. . .

Артем сел, положил руки на колени и приготовился слушать.

— Так вот, — сказал Александров, — мы безуспешно

гоняемся за эсером Игнатьевым, членом их ЦК. И ведь хорошо знаем, что он через подполье собирает силы для контрреволюционного мятежа в городе. Выходит, что мы не справляемся с нашим делом. Так?

— Да ведь его сейчас в городе нет, иначе мы бы его уже обнаружили, — возразил Артем.

— Ты в этом уверен? Может, он сейчас сидит в какой-нибудь уютной квартирке и посмеивается над такими ротозеями, как мы с тобой. Губернский комитет партии недоволен нашей работой. Вчера я от Дзержинского такую записку получил, что читал ее и чувствовал себя как мальчишка, которого за уши дерут. — Александров серьезно и строго посмотрел на Артема. — Ты, может быть, прав, — продолжал он, — здесь, в городе, мы не давали Игнатьеву спокойно работать, срывали его планы. Кроме того, его хозяева — послы Англии, Америки и Франции — в конце июля от нас в Архангельск укатили. И все же... Посмотри, — Александров вынул из ящика письменного стола письмо из Широковской волости, — ты ведь эту волость немного знаешь...

На листке, который Александров передал Артему, было корявым почерком написано:

«В имении Ганшина, где коммуна, собралось много постороннего народу, и все люди не наши, приезжие, и еще они в войну играют, и с оружием все. Обучаются чему-то за овинами... Намедни я у них пулемет видел. Главные «липовые» коммунары, Солнцев и Федоров, видать, деловые, не столь сеют и жнут, сколь в военных играх время проводят, впереди самозванного своего войска ходят, вроде бы и командиры. Вы бы сами посмотрели, что у них здесь происходит.

Член комбеда В. Рябов, известный вам».

— Ну, что ты скажешь? — спросил Александров. — О «коммуне» этой, должно быть действительно «липовой», я дважды от бедноты сигналы получал. Мы с тобой Солнцева и Федорова знаем — выпустили их тогда под честное слово. Думали, что опомнятся, поверили им, а они вот где оказались, в коммуне. Может, и Игнатъез там, а?

— Сомнительно, но разведать надо.

— Вот-вот, именно... И я, Клевцов, разведку уже послал.

— Кого?

— Пстойко. Матрос мне докладывал о сигналах бедняка Рябова. С ним и Грачева.

— Валя?

— Да. Пстойко и Валя переоделись в крестьянское платье и прямехонько к Рябову пошли. Его деревня близко от коммуны этой.

— Так вы все уже сделали?

— Ну нет, далеко не все! — ответил Александров. — Вот беспокоюсь только, как бы наш матрос не зарвался, горяч он больно. А дела там, как видно, серьезные. Поедешь туда с отрядом. Очень возможно, что в этой «коммуне» анархистов пригрелся и эсер Игнатьев. Выступишь в десять часов вечера, на место прибудешь не позже трех часов утра. И всех — на коней; пулеметчиков — на тачанки, а для пехоты придется мобилизовать извозчицьи пролетки. Так быстрее доберетесь и не так устанете. Возможно, с марша придется в бой вступать. Повторяю, дело серьезное. Ну, иди!..

В это время Пстойко и Валя, переодетые в крестьянское платье, добрались до деревни. В крайней избе — Пстойко это знал — проживал член комитета бедноты Носов. Низко наклонившись, чтобы не удариться головой о притолоку, они вошли в покосившуюся от времени избу. Узнав матроса, с которым он встречался ранее, хозяин дома Носов спрыгнул с печки на пол.

— Приболел немного, — сказал он, — трясет всего. Намедни на поже ключевой воды испил — и вот стало трясти. Проходите, проходите. . .

— Нет, батя, сидеть нам некогда, — сказал матрос. — Расскажи, как ближе пройти к деревне Погорелово.

— Если по дороге, то верст десять будет; а лесом ежели да напрямик через речку, — верст восемь.

— Дорогу показать можешь?

— Так ведь трясет, не дойду.

— Ладно, расскажи, как пройти.

Носов рассказал, что с развилки дорог надо взять напрямую к перелеску, а затем выйти к реке. У берега стоит плот, связанный из двух бревен. На нем можно переправиться на тот берег. А там уже тропка сама приведет к деревне.

Так и пошли Пстойко и Валя. Ведь главное заклю-

чалось в том, чтобы не идти по дороге, где возможны всякие встречи. Через поле они быстро прошли в перелесок, а затем увидели сквозь редкие деревья реку. День клонился к закату. Сумерки раскидывали свой шатер. От последних солнечных лучей розовели облака.

Матрос взял жердь из изгороди и у самого берега измерил глубину. Жердь едва достала до дна.

— Ты плавать умеешь? — спросил он Валя.

— А зачем мне? Мой спутник — морской волк, не даст же мне утонуть в этой луже, — пошутила Валя.

Матрос вступил на плот, который заколыхался и стал уходить под воду.

— Нет, двоих не выдержит. Валя, я разденусь и поплыву, буду толкать этот сверхдредноут, семь чертей ему в печень, а ты встань на него и для равновесия держи мою котомку и одежду.

Валя, закинув котомку на спину и перекинув через плечо одежду матроса, взяла в руки жердь и встала на плот. Валя была легче Постойко, и плот ее выдержал. Матрос поплыл, осторожно подталкивая плот.

Вот и желанный берег. Разведчики увидели вдали соломенные крыши деревни Погорелово. За деревней была усадьба, левее ее монастырь, золотые маковки которого ярко блестели в лучах заходящего солнца. Матрос быстро оделся, но уже снова в свою любимую морскую форму.

— Зачем ты надел это? — строго спросила Валя. — Ведь начальник запретил тебе в таком виде в разведку идти?

— Да не могу я, Валя, посконные штаны и армяк надевать... А начальник, он не узнает. Не будешь же ты рассказывать ему? Пошли, Валя, — сказал Постойко и крупным шагом пошел по тропе. Валя еле поспевала за ним.

Когда Александров посылал их в разведку, он сказал, в какое время придет отряд в Широково. Были уже сумерки, когда спутники вышли из Погорелово. «Теперь уже наши в пути», — решил матрос и в который раз посмотрел на часы.

— Сколько времени, Ваня? — спросила Валя.

— Да девять, еще успеем разведать. Вот что, — серьезно сказал матрос, — если со мной что случится, бери в деревне лошадь и скачи навстречу нашим.

— А что с тобой может случиться?

— Да мало ли! Не к теще на блины идем. Ко всему надо быть готовыми. Пошли вон в ту избу, там наш человек живет, Рябов, председатель комбеда.

Старая, с замшелыми стенами изба покосилась; с одной стороны два бревна подпирали ее, чтобы не рухнула. Разведчики вошли в избу, их сразу обдало запахами кислого хлеба. В избе был полумрак, лампы не было, вместо нее тускло горела лучина. Рябов, сидевший на чурбаке, плел из бересты лапти. Он сразу узнал матроса, вскочил с места и засуетился.

— К тебе, Кузьмич, зашли, — сказал матрос. — До тебя у нас дело серьезное есть. — Рябов насторожился и, не мигая, смотрел на вошедших. — Ты расскажи, что происходит в именин, в «коммуне» этой? . .

Рябов почесал затылок.

— Только людей у них прибавилось, а так все то же, по военному обучаются. Тут к ним человек полтора из Пошехонских лесов пришли. Они сами сказывали, что после мятежа из Ярославля бежали. Видно, долго по лесу-то скитались, заросли все, изголодались, чисто звери. Всю деревню ограбили. Только, видно, в коммуне им места не нашлось, так они монастырь заняли. Вот уже два дня там живут. У всех, конечно, оружие. Трое, видно, командиры ихние, каждый день поутру в «коммуну» наведываются. А вчера, кажись, из «коммуны» сам Солнцев с Федоровым, да еще один высокий, тощий в монастырь ходили. Я так думаю, что чего-то они готовят!

— Ну, а в именине, как ты считаешь, сколько у них людей?

Мужик снова почесал затылок и неопределенно ответил:

— Да, поди, столько же будет, как и в монастыре.

— А часовые, дозоры есть, именине они охраняют?

— Да кто ж его знает, не заметил я, а, поди, охраняют.

— Эх, батя, батя, а еще старый солдат! Ведь просил я тебя разведать. Я пойду, — встал матрос с лавки. — Ты, Валя, действуй так, как мы договорились. А ты, батя, на всякий случай коня ей помоги достать.

— Ваня! — крикнула Валя. — Ты, смотри, осторожнее.

Но он уже вышел за дверь.

Матрос шел через поле, держал курс в сторону имения. Ночная прохлада заставляла поеживаться. Постоялко шел осторожно, часто прислушиваясь, ловил малейший шорох. Он благополучно вышел к оврагу, которым можно было скрытно подойти к самой «коммуне». Овраг, поросший кустарником, был руслом речки, которая к осени пересыхала. На дне его было сыро, пахло плесенью. Тягучие паутины то и дело неприятно касались лица. Не доходя до усадьбы, матрос решил посмотреть, что делается наверху. Изодрав о колючий шиповник руки, он с трудом вылез из оврага и залег. Впереди расстился широкий луг со стогами сена. Недалеко стояла одинокая копна. Приглядевшись, Постоялко заметил четырех вооруженных человек. В это время из-за копны вышел еще один. Нетрудно было понять, что это застава — значит, имение охранялось по всем правилам. Бандиты курили, тихо переругивались; матрос уловил лишь отдельные фразы:

— И что мы тут?..

— Гоняют... Муштруют, что в царской армии...

— Пускай бы эти «командиры», Солнцев, Федоров и этот длинный, что из Питера приехал, сами в заставе подрогли...

— Хватит болты болтать! — послышался требовательный окрик. — А ну, становись в затылок, пошли на хутор.

Люди построились и пошли по направлению к имению. Матрос полежал немного и потом, перебегая от стога к стогу, стал приближаться к усадьбе.

Валя вслед за Пстойко вышла к оврагу. Она видела все, что происходило на другом берегу: заставу, матроса, который, прикрываясь стогами сена, бежал, наклонившись, к имению.

Видела она и то, как вдруг из-за крайних сараев выскочили несколько человек и набросились на матроса. Нелегко было бандитам справиться с матросом, но все же они его одолели, связали и потащили в имение.

Валя бросилась в деревню, к Рябову.

— Скорее коня! — крикнула она, — бандиты захватили Пстойко.

Вскочив в седло, Валя понеслась навстречу отряду Клевцова, который, по расчетам, должен был двигаться по дороге в Широково.

* * *

Ровно в десять часов вечера, накануне происходящих событий, отряд выступил в поход. Рядом с Артемом ехали комиссар отряда и командир полуэскадрона. За командиром, по четыре в ряд, следовала хорошо вооружен-

ная полусотня конников. Следом тархтели по булыжнику мостовой три пулеметных пароконных тачанки. Потом шли пешие бойцы. Замыкала шестивне запряженная парой лошадей трехдюймовая пушка с боекомплектом снарядов.

Было темно. Город по-прежнему был на военном положении, и обыватели в этот час тихо сидели по домам. Горожане привыкли, что по вечерам отряд ВЧК совершает разминку перед сном, и не обратили внимания на выступление отряда из города. За городом Клевцов свернул по проселочной дороге и вывел отряд на шоссе.

...Медленно отступала ночь. Светлело небо. Начинались предутренние сумерки. Колонна чекистов шла по всем правилам: впереди — по шоссе — разведка из трех конников, по обочине дороги, по полю и по целине на конях ехали дозоры. Дозорные прикрывали отряд и с тыла.

Впереди прямое, как стрела, лежало шоссе. Уже недалеко было село Широково. Артем напряженно обдумывал детали операции. Надо было ликвидировать бандацкое гнездо и сохранить жизни чекистов и бойцов.

Взглянув вперед, он увидел всадника, во весь опор скачущего навстречу отряду. Приглядевшись, Артем узнал Валю; ее широкий деревенский сарафан от быстрой скачки надулся колоколом, а волосы развевались по ветру. Валя поравнялась с Артемом и долго не могла вымолвить ни слова.

— Ну, говори же! — торопил Артем. Он быстро снял с плеча фляжку, отвинтил пробку и протянул фляжку Вале. Только после глотка воды девушка пришла в себя.

— Артем, милый, там Ваня, его схватили мятежники.

Подняв руку, Артем приказал отряду остановиться. Валя подробно рассказала о том, как матрос попал в плен, сколько предположительно людей у мятежников, о большом отряде, который пришел из Пошехонских лесов и укрылся в монастыре.

Выслушав Валю, Артем предложил ей ехать в хвост колонны, садиться на тачанку к пулемету и вызывать к себе четырех чекистов.

— Ваша задача — проникнуть в имение и выяснить, где Постойко и что с ним. Действовать по обстановке. Сделать все возможное, чтобы спасти товарища, — сказал им Артем.

Когда чекисты уехали, он собрал командиров и приказал так окружить село, чтобы каждое подразделение заняло свое место и не пропустило бы ни одного человека. Отряду конников, во главе с товарищем Каспаряном, идти сейчас же в обход имения. И как только выстрелит пушка, ударить по врагу с тыла.

— Выполняйте, — сказал Клевцов и отпустил командиров.

Колонна снова тронулась в путь. За поворотом дороги показались избы села Широково. Отряд конников свернул в сторону, в обход села, остальные остановились.

Артем внимательно проверял карту, когда к нему подошли два разведчика. Они привели с собой «языка».

— При стычке с заставой захватили, — доложил один из разведчиков.

— Будешь говорить? — спросил у бандита Артем.

— Да, да, конечно, только сохраните мне жизнь, господа.

Белогвардейский поручик показал, что он прибыл из

Москвы с документами на имя французского подданного. Прибыл для того, чтобы вступить в «батальон смерти», которым командует полковник царской армии Куроченков.

Выяснилось, что именно является центром формирования этого батальона. Через неделю батальон должен вступить в Вологду и поднять там мятеж. Подготовкой мятежа занимается штаб под руководством Игнатьева, Куроченкова и Солнцева.

Записав показания, Артем вызвал чекиста и с ним отправил белогвардейца в Вологду.

Небольшое здание свинарника из красного кирпича узеньким оконцем гляделось в картофельное поле. По глубокой борозде к нему ползли четыре чекиста. Один из них, заглянув в запыленное оконце, так и замер на месте. Посредине свинарника к столбу был привязан матрос Иван Пстойко. Перед ним стоял здоровенный бандит и время от времени стегал матроса кожаным хлыстом. Иван сверкал глазами и громко ругался.

Когда раздался оглушительный выстрел из пушки и неподалеку разорвался снаряд, бандит, избивавший матроса, выбежал из свинарника. Этим воспользовались чекисты и освободили Пстойко.

Бой в селе был коротким. После недолгого сопротивления бандиты в смятении побежали к монастырю. Артем только теперь понял ошибку — он не догадался выставить сильный заслон, чтобы преградить путь отступающим врагам, и дал им возможность скрыться. За стенами монастыря находилось около сотни вооруженных мятежников, и их необходимо было захватить.

Каким образом это сделать? Артем посоветовался с Пстойко. Вдвоем они наметили план захвата монастыря.

Артем знал, что в кирпичной стене монастыря монах проделал большой лаз, который с обеих сторон зарос густым кустарником. Через этот лаз монах отправлял корзины с ягодами и фруктами на базар в Широково, и через него же приходила к нему на свидание Мелитина. Этим лазом и решил воспользоваться Артем.

Матрос с группой бойцов должен был через лаз пробраться в монастырь и с тыла напасть на бандитов. Он

первым ушел в разведку. Через некоторое время остальные бойцы с большими предосторожностями проникли в сад и, прячась за деревьями и постройками, заняли исходные позиции. Когда Пстойко подал сигнал, основные силы отряда, во главе с Артемом, пошли на штурм монастырских стен, отвлекая внимание на себя. Воспользовавшись этим, проникшие через лаз чекисты бросились на мятежников, расстреливая их в упор. Бандиты поняли, что игра окончена, и в страхе бросали оружие.

Артем и Пстойко с группой чекистов направились к дому, где жил игумен. Перепуганный игумен быстро открыл дверь. Келья имела неприглядный вид: на столе начатая бутылка смородиновой наливки, ломти холодного мяса, сыр, горка аппетитного белого хлеба, остывший самовар, — гости не успели закончить пиршество.

Игумен — низенький, тщедушный человек с редкими рыжими, до плеч, волосами, с маленькой бородкой — стоял, прикрывая спиной двери, ведущие в другую комнату.

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогие гости! Прошу садиться, господа-товарищи! . .

— Может, и не очень дорогие, но ничего не поде-лаешь, — сказал Артем. — Вы знаете, зачем мы пришли и что произошло у вас в монастыре. Приступайте, товарищи, к обыску, — отдал Артем распоряжение чекистам, а сам с матросом прошел в смежную комнату. Это была спальня игумена. В ней стояли большой шкаф, сундук и деревянная кровать под балдахном.

Матрос подошел к шкафу и взялся за ручку.

— Так. Фокус номер первый. А что у вас, папаша, в шкафчике этом? — Пстойко открыл шкаф и произнес: — Ничего! Так-так. . . А в сундучке этом что? — ткнул ногой Пстойко большой сундук. Игумен побледнел.

— Так-с, — сказал Пстойко. — Фокус номер два, — матрос рывком открыл крышку сундука.

В сундуке на коленях, наклонившись лицом вниз, стоял человек. Он нехотя поднялся, и Пстойко в изумлении попятился. Этот бандит избивал его хлыстом в свинарнике.

— Вот так встреча. Да это же старый знакомый! — воскликнул Артем, узнав Тихона.

Тихон злобно посмотрел на Артема и вдруг, пнув ногой стул, подбежал к окну. Но выпрыгнуть он не успел.

Матрос ударил его по затылку, и Тихон грузно осел на пол.

Вскоре Тихон очнулся и, сидя на полу, зло и хрипло спросил, обращаясь к Артему:

— Что теперь? Сам порешишь меня или как?

— Зачем сам, — спокойно ответил Артем, — за твои художества тебя ревтрибунал судить будет.

Докладывая Александрову о результатах операции, Артем сообщил, что пойман Тихон.

— А, твой знакомый... Важная птица попалась. Но главная-то птичка ускользнула. Игнатъев опять скрылся. Анархисты Солнцев и Федоров на допросе признались и показали, что Игнатъев с группой в десять человек, в солдатских шинелях с подложными документами на имя несуществующего коммунистического отряда, решили перейти к своим через линию фронта; с ними, между прочим, ушел известный в Вологде полицейский шпик Мишка Косой.

— Значит, плохо сработали, — ответил Артем.

— Плохо, — кивнул Александров. — Но дело надо поправить. Отряд этот пробирается где-то по железной дороге до Плесецкой. Я послал нарочного с телеграммой на станцию, так что чекисты на станциях будут знать по всей линии, и если обнаружат, то задержат. Сообщники Игнатъева говорят, что он в белогвардейском правительстве эсера Чайковского заместителем министра назначен. Упустить его нельзя.

11. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Времена были трудные, и Артем очень тревожился за отца. Сразу же после того как Артема послали в Вологду, отец должен был уехать на Север. Недавно на Севере высадились англичане и американцы. Артем мог только догадываться, что отец остался в Архангельске на подпольной работе.

Когда его вызвали в Губком партии, он решил, что с отцом что-то случилось, и боялся плохих вестей. Постоико, встревоженный не менее Артема, вызвался проводить. Вместе они и направились в Губком.

— Садись, — секретарь Губкома показал на потертое кожаное кресло и улыбнулся, когда взвизгнули пружины. — Ты знаешь, где теперь твой отец?

— Приблизительно, — бледнея, ответил Артем.

— Тогда слушай. В начале этого года твоего отца

вместе с Павлином Виноградовым направили в Архангельск укреплять советскую власть. Ему поручили работу в комиссии «ЧКОРАП». Не слыхал? Эта комиссия должна была эвакуировать из Архангельска, с Бакарицы, все резервное имущество бывшей царской армии. Ну вот, твой отец это задание выполнил, имущество эвакуировано на станцию Сухона — знаешь, тридцать верст отсюда. — Секретарь помолчал, всматриваясь в лицо Артема. — Ну, а потом партия поручила ему возглавить в Архангельске подпольный ревком. Беда в том, что у нас давно нет связи с большевистским подпольем. Думали мы... и пришли к решению, что на связь нужно послать тебя. Кстати, и с отцом встретишься. Как ты думаешь, сумеешь проверить это дело?

— Охотно поеду, но справлюсь ли? — поспешно отозвался Артем.

— Справишься. Туда нужно посылать молодых, стойких духом и крепких физически, — ответил улыбаясь секретарь Губкома.

— Тогда хорошо, поеду, — решительно сказал Артем.

— Ну так вот, иди сейчас в политотдел армии, там с тобой позанимаются, а потом они же тебя и через фронт перебросят.

— Хорошо! — ответил Артем.

— Только не горячись! Горячку пороть нельзя, — дело можно провалить, а от этого партии ущерб будет. Поучись и все как следует усвой. Может, тебе там долго задержаться придется. Знаю, — поспешно сказал секретарь, — вопросов у тебя много, но я на них отвечать не могу. — Секретарь подошел к Артему и, взяв его за плечи, тихонько подтолкнул к двери. — Ну, будь счастлив! Иди!

В штабе армии, куда сразу же отправился Артем, сказали, что в первых числах сентября его переправят в Архангельск для работы в тылу англо-американских интервентов и армии белогвардейского генерала Миллера. Артему надлежит уволиться из ЧК, сдать свой отряд и завтра с утра явиться в разведотдел армии.

Выйдя из штаба, Артем направился в Чека. Жизнь начиналась совсем другая, новая. Что его ждет впереди? Встретится ли он с отцом? Справится ли он с новым заданием? Одно дело работать среди своих, другое — уйти в подполье, скрываться, вести разведку в тылу

врага. Артем привык к опасности и к тому, что приходится повседневно рисковать жизнью. Но он понимал, что опасность в новых условиях значительно возрастет.

Тепло попрощался с Артемом Александров. Он был в курсе всех дел Артема, несомненно, по его рекомендации Артема и направили на ответственное задание. Разговор был недолгий. Александров рассказал Артему о ближайшей операции, которую Чека должна провести в Вологде против оставшейся группы белогвардейских заговорщиков.

— Вот только тебе в этом деле уже не придется принять участие.

— Почему? — огорчился Артем. — Я ведь еще не уволился.

— Не в это дело, — сказал Александров. — Тебе предстоит другое, не менее рискованное дело. Мы уже на тебя не имеем никаких прав. Знаешь ты это место за старым вокзалом, где стоит будка смазчиков? Там смазчики уже не бывают, но днем работает конторщик, накладные на дрова выписывает.

— Знаю, — сказал Артем.

Действительно, Артем хорошо знал старый вокзал. Недалеко от него стояла конфетная фабрика Попова и Лобачева. Фабрика бездействовала, но недавно чекисты произвели там обыск и обнаружили сотню пудов сахарного песка, десять бочек густой, черной как смола и приторно сладкой патоки и, уж явно не для варки конфет, двести припрятанных винтовок.

Старый вокзал действовал еще тогда, когда через Вологду проходила узкоколейная железная дорога. С тех пор как была построена широкая колея, здание вокзала железнодорожники использовали для своих служб. Вблизи старого вокзала сохранились будки смазчиков, стрелочников, кондукторских бригад. В этих пустующих зданиях укрывались темные элементы, могли там на время устроиться и контрреволюционные заговорщики.

Артем подробно рассказал Александрову о расположении всех этих старых будок, о подходах к ним. Вместе они начертили схему, определили, куда надо пойти, где расположить заслоны и засады.

О том, как прошла операция на старом вокзале, Артем на следующий день узнал от Вали. Бандиты ока-

зали яростное сопротивление. Особенно упорно отстреливался один из заговорщиков, но его все же взяли. Он оказался английским шпионом Гелеспи, которого долго и безуспешно искали чекисты. Когда его захватили, он назвал себя вымышленным именем. Гелеспи хорошо говорил по-русски, ловко подделывался под «вологодский» говор, но уж очень по-книжному строил каждую фразу. Разоблаченный, он не стал отпираться и даже обрадовался, когда сказали, что отправят его в Москву.

В перестрелке одним из первых был тяжело ранен Иван. Во время срочной операции врачи извлекли пулю, прошедшую в двух сантиметрах от сердца. Артем, навестивший друга в больнице, не узнал его. Всегда жизнерадостный и веселый, матрос лежал без движения. Он часто бредил, ругал белобандитов, звал Валю и Артема.

Только на четвертые сутки Иван пришел в сознание, узнал Валю и навестившего его Артема. Говорить он не мог, но глазами спрашивал о чем-то. Артем понял и рассказал, что заговорщики ликвидированы, бандитское гнездо разгромлено. Ваня Пстойко радостно улыбнулся.

В один из чудесных теплых дней северной осени начальник разведотдела вызвал Артема для заключительной беседы.

— Ну как, все усвоил, все понятно? — спросил он. — Знаешь, что трудно будет?

— Знаю, — ответил Артем.

— Я экзаменовать тебя не буду, но хочу сообщить тебе нечто очень важное.

Артем весь превратился в слух.

— В штаб белогвардейского генерала Миллера проник и работает наш человек. Это очень смелый, способный и ценный для нас агент. О нем знают только я, командующий и член Военного совета. Теперь вот будешь знать и ты. С ним у нас оборвалась связь. Первым делом тебе и нужно выяснить причину этого. И если все благополучно и он цел, установить с ним связь.

Артем слушал с большим вниманием.

— Позвонишь по телефону триста двадцать два, — продолжал начальник. — Пароль будет такой: спросишь: «Вы ноль три?» Он должен ответить: «Не понимаю вас».

Запомни, что слова «не понимаю» должны быть в начале фразы. Если будет так, то скажешь вторую часть пароля: «Прошу занести ваш карточный долг». Понял?

— Понял, — ответил Артем.

— Повтори, — потребовал начальник разведотдела.

Артем повторил.

— Хорошо. Запомни, тебя посылают на очень трудное и опасное дело. Кругом будут враги. Никто не должен знать, кто и зачем тебя послал. Помни: абсолютная скрытность и точность — обязательное качество разведчика. Несоблюдение этих правил может привести к провалу нашего дела, к твоей гибели, а может быть, и к гибели многих советских людей.

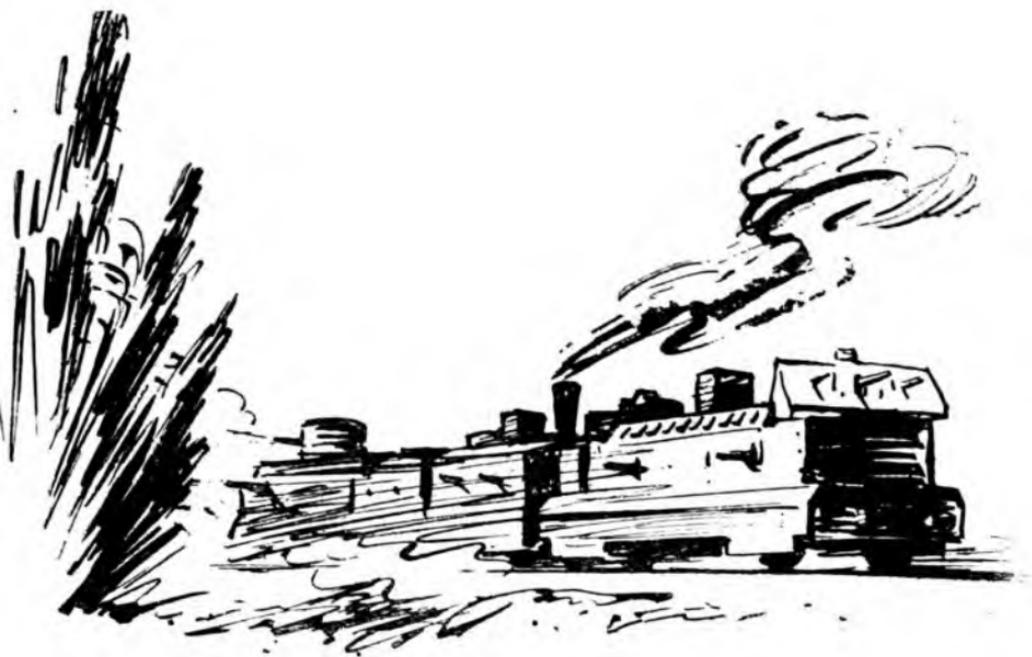
Артем все это понимал. А потому в течение дня он избегал встреч. Не успел он зайти к Ване и написал ему коротенькую записку:

«Иван и Валя, дорогие! На время отбываю. Дело спешное, и повидать вас не смог. Желаю вам добра, удачи, счастья. Ты, Иван, скорее поправляйся, береги Валью, — она настоящий товарищ. Не скрою, завидую тебе, по-хорошему завидую. Желаю вам быстрее уничтожить контру. Вместе со всеми защищайте и оберегайте советскую власть. Кроме нее, для нас ничего и никого нет дороже. Будьте здоровы! Ваш Артем».

12. НА БРОНЕПОЕЗДЕ

Первые дни сентября стояли теплые, небо было жемчужным, лишь одинокие облачка скользили по небу. Несмотря на такие погожие дни все чаще и чаще чувствовалось приближение осени; чаще, чем прежде, дул холодный северок, пожухла трава, все больше и больше золотились березки, краснели осины.

В один из таких дней Артем двинулся на бронепоезде к фронту. Он лежал на верхней полке и думал о своей жизни. И вот только сейчас по-настоящему проговорилось сердце Артема. Он полюбил Валью еще тогда, когда увидел ее впервые — смелую, насмешливую и красивую. Конечно, она казалась ему красивее всех — так всегда бывает, когда полюбишь. Но он не мог не видеть, что

Валя предпочитает Ваню Пстойко, а Ваня был самым близким другом. Не доказывать же ей, что вот я, Клевцов Артем, лучше Вани Пстойко — *полюби меня*, а не его. Как же и чем это можно доказать? Ведь это то же, что доказывать: *Ваня Пстойко хуже меня, Артема*. Немыслимо. Какая тут дружба? Получилось так, что он покинул Вологду и все разрешается само по себе. Значит, все хорошо, все правильно!

Артем уже был не самонадеянным новичком, который мог легко впасть в ошибку. Он прошел добрую школу под руководством Александрова. Ему доверяют. Вот сейчас послали не куда-нибудь, а в тыл к противнику, на подпольную работу. Правда, прощаясь, Александров счел нужным предупредить его, Артема, чтобы он не зарывался. Так и должно быть. Раз впереди много опасностей, — значит, потребуются выдержка, спокойствие.

Путь в Архангельск оказался куда труднее, чем Артем предполагал. И труднее, и продолжительнее. К тому же тягостно и то, что на бронепоезде он был как бы посторонним человеком. У каждого свое место. Все вместе

составляли одну команду. Команда постоянно занята, а он, Артем, не у дел. Хуже того, он не мог вступать в разговоры с членами команды, — они не должны были знать, кто он и куда едет. Он остерегался чрезмерного любопытства со стороны бойцов, которые, естественно, хотели знать, кто этот чужой человек, одетый в крестьянскую одежду и почти не вылезавший из штабного вагона...

Командир бронепоезда Галий, пожилой кубанец, прослуживший более пятнадцати лет на флоте, был радушным, приветливым человеком. Иногда он приглашал Артема сразиться в шашки и ловко загонял его в угол, называя это по-простому: «уборная». «Сиди, сиди, — говорил он, — раз играть не умеешь. Наслаждайся!» Но, как правило, Галий старался не замечать долговязого парня, которого приказано было доставить «куда нужно» в целости и сохранности.

Однажды ночью, на третьи сутки после долгих стоянок и внезапных бросков бронепоезда к фронту и обратно, Артем проснулся от сильного гула. Вагон сотрясаясь, били орудия, уши заложило как бы плотным тампоном из ваты.

Не успел Артем подумать о том, что вот идет бой и ему следует что-то делать, как стрельба прекратилась. Под вагоном что-то заскрежетало, и поезд бесшумно тронулся. Появился Галий, скинул фуражку, зажег свечу и, не обращаясь прямо к Артему, сказал:

— Так! Именно!..

Артем не понял, что хотел этими восклицаниями выразить командир, но не стал спрашивать. Он понял, что первая попытка прорваться через линию фронта к станции Плесецкой, куда они держали путь, провалилась.

Так оно и было. Белые открыли сильный огонь, стреляли с закрытых позиций. Ответная стрельба без ориентиров и корректировки была бы напрасной тратой снарядов и неоправданным, бессмысленным риском. После короткой перестрелки бронепоезд покатил назад.

После первого столкновения с врагом начались беспокойные дни и ночи. Вот где-то в стороне, а затем все ближе и ближе застрекотал аэроплан. Он низко и медленно пролетел над бронепоездом, и летчик сбросил бомбу. В те годы летчики сбрасывали бомбы вручную.

Не было па самолетах того времени ни прицельных устройств, ни места, откуда можно было бы автоматически сбрасывать бомбы. Бомба разорвалась недалеко от насыпи, не причинив вреда бронепоезду. По аэроплану стреляли из винтовок. Когда Артему также захотелось пострелять — ему казалось, что уж он-то, наверное, попадет в летчика, — командир бронепоезда толкнул его локтем и сказал:

— Ну куда, куда лезешь? Мне приказано доставить тебя в целости. Понятно?

— Понятно, — досадливо отмахнулся Артем.

Как ему надоело быть пассажиром на особых правах!

Аэроплан появлялся еще и еще, но снижаться над бронепоездом летчик не решался, и его полеты производили странное впечатление — будто он только делал вид, что нападает на бронепоезд. В таких случаях бронепоезд маневрировал — то ускорял ход, то тормозил. За аэропланом яростно охотились; один раз показалось, что в него все же угодили, аэроплан качнуло, уже раздался крики «ура», но летчик выровнял машину и улетел.

Вскоре бронепоезд предпринял новую попытку прорваться к станции и ударил по скрытой батарее белых. Его батареи подавили несколько огневых точек противника. Казалось, что все идет хорошо. Но противник был хитрее, чем предполагали. Он замолчал только для видимости, а затем, когда бронепоезд стал осторожно ползти вперед, снова ударил. И снова пришлось отходить к лесу.

Только что бронепоезд остановился, как из ельника, вплотную подступившего к полотну, вышел невысокого

роста человек с пушистыми усами. Одет он был в кавказский бешмет. На нем была каракулевая шапка, перечеркнутая красной лентой. Подымаясь в вагон, он левой рукой придерживал кривую шашку, тяжелый кольт в деревянной кобуре свисал почти до самых колен.

Артем с удивлением разглядывал неожиданного гостя. Северный лес — и вдруг кавказский джигит! Но когда кавказец в вагоне назвал себя: «Хаджи Мурат» — Артем понял, кто перед ним. Слухи о смелых действиях партизанского отряда Хаджи Мурата давно уже ходили по всему Северу, вызывая восхищение и одновременно недоверие.

В вагоне Хаджи Мурат оставался недолго. О чем они говорили с командиром бронепоезда, Артем не слышал, но вот кавказец так же спокойно, придерживая шашку, прыгнул и скрылся в ельнике.

Следующий налет на станцию бронепоезд совершил на рассвете, когда и лес, и полотно железной дороги — все было затянуто медленно таявшим туманом. Орудия открыли частый ураганный огонь. Бронепоезд мчался, как страшное огнедышащее чудовище. Запертый в стальной коробке, не имея никакого представления о том, что происходит снаружи, Артем испытывал неприятное чувство. Он беспокойно поглядывал на дверь.

Внезапно вошел командир бронепоезда, спокойно, как всегда, покрутил ручку телефона и коротко сказал:

— По всадникам не стрелять, это свои. Огонь по складам и эшелонам.

Потом он подошел к Артему и взял его за плечо. Густые брови у командира сошлись на переносице. Впервые он посмотрел на Артема внимательно, словно стараясь запомнить черты лица.

— Ну?

Этот пожилой матрос, с темным, обожженным пороком лицом, неловко и стеснительно прижал Артема к себе и крепко стиснул ему руку:

— Пора тебе, собирайся. — И сразу отошел к столу.

Артем торопливо надел старенький армяк, перекинул через плечо мешочек с едой. Командир, не поднимая головы, посоветовал:

— Вперед не ходи. Там Хаджи Мурат работает, могут не узнать, зарубят невзначай. Ты пока здесь схоронись, а потом напрямик в поле.

13. У ХАДЖИ МУРАТА

Артем спрыгнул на насыпь, пробежал вдоль вагонов и скрылся за станционным зданием. Через несколько минут, не ожидая, когда окончится стрельба, Артем уже бежал через поле к перелеску, за которым, он знал, должна быть деревня.

У овина Артема окликнул женский голос:

— Постой, паря! Неужто оттуда?

Спрашивала старуха. Она поставила возле ног ведро с водой и махнула рукой в сторону станции.

— Что там, а? Кто палит?

Артем перевел дыхание, рукавом стер со лба пот.

— Еле ноги унес, бабушка. Хотел в Исакогорку ехать. А тут такое началось! Красные на станцию ворвались, сражение там. Думал, пропаду.

Старуха испуганно перекрестилась.

Стрельба стихла, и только густые, черные клубы дыма, поднимавшиеся над перелеском, напоминали о недавней схватке.

— Куда же мне податься теперь? — спросил Артем. — Постой, у меня же здесь знакомый живет. Загляну к нему, а потом дальше. Бабушка, где здесь Соколов, весовщик, живет?

— Покажу, покажу, милый. — Старуха подняла ведро. — Вон третья изба, видишь? Туда ступай. Вот в той избе Соколов с матерью и живет.

Весовщик был дома: его предупредили о налете бронепоезда, о том, что к нему должен явиться человек «оттуда», с другой стороны фронта. Он сидел у стола в одной рубашке и, поминутно хватаясь за впалую грудь, судорожно кашлял.

В маленькой избушке было жарко. Мать Соколова возилась у печки, вытаскивая ухватом чугунок. Артем сел к столу и торопливо сообщил весовщику пароль. Тот хотел ответить, но снова закашлялся и махнул рукой.

— Догадался уж. Мать! — позвал он старуху. — Это свой парень, от наших. Покорми его.

Старуха поставила на стол чугунок с картошкой и с любопытством поглядела на гостя. А когда он снял армяк и подсел к столу, всплеснула руками:

— Господи, молоденький-то какой! Неуж белые правду говорят?

— А что они говорят, бабушка? — любопытствовал Артем.

Старуха вытерла жилистые руки о передник и положила около гостя деревянную ложку.

— Да разное, сынок. Даже верить страшно. Царица небесная! Намедни ихний офицер разговаривал такое, что не приведи господь! — Старуха перекрестилась. — Будто у вас там ребятишек, баб да девок в армию забирают; девок-то денщиками к комиссарам ставят. А стариков да старух на мыло переводят. И еще в телеги запрягают. Коней-то всех с голоду пожрали. Да ты ешь, ешь, наголодался, поди.

Артем встал, отодвинул деревянную миску.

— Неужели, хозяйка, в эту глупость веришь? Даже есть расхотелось.

Соколов поднял на него удивленный взгляд.

— Да ты ешь. Не дури. С дороги поешь, не помещает. А старуху слушай да вникай, что тут про вас болтают. Это знать полезно. Еще и не то услышишь.

Артем молча сел и принял снова есть пшенную кашу. Хозяйка виновато вздыхала и была особенно услужлива. Она подала Артему полотенце, чтобы он мог вытереть рот, когда кончит есть.

— Ты уж на меня, старую, не обижайся. Что говорят, то и я передаю. Верить-то мы, деревенские, не верим этим офицерам. А все же... Трудно у вас там?

Артем нахмурился.

— Трудно, хозяйка.

— Вот я и говорю, скорей бы война кончилась. Кому она нужна, война-то? Только разор один. Уж замирились бы.

Соколова опять схватил приступ кашля. Артем, взволнованный, кивнул в его сторону головой.

— Это с кем замиришься-то, бабушка? С теми, кто сына твоего прикладами да нагайками полосовал? Нет уж, мы им выложим все сполна, за все оплатим.

Старуха не вступала в спор. По ее щекам текли слезы, она с тоской смотрела на сына и говорила тихо, словно молилась.

— Народу-то сколько побито. И все молодые. А теперь еще англичане и мериканцы какие-то пришли. Ведь сила у них, у офицеров-то.

— Ничего, мать, перемелем. Весь народ поднялся, эта сила еще больше.

Соколов пересилил кашель и сказал строго:

— Ладно, о деле надо говорить. Так вот, товарищ дорогой, тебе у меня оставаться нельзя. Человек ты свежий, в деревне заметный. Поезда на Исакогорку пойдут не скоро, станцию-то всю разворотили, это ты больше меня знаешь.

Артем встревожился: ведь он должен был задержаться здесь ненадолго, а потом сесть в поезд.

— Что же вы предлагаете?

— Вот что: пойди пока в отряд Хаджи Мурата. Он сейчас должен прийти в деревню после операции, а ночью двинется дальше. . . Ты посиди пока, а я пойду схожу до него.

Вскоре Соколов вернулся в сопровождении человека в бешмете. Артем пригляделся и. . . бросился ему навстречу.

— Ваню! Каспарян!

С Ваню он встречался еще в Питере, в Союзе социалистической рабочей молодежи. Вместе в Чека работали, в Вологде.

— Ва! Артемка! Кунак! Чего здесь делаешь?

— Да вот к вам собираюсь. Возьмете?

— Конечно! Давай скорей одевайся! Пойдем до начальника.

Так Артем попал в отряд кавказских джигитов. Неделя, проведенная у Хаджи Мурата, была для Артема своего рода испытанием. Деятельный, по-юношески порывистый, он только сейчас по-настоящему понял, какая выдержка необходима подпольщику. Он несколько раз ходил к командиру, просил послать его в разведку, спорил, горячился, но Хаджи Мурат был непреклонен.

— Ишь орел! Я за твою голову отвечай! Сам знаю, что тебе делать. . .

Единственно, чего смог добиться Артем, — это стоять на посту, когда отряд отдыхал. Партизанский отряд Хаджи Мурата, собранный из северных таежных охотников-добровольцев, действовал как конный отряд. Только через две недели Артема позвали к командиру.

Артем уже снял сапоги, когда в избу вошел Ваню Каспарян, личный ординарец командира отряда.

— Одевайся, Артем, Хаджи требует, пойдём.

— Зачем, не знаешь?

— Ничего не знаю, секрет, — лукаво улыбнулся Ваню.

Идти было недалеко. Когда Ваню и Артем вошли в избу, Хаджи Мурат поднялся из-за стола, прищурился и, взявшись за свой пушистый рыжий ус, воскликнул:

— А-а, пришел, садись, гостем будешь!

Вошел старик с кипящим самоваром в руках. Вслед за ним появилась пожилая женщина. Она несла чайную посуду, расставила чашки и стала разливать чай.

Когда хозяева избы вышли, Хаджи Мурат, наклонившись к Артему, сказал:

— Тебе надо скорей идти в Архангельск, приказ есть, да и мы завтра уходим отсюда. Дам проводника. Пойдешь не на Плесецкую, там и мышь сейчас заметят.

Возьмешь курс на станцию Обозерскую. Это отсюда верст семьдесят по лесу. Проводник знает дорогу. Быстро доведет. Ясно? Ваню! — окликнул он Каспаряна. — Позови Артамона.

Каспарян исчез и вскоре вернулся с высоким немолодым мужиком. Хаджи Мурат пригласил Артамона к столу, положил себе в чай ложку моченой брусники и начал разговор:

— Значит, с рассветом выходите. Провианту возьмите дня на четыре. Так, Артамон Назарович?

— Почитай, хватит. Больше не пройдем.

— Смотрите, а то дней на пять возьмите. В пути всякое бывает, тропы-то нехоженые.

— Мною хоженные, — ответил проводник. — Я лесник-охотник, человек таежный. . .

Хаджи Мурат взял с подоконника флягу, отвинтил пробку и, понюхав, поднес флягу к стакану лесника.

— Настоящий ямайский ром, трофейный. Под Шенкурском мои ребята обоз захватили. Пей, таежный человек!

Он налил по полстакана рому леснику, Артему и себе, потом поочередно дополнил стаканы горячим, ароматным чаем.

— Ва! Теперь выпьем за вас, товарищи, за поход.

— За удачу! . . — ответили в один голос Артем и проводник.

. . . Когда на востоке чуть посветлело, пришел проводник. Артем уже одевался. Артамон Назарович молча рассматривал его, и, когда тот стал натягивать сапоги, он недовольно поморщился и сказал:

— Вот что, паря. Сапоги-то сними да на посошок вместе с узелком навесь. На тебе лапотки. В них по лесу-то лучше идти — ноги сбережешь. Онучи наверни половчей, пеньковой веревочкой их обмотай, а рубаху холщовую, домотканую надень. Сатины-то сними.

Артамон Назарович немного помолчал, подумал и добавил:

— Провиант я взял, да и ты возьми. Покажи мешок-то.

Артем подал с вечера подготовленный вещевой мешок. Лесник выложил все содержимое на стол, придирчиво перебрал каждый предмет,

— Ладно, городское у тебя тут кое-что, да сейчас в деревнях всякого понатаскали. А вот мешок сменить нужно. Солдатский он. Лучше домотканый взять, чтоб с виду не так в глаза кидался. Пойду достану тебе справу.

Он отсутствовал недолго и принес добротный деревенский мешок и красный широкий кушак.

— Армячишко-то у тебя подходящий, только подпоясать его надо этим кушаком. И картузишко нацепи, он потрепан, правда, изрядно, а все же в кепке идти не след.

Артем оделся так, как советовал лесник, и усмехнулся, — все это было знакомо ему с детства. Еще в Широково он испытывал немалую зависть, рассматривая на гулянье парней. Они казались ему особенно нарядными из-за своих кушаков и высоких картузов с лаковыми козырьками. А сейчас судьба сама преподнесла ему подобный наряд. Только вот не на гулянье собрался он идти.

Путники торопливо прошли деревню, стараясь не привлекать внимания. Впрочем, в этот ранний час лишь собаки во дворах недовольно ворчали да глухо и надрывно кричали осипшие петухи. Сразу же за околицей начался ольшаник, потом пошел сосновый лес. Дорога свернула влево, и деревня пропала за холмом. Выглянуло солнце, и на верхушки деревьев лег розовый отсвет. Туман стал таять.

14. НОЧЛЕГ В СКИТУ

Артамон Назарович шел быстро, Артем не ожидал от него такой прыти. Вскоре они сошли с проселка на едва заметную тропу, и вот тут-то Артем стал понимать, что такое настоящая ходьба по тайге. Лесник ступал неслышно, казалось, он не идет, а перекачивается через кочки, бугры, узловатые корневища деревьев. Пospеть за ним было нелегко. Ноги скользили по мокрым стволам, то и дело надо было продираться сквозь густой ельник, отводить от лица ветки. Да, в сапогах здесь идти было бы невозможно, — лесник был прав.

В лесу стоял сырой и дурманый полумрак. И тишина — тяжелая, томящая, когда не хочется даже разговаривать. Одно желание — скорей вырваться на какую-нибудь полянку, где еще зеленеет, обласканная солнцем, но уже увядающая травка.

Едва впереди, между черными елями, забрезжил свет, проводник обернулся и сказал, явно желая подбодрить спутника:

— Однако полудновать пора!

И в самом деле, уже был полдень. Солнце стояло высоко. Поляна, куда они вышли, заросла богульником; здесь тоже было не очень сухо. И все же Артем как-то особенно радостно вздохнул, оказавшись на открытом месте.

Проводник уже успел обойти полянку, к чему-то приглядываясь. Остановившись, он позвал своего спутника.

— Вот тутотка мы и отдыхать будем. Здесь и ключик имеется, — Артамон Назарович показал на струйку воды, звонко пробивающуюся из-под валуна.

Артем сбросил посошок с сапогами и мешок, снял картуз и с наслаждением опустил ладони в воду. Она была холодная как лед, пальцы сразу заковенели. Артем поднес ладони к лицу. Они приятно охладили кожу. Захотелось пить. Утеревшись рукавом, Артем прильнул губами к студеной воде и глотнул. От холода занули зубы и обожгло горло.

Артамон Назарович, нахмурясь, сказал:

— Однако, паря, ты бы не пил. Не дай бог, простынешь. Потерпи. Ужо сейчас чайку вскипятим, кашицы сварим, пополуднуем, да и снова в путь.

Костерок, потрескивая, дымил. Артамон Назарович подвесил над ним закопченный чайник и котелок. Холодная вода долго не вскипала. Артем не удержался, достал хлеб и поближе придвинулся к огню.

— Артамон Назарович, а ночевать где будем?

Проводник, помешивая засыпанную в котелок крупу, сказал:

— Без нужды в деревню заходить не будем. Где-нибудь в лесу заночуем.

Артем зябко повел плечами — уж больно неприятным был лес, по которому они только что шли.

— А на Обозерской к кому явимся?

— Есть там у нас свой человек. Станционный теле-

графист. Он должен документы заготовить. Он же и на следующую явку тебя передаст. Поездом в Исакогорку поедешь. А оттуда до Архангельска рукой подать... Через Двину на пароходе...

Наконец вскипел чайник и поспела овсяная каша. Артамон Назарович вынул из мешка сало, ржаные наливушки с подливой из картофеля, стопку шанег и сдобные овсяные колобки. Бросив в чайник заварку, он подал Артему деревянную ложку:

— Отведай-ка кашицы, она скусная, с салом. Ну, со господом!

Поглубже зачерпнув в котелке, Артем поднес ко рту ложку с кашей и замотал головой.

— Экой ты нескладной, — укоризненно сказал лесник. — Разве не видел, что кашницу-то я только что с огня снял?

— Видел, — еле ворочая языком, сказал Артем.

— А коль видел, так зачем полную ложку в рот потянул? Эх ты, молодость. А еще на такое дело идешь...

Артем даже ложку опустил, пораженный словами лесника. «Да, да, конечно, что же это такое, с кашей и то справиться не умею». Но тотчас же рассмеялся и, хотя во рту все горело, принялся за еду.

— Да больно уж есть хотелось, — еле выговорил он. — Заторопился...

— Заторопился, — передразнил его лесник.

Закончив есть, Артем отложил ложку в сторону.

— Наелся?

— Наелся, — грустно ответил Артем. — Не так уж наелся, сколько обжегся.

— Ничего, паря! Шевели языком, скорее пройдет, — лесник насмешливо толкнул Артема. — Ну, вставай. Костер пока затопчи, а я котел помою. Сидеть хватит... Слышишь?..

Вскоре они уже снова шагали по лесу. Чащоба изменилась. Пожухлая трава и желтые, высохшие папоротники исчезли, зеленые мхи сменились темно-бурыми. Артамон Назарович подождал отставшего Артема и предупредил:

— Ты за мной иди, в стороны не сворачивай. Места пошли гиблые, торфяник. Под ногами, чуешь, зыбко, но ты не бойся, это ничего. До настоящего-то болота еще

с десятков верст будет. Вот там мы по колено в воде пойдем.

Теперь Артем старался не отставать от лесника. Однако тот и сам пошел медленнее, и следы его были заметны на кочках, обсыпанных красными ягодами клюквы. Артем становился на эти следы, настороженно высматривал их, боясь на ходу поднимать глаза. Он уже давно перестал ориентироваться в этой глухомани, но Артамон Назарович шагал уверенно, заражая этой уверенностью Артема.

Изредка проводник показывал рукой на зеленые «окна» — они, словно огромные проплешины, выделялись среди бурого мха. Это была трясина, огромная, страшная — стоило оступиться, и все — засосет, смерть!

В лесу быстро темнело, и Артем все больше и больше горбился, разглядывая след проводника. А тот вроде бы и не замечал сумерек. Но вот он остановился, почесал подбородок и виноватым голосом сказал:

— Леса наши дремучие, болота такие топкие, что нипочем не пройдешь. И народ наш тоже серый в этой чащобе живет. Света, жизни настоящей еще никто не видел. Недаром про нас говорят: «Вологодские в трех соснах заблудились». А ведь и всяк заблудится, коли сосна от сосны верст за сто, а меж этими соснами болота да ели. Сосна — она сухое место любит, а в здешних местах все болотина больше.

Артем внимательно посмотрел на проводника.

— Так вот, немало в наших местах скитов раскольничьих есть. Ты слышал ли про скиты-то?

— Слышал, — угрюмо ответил Артем. — Слышал от одного монаха в монастыре.

— А верно, и сейчас не знаешь, что попасть туда трудно. Только свой человек по тайным зарубкам на деревьях, таким, что чужому они и невдомек, через болото к ним перебраться может.

Лесник часто поглядывал на деревья. У одной разлапистой ели с двумя затесанными зарубками, на которых блестели капли янтарной смолы, он остановился.

— Придется нам, паря, в скит завернуть. Заночевать там. Думал я эту болотину сегодня проскочить, да не вышло. А ночью через нее не пройдем, утопнем. Так что хошь не хошь, а надо свернуть, тут недалеко.

— Не велено, Артамон Назарович, на люди показываться.

— Верно! Однако скитские нам не страшны. Ведь никто из них дальше скита не ходит, даже дороги не знает. Только наставник староверческий, поп ихний иначе говоря, Гогин его фамилия, два — три раза в году на селе показывается. Ходит он с батраком Чоминым, закупают припасы. Они вот доходят до этого места. Здесь делают волокуши, кладут на них свою поклажу и волокут до скита. А волокуши они так делают: нарубят мелких деревьев, свяжут их за комли, а на верхушки, которые не затонут, груз кладут. Вот это и есть волок. А знаешь ли ты, что волоком у нас лес зовут и что от слова «волок» название города Вологды произошло?

В лесу стало совсем темно, и проводник каким-то особым, только ему присущим чутьем, находил дорогу. Артем шел как слепой, почти наступая на ноги леснику. А тот продолжал:

— Гогин этот, поп-то, чисто паук в скиту. Он посильней любого нашего мироеда-кулака будет. Одно его слово здесь закон.

Среди редких деревьев на фоне темно-серого неба наконец начал вырисовываться холм, густо поросший соснами. Ветер донес горьковато-сладкий запах жилья. Это и был скит.

— Ты, паря, осторожным будь. Порядки у нас строгие. Народ они дикий. Никто из них далее своего скита не бывал. Не терпят табаку, любят чистоту в избе и в одежде, посуда у каждого своя и, боже упаси, если кто посторонний к ней притронулся. Она сразу считается поганой, «обмирщенной», и ее тогда выбрасывают. Вечерами, когда в молитвенном доме никого нет, бабы ихние собираются по избам, прядут куделю и поют духовные стихи. Во всем законы у них жестокие. Этот Гогин постороннего человека из скита живым ни за что не выпустит. Да скит нигде в поселенных списках и не числится. Налоги они не платят, повинностей не несут. Гогин-то, как смерти, боится, как бы в скит мирская власть не заглянула. Для него это сущая смерть.

Артем с сомнением спросил:

— А как же вы, Артамон Назарович, не боитесь в скит заходить?

— Я-то? Я не боюсь. Гогин кажинный раз в моей лес-

ной сторожке на постой встает, когда на село приходит. Он меня хорошо знает и уважает.

Путники поднимались по склону холма. Над головами тревожно гудели сосны. Землю устилала хвоя, пахло смолой, и не верилось, что кругом этого острова простирается страшное болото. Деревья расступились, и Артем разглядел соломенные крыши изб, венцы, срубленные из толстенных, почти в обхват, бревен.

— Мы сейчас зайдем к самому Гогину. Я тебя за своего батрака выдам, ладно? Ты уж извиняй меня, а придется тебе ночку с его батраками провести. Сколько их — не знаю, но парни они смиренные, забитые, религией опутанные по рукам и ногам.

По крышам Артем насчитал девять домов. Один из них выделялся размерами, петухом-вертуном на коньке крыши и белыми, видными в сумерках, наличниками окон. Лесник направился напрямик к этому дому, и Артем догадался, что там живет Гогин.

Хозяин встретил пришельцев на крыльце. Он приветливо поздоровался с лесником и подозрительно скосил глаза на Артема. Артамон Назарович поспешил сказать:

— Батрак мой, нынче нанял. Парень смиренный и не табашник.

— Эй, Дунька, — крикнул Гогин девке, шедшей с деревянными ведрами к колодцу. — Проводи парня в людскую, накорми чем бог послал. Спит пусть с Мотькой Чоминым.

Девка поставила ведра и положила на них коромысла. Вышедшая из-за облака луна вспыхнула в ее глазах. Девка откинула за спину тяжелые косы и, шурша холстинной юбкой, проплыла мимо Артема. Тот замешкался.

— Иди за ней, паря, — уже с крыльца сказал Артамон Назарович.

Артем поспешил. Вот девка остановилась перед каким-то черным провалом и нырнула в него. Артем нырнул вслед за ней и чуть не скатился по земляным ступеням.

Землянка была хотя и мрачной, но просторной и чистой. В одном углу в светце горела лучина, освещающая изможденное лицо Христа, другие углы тонули в темноте. Артем, сняв с посошка сапоги и мешок, положил их на лавку и сел, с интересом оглядывая жилье.

Девка захлопотала около печи. Отодвинув заслонку, она достала большой чугунок, налила в глиняную чашку пустых щей, поставила ее на стол. Потом положила перед Артемом половину коврижки хлеба. Все это она делала степенно, не торопясь и не поднимая глаз. Но, вынимая из котомки деревянную ложку, Артем заметил на себе любопытный и в то же время застенчивый взгляд и, сам не понимая почему, смутился. А девка, неторопливо закинув за спину косы, горделиво подняв голову, вышла.

Вскоре в землянку пришли батраки Гогина — два высоких мускулистых парня в длинных холщовых рубахах и штанах. Один из них быстро собрал на стол, и оба усадились за ужин. Ели они много и молча, словно священнодействовали.

Еще проходя по улице к землянке, Артем в темных сумерках заметил, что все мужчины и женщины были в белых домотканых рубахах, в онучах и лаптях. У мужчин волосы подстрижены спереди челкой, а на затылке до кожи выстрижены проплешины. Бороды косматые, никогда их ножницы не касались.

Артем, дождавшись, когда батраки покончат с ужином, спросил, как живется в скиту? Тот, что постарше, оказавшийся Чоминым, не отвечая на вопрос, в свою очередь поинтересовался: уж, часом, не жить ли сюда пришли Артем и его хозяин? И только когда гость сказал, что зашли они переночевать, так как побоялись ночью идти через болото, Чомин вздохнул и сказал, что в скиту живется неплохо.

Он был словоохотлив, этот Чомин. Второй батрак больше молчал. Видимо, проникшись доверием к неожиданному гостю и, наверное, стосковавшись по собеседнику, Чомин признался, что, посещая село, выучился по складам читать. Желание высказаться оказалось сильнее религиозных предубеждений, недоверчивости и скрытности. Постепенно он обрисовал Артему всю жизнь скита.

— Наверно, видел ты поле, оно перед скитом тут. Так вот, каждый здесь имеет свою землицу, руками ее, кормилицу, всю проходит. А уродила что — отдай сполна Гогину, он посчитает и возвернет обратно сколько нужно на прокорм. Ну, само собой, и на его поле работаем, но то все его,

— Так, выходит, Гогин — ваш помещик?

— Не-е, он наставник наш, — хитровато возразил Чомин. — Мы ему за духовное слово платим, из долгов не вылазим. И еще: он из села кой-чего приносит, благодетельствует — чай там аль сахару чуток. Заботится! Он и суд вершит: провинился кто, так грешнику и вознестись пособит... Ну, словом, отец он нам родной.

Долго еще тихим голосом рассказывал Чомин. И Артем угадывал, что батрак насмехается и над собой и над другими жителями скита. Артему было ясно, что рассказчик искренне печалится над порядками, которые существуют в их лесном, далеком от всего мирского жилище.

У полатей лежала медвежья шкура, на стене были приколочены лосиные рога. Перехватив взгляд Артема, Чомин продолжал:

— Наши, скитские, все охотники. Правда, ружей у нас нет, но все мы — во! — показал свой огромный кулак Чомин. — Один на один на медведя с рогатиной или с ножом ходим.

Выспаться Артему не удалось. Долго разговаривал с Чоминим, потом на час-другой, не более, забылся в короткой дремоте и, проснувшись, заспешил. Такой уговор был с проводником — выйти пораньше. Чомин тоже встал, поставил на стол холодных шей. То ли случайно, то ли с наивным умыслом, он поставил перед гостем свою миску. Артем заметил это, но ничего не сказал, только улыбнулся, а на сердце потеплело. Все-таки Чомин хороший человек, что ни говори.

— Провожать я тебя не пойду, — сказал батрак. — Ты уйдешь, а мне оставаться... Если, случаем, будешь проходить мимо, заходи на постой. Я, может, еще буду здесь.

Он протянул Артему жесткую как доска ладонь и, сняв лампаду, осветил ею, чтобы гость не споткнулся на ступеньках.

Вскоре сосны и сухие места кончились, снова началось болото. На одном из маленьких островков Артамон Назарович остановился, поджидая Артема, прыгавшего по кочкам.

Дождавшись Артема, проводник откуда-то из-под ко-

реньев чахлой ели извлек два трехсаженных шеста и указал Артему, чтобы и тот два таких же взял себе — концы их торчали из-под корневищ. Затем Артамон Назарович просунул один шест вперед, а второй положил на расстоянии аршина, параллельно первому.

— Ты теперь, Артюша, особенно сторожким будь. Делай все, что я буду делать. Через такие места продираться будем, что и высказать трудно. А идти-то нам все равно надо, с полдороги не возвратишься.

Он встал на четвереньки — ногами на один шест, руками на другой — и пополз боком вперед, передвигая ноги по одному шесту, а руки по другому. Ноги по колено, а руки по локоть были в болотной бурой воде. Добравшись до конца шестов, проводник остался на одном шесте, а другой передвинул вперед. И так делал он все время. Артем в точности повторял его движения и, обливаясь потом, осторожно продвигался вслед за ним.

Наконец трясина кончилась, хотя под ногами все еще

хлюпала вода. Лесник хитровато, с улыбкой спросил Артема:

— Что, паря, приустал? Теперь до бурелома недалеко. Дойдем и отдохнем. А от бурелома всего верст тридцать останется.

Артем собирал на кочках пригоршни кислой клюквы. Ягоды приятно освежали рот и, казалось, прибавляли силы для дальнейшего пути. Вот показалась стена бурелома. Могучие ели и сосны все полегли в одну сторону. Потянуло едким дымом.

— Должно быть, недалеко лес горит, — проворчал лесник. — А вот это и есть бурелом, — показал он в сторону лесного хаоса. — Бурелом — это поваленный ветром или бурей лес. Видишь, лешище какой, а буря и его повалила, да ни мало ни много, а на десяток верст ширины. Ну вот, мы здесь и пополуднуем. Ищи-ка давай место посуше.

Они разошлись в разные стороны. Артем, оглядываясь по сторонам, шел по самой опушке поваленного ветром леса. Ему почему-то сделалось страшно от мысли, что придется продираться через это нагромождение мертвых лесных великанов. Впереди он заметил большой, поросший зеленым мхом камень-валун, из-под него журча пробивался родник с чистой, как слеза, водой.

Он решил обойти вокруг камня, затем позвать Артамона Назаровича и сделать у этого родника привал. Но только он зашел по другую сторону, как, пораженный, остановился. Перед ним в самых неестественных позах лежали и сидели пять солдат в иностранной форме. У одного бок был обглодан, должно быть, каким-нибудь лесным зверьком. Около валялись две банки из-под консервов. Артем крикнул проводника. Услышав крик Артема, лесник обеспокоенно ответил:

— Иду, иду, поспешаю!

Подойдя к камню и взглянув на мрачное зрелище, он спокойно сказал:

— Пойдем, я другое место нашел, а что все это значит, я тебе расскажу.

Вскоре затрещал маленький костер, и проводник, прилаживая на рогатках котелок, сказал:

— Ты садись, отдохни. Вот пока каша сварится, я тебе все как было обскажу.

Артем сел по другую сторону костра, и Артамон На-

заровнич, помешивая прутником в котелке, начал рассказывать:

— Было это в августе. Почитай, это самое тяжелое время. Недалеко от Обозерской в деревне кум мой жил, Трофим Зыбин, тоже лесник, одногодок со мной. Силищи был непомерной. Один на один на медведя с ножом ходил. Помню, были с ним вместе на охоте. Зверь в берлоге лежал. Послал меня кум его растревожить, а сам стал у берлоги ждать. Растревожил я зверя, вылез из берлоги — громадное чудовище! — и пошел прямо на Зыбина, кума моего. А он хоть бы что, стоит, наматывает на левую руку полушубок. Вот он в правую руку нож взял и двинулся на зверя. Ревет медведь, а кум все ближе к нему подходит. Смотрю, столкнулись они, кум сует в пасть зверю левую руку с полушубком, а правой нож ему под лопатку вонзает. Зверь больше и не пикнул, свалился. Вдвоем мы его до дому и донести не могли, тяжел был. Но это все присказка. Нет уж теперь кума моего, царство ему небесное. . .

— Что же, умер он? — спросил Артем.

— Не умер, а не своей смертью погиб от этих самых, — махнул рукой проводник в сторону трупов. — Сгубили его и сами погибли.

— Как же это, расскажи, Артамон Назарович.

Лесник вынул из мешка соль и кусок сала и все это бросил в пузырившуюся в котелке кашу.

— Вот-вот, об этом-то ты и послушай и кому там еще расскажешь, чтобы имя моего кума не забыли. Ведь он все равно что Иван Сусанин. Только тот царя спас, а кум мой советскую власть спасал. Гостил я в тот год у него. Бывало, придешь из деревни на Обозерскую и как посмотришь на красноармейцев тамошних, так и забоншься, что их американцы да белые сомнут. Поверишь ли, молоденькие все, необученные, разутые, голодные, и стояли они под Обозерской в лесу под дождем. И вот однажды сидим мы с кумом, вдруг десятник прибегает и на сход зовет. Пошли. Смотрим, вся деревня солдатами чужими полна. Говорят — мериканцы. Их, поди, человек пятьсот было. Собрались на сход мужики и думают: «Ну, сейчас грабить начнут». Ан нет. Вышел тут офицер белый и говорит, что командир отряда, какой-то Роль или Раль, не помню, ну да хрен с ним, мол, командир отряда приказал найти проводника, чтобы с пра-

вого фланга в тыл красным зайти. Говорил этот офицер, что мериканцы ослободжать нас от большевиков и Красной Армии приехали. Только молчат мужики, никто не идет... Смотри-ко, каша-то упрела, доставай ложку.

— Нет, вы, Артамон Назарович, доскажите сперва, — попросил Артем.

— Это можно. Пускай простынет немного, а то, неровен час, ты опять обожжешься, — лукаво прищурясь, сказал проводник.

Артем только улыбнулся.

— Так вот. Тут-то моего кума словно бы кто дернул. А был он в те поры член комбеда. Словом, пошли мы с кумом домой. Дорогой он и говорит мне: «Эх, Артамон, и заведу же я хасеев¹ энтих на погибель. В те места заведу, где мы с жердями пробираемся». Простился он степенно со своими домашними и со мной и ушел. И с тех пор о нем ни слуху ни духу. Наверно, прикончили его хасеи. А мужик-то какой был... Ну, чем не Иван Сусанин. Ведь из отряда мериканцев ни один человек не вышел. Да и ты видал, какой они смертью погibli, осино-вый кол им в могилу.

Артем с волнением прослушал рассказ проводника и, когда тот закончил, горячо произнес:

— Ничего, Артамон Назарович, за всех и за твоего кума Зыбина мы отплатим. Отплатим сполна.

Из Обозерской без особых затруднений Артем доехал до Исакогорки, а отсюда уже рукой подать до Архангельска. В Исакогорке, на явке, Артем получил документы и изменил свой внешний облик.

Стоя на юте парохода «Москва», Артем, чуть прищурившись, наблюдал, как приближается Архангельск. Он был спокоен: если уж документы, переданные ему в Исакогорке, не подвели сейчас, при посадке на пароход, то и в дальнейшем можно быть спокойным. Ведь проверяли два белогвардейских офицера и англичанин с американцем — оба капралы. Смотрели чуть не в лупу, а все равно пропустили. Значит, все в порядке.

Артем искоса взглянул на свое отражение в застекленной двери надстройки. Что ж, вполне приличный мо-

¹ Так звали на Севере интервентов.

лодой человек, купеческий сынок или приказчик, пользующийся доверием хозяина. Ездил по делам, сейчас пароходик «Москва» везет его обратно домой.

«Отец! Здесь мой отец, — подумал Артем. — Здесь он, мой «Буревестник», и я его скоро увижу».

Сойдя по сходням с маленьким аккуратным чемоданчиком, Артем уверенно зашагал по улице. Он не знал, в какую сторону надо идти, но никого не хотел спрашивать. Наконец на пустынной улице он все же спросил у старушки, как пройти на Приморский бульвар. Она объяснила. Артем заторопился уже по-настоящему, — ведь свидание было назначено через час после прибытия парохода.

Только выйдя на бульвар, он замедлил шаги. Артем подумал: «Здравствуй, северный русский город... Буря! Скоро грянет буря!.. Недолго тебе осталось быть под ярмом англо-американских интервентов. Скоро ты снова будешь советским!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ч А С Т Ь I

АРТЕМКА

1. В монастырском саду	7
2. Широково	16
3. У гробовщика	23
4. Ресторан «Савой»	36
5. Дикie нравы	41
6. Новый управляющий	46
7. Сенька Куприянов	52
8. Друзья собираются на фронт	56
9. В запасном полку	63
10. Артем едет в Петроград	77

Ч А С Т Ь II

НАЧАЛОСЬ...

1. В родных местах	83
2. На заводе	90
3. Снова в солдаты	100
4. Началось!	107
5. Встреча с отцом	112
6. Красная гвардия	120
7. Отец и сын	125
8. Июльские дни	129

9. Наставление отца	134
10. За оружием	136
11. Октябрьская ночь	143

Ч А С Т Ь III

ЧЕКИСТ

1 В райчека	153
2. Отряд в пути	156
3. Снова Вологда	168
4. Вражьи силы	173
5. Задание выполнено	177
6. Мятежный полк	182
7. В западне	186
8. Тараканьи следы	193
9. Старый знакомый	203
10. Возвращение в Широково	213
11. Новое задание	225
12. На бронепоезде	229
13. У Хаджи Мурата	234
14. Ночлег в скиту	239

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Куракин Петр Григорьевич

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Ответственный редактор *А. И. Плюснина.*

Консультант по художественному оформлению *Н. Д. Полозов.*

Технический редактор *Л. Б. Никитина.*

Корректоры *Л. К. Маляво* и *Ю. А. Бережнова.*

Подписано к набору 5/IX 1963 г. Подписано к печати 21/I 1964 г. Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,12. Уч.-изд. л. 12,85. Тираж 30 000 экз. ТП 1964 № 465. М-21240. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 174. Цена 64 коп.

Фабрика детской книги № 2. Ленинград, 2-я Советская, 7.

ЧИТАЙТЕ
книги, изданные для вас Детгизом!

Аренштейн А.
„НИНА“ ОСТАЕТСЯ В БАКУ. Повесть.
М., 1960, 206 стр.

Гайдар А.
ШКОЛА.
Любое издание.

Горький М.
ПЕСНЬ О БУРЕВЕСТИКЕ.
Любое издание.

Горький М.
9 ЯНВАРЯ.
Л., 1955, 32 стр.

Грабовский В.
НА ИСХОДЕ НОЧИ. Записки сельского учителя.
Л., 1960, 287 стр.

Гроссман В.
СТЕПАН КОЛЬЧУГИН. Роман.
М., 1959, 702 стр.

Исбах А.
ЗОЛОТЫЕ КУВШИНКИ. Рассказы.

М., 1957, 192 стр.

Капица П.
ОНИ ШТУРМОВАЛИ ЗИМНИЙ. Повесть.

Л., 1957, 309 стр.

Катаев В.
ХУТОРОК В СТЕПИ. Роман.

М., 1958, 368 стр.

Кожевников В.
ЗАРЕ НАВСТРЕЧУ. Повесть.

М., 1959, 294 стр.

Лебеденко А.
ВОССТАНИЕ НА „СВ. АННЕ“. Повесть.

Л., 1957, 168 стр.

Островский Н.
КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ.

М., 1958, 391 стр.

Поступальская М.
НА ЛЕНЕ-РЕКЕ. Историческая повесть.

М., 1956, 247 стр.

Раевский Б.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР. Рассказы о „Правде“.

Л., 1957, 160 стр.